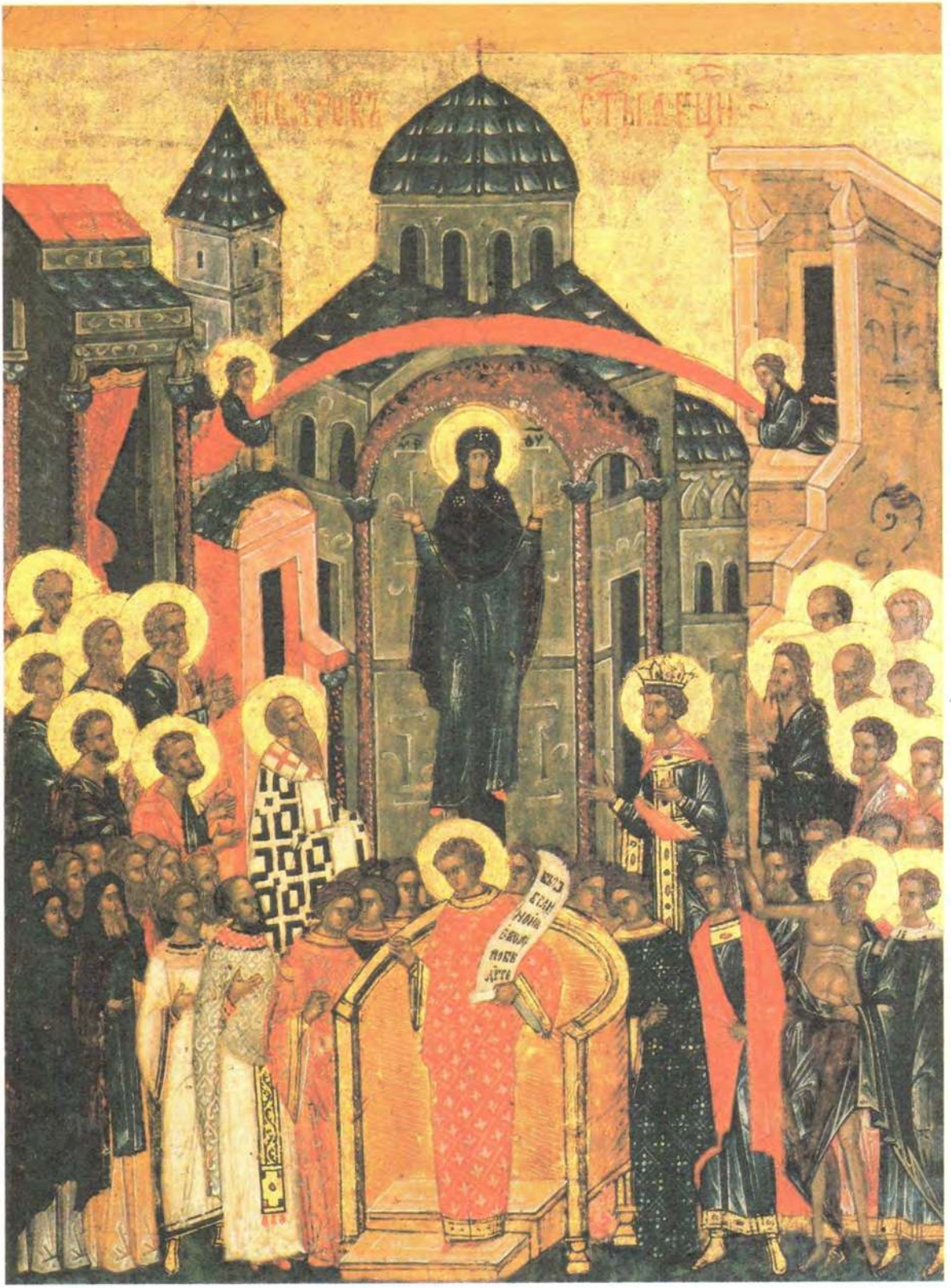
ISSN-0132-862X

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

10
1991

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Икона конца XV века из Софийского собора Новгорода

1991 • 10

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно на русском и английском языках

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор - председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

Ответственный секретарь - профессор К. М. КОМАРОВ

Заявление, Обращение и Послание Патриарха Алексия II по поводу августовских событий . . . 2
Обращение Патриарха Алексия II к верным чадам Русской Православной Церкви 4
Патриарх Алексий II: Принимаю ответственность за все, что было 5
Передача церковных ценностей из фондов Гохрана 8
На церемонии присяги Президента России 9
Гражданский устав Русской Православной Церкви 11
Встреча Патриарха Алексия II с М. С. Горбачевым 13
Определения Священного Синода 14
На приеме у Патриарха Алексия II 14

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Служения Святейшего Патриарха Алексия II 15
С. Белавенец. Годовщина интронизации Патриарха Алексия II 16
Слово Патриарха Алексия II, сказанное в годовщину интронизации 17
Е. Иванов. Дорогами Белоруссии 19
Е. Комаров. Поездка Святейшего Патриарха в Рязанскую епархию 23
Из выступлений Патриарха Алексия II 25
Наречение и хиротония архимандрита Евлогия (Смирнова) во епископа Владимирского и Суздальского 27
Иеромонах Дамаскин. Епископ Кинешемский Василий — исповедник веры 30
Священник Александр Марченков. Оптинский старец Варсонофий. *(Окончание)* 34
Из жизни Духовных школ
Выпускной акт в Московских Духовных школах 37

Советы старосте. *Г. Волховский.* Рекомендации по сохранению и реставрации храмовой живописи 40

ПРОПОВЕДЬ

Архимандрит Иннокентий. Памяти Преподобного Сергия Радонежского 41
Протоиерей Стефан Ткач. Московские святители 42
Протоиерей Леонид Ролдугин. Ловцы человеков 43
Епископ Василий (Преображенский). Беседы на Евангелие от Марка 44
Протоиерей Сергий Булгаков. Беседы о Божественной литургии 47

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Обращение Патриарха Алексия II к молодежи 51
И. Арефьева. Брошенные дети — Божьи дети 52
Семинар в Москве по созданию детских садов при приходах 54

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВИЯ

Е. Викторов. Визит Предстоятеля Финляндской Церкви 55
Священник Сергий Рассказовский. Богословско-практические семинары СИНДЕСМОСа . . . 57

ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Заседание Координационного комитета комиссии по диалогу между Католической и Православной Церквами 61

БОГОСЛОВСКИЙ ОТДЕЛ

Литургическое богословие
Архимандрит Киприан (Керн). Евхаристия. (Главы из книги) 64
Протопресвитер Александр Шмеман. Символ Царствия 71

ВЕРА И ЗНАНИЕ

Валентин Никитин. Н. Ф. Федоров и Православие 76

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Н. Патриарх Алексий II. Сборник избранных трудов 79

ЗАЯВЛЕНИЕ
Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

В жизни нашего Отечества произошло чрезвычайное событие. Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев, избранный Съездом народных депутатов Советского Союза, отошел от верховной власти в стране.

При этом остаются неясными обстоятельства этого отхода.

Такое положение смущает совесть миллионов наших сограждан, для которых встает вопрос о законности новообразованного Государственного комитета по чрезвычайному положению, объявившего о принятии им верховной власти в СССР.

В связи с этим мы заявляем, что в настоящий момент необходимо услышать голос Президента Горбачева и узнать его отношение к происходящим событиям.

Мы надеемся, что Верховный Совет СССР даст принципиальную оценку случившемуся и предпримет решительные меры по стабилизации положения в стране.

Мы обращаемся с призывом ко всем чадам Русской Православной Церкви, ко всему нашему народу, сугубо к воинству нашему, в этот критический для Отечества момент проявить выдержку и не допустить пролития братской крови.

Мы возносим усердную молитву ко Господу и призываем к такой молитве всех верных чад Церкви нашей, да ниспошлет Он мир народам нашей страны, дабы они и впредь могли устроять свой дом в соответствии со свободным выбором и общепринятыми нормами морали и права.

АЛЕКСИЙ II, Патриарх Московский и всея Руси

Москва,
20 августа 1991 года

ОБРАЩЕНИЕ
Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

Братья и сестры!

Взорван хрупкий гражданский мир в нашем обществе. По поступающим сообщениям, начинаются открытые вооруженные столкновения и кровопролитие.

В этих условиях мой долг Патриарха предупредить всех, кому слово Церкви дорого и небезразлично: всякий, кто поднимет оружие на своего ближнего, против безоружных людей, приемлет на душу тягчайший грех, отлучающий его от Церкви, от Бога. О таковых подобало бы проливать больше слез и молитв, чем об их жертвах.

Да избавит нас Господь от страшного греха братоубийства!

Потому и предупреждаю я всех соотечественников: Церковь не благословляет, не может благословить беззаконные, насильственные, кровопролитные действия. Я прошу всех вас, дорогие, сделать все, чтобы не вспыхнул пламень междоусобной войны.

Остановитесь!

Я прошу солдат и их командиров вспомнить, что цену за человеческую жизнь не может назначить и уплатить никто.

Я прошу Пресвятую Богородицу в эти дни Успенского поста, Покровительницу града нашего, не оставить нас Своим покровом и сохранить всех нас. Матерь Божия, помоги нам примириться друг с другом, с Правдой и с Богом.

АЛЕКСИЙ II, Патриарх Московский и всея Руси

Москва, 21 августа
1.30 ночи

ПОСЛАНИЕ

Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные пастыри, боголюбивые иноки, инокини и все верные чада нашей Святой Церкви!

В дни, которые только что довелось пережить нам, кончился Промыслом Божиим период нашей истории, начатый в 1917 году. В то уже далекое время нашу землю обагрила кровь, началось великое разделение и братоубийственная война, завершившаяся торжеством властителей, которые сами о себе свидетельствовали как о людях и политиках «нового типа». Их новизна была в отвержении всех абсолютных нравственных начал, в забвении духовных истоков и смысла человеческого существования, в уверенности в том, что ни перед Богом, ни перед людьми они никогда не понесут ответственности за свои деяния.

Последнюю чреду из них — .. надеюсь, что уже последнюю,— мы видели в дни переворота. Переворота, который не мог завершиться их успехом хотя бы потому, что был начат, как бы в надругание над всеми святынями нашего Отечества, в день, когда Церковь празднует великий праздник Преображения Господня. Ныне же Россия может сказать им слова, которые некогда Иосиф обратил ко своим братьям: *Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что сейчас есть* (Быт. 50, 20). *То, что сейчас есть,*— это наступающее через десятилетия действительное прекращение гражданской войны в нашем исстрадавшемся от идеологических разделений обществе: отныне уже не может вернуться время, когда одна идеология владела государством и пыталась навязать себя обществу, всем людям. Коммунистическая идеология, как мы убеждены, никогда более уже не будет государственной в России. Она попыталась вновь силой навязать себя народу, но народом же была ненасильственно отвергнута.

Должен наконец закончиться бесплодный и горький труд разрушения: больной, чье безумие долгие годы внушало ужас всем сопредельным, присел у ног Христовых *в здравом уме* (Лк. 9, 35) и покаянии. Россия начинает труд и подвиг исцеления!

Этот труд, все мы знаем, не будет ни коротким, ни легким, но молитвами святых мучеников и угодников Божиих, просиявших в земле Русской, верю, он не будет бесплодным.

Мы должны знать: труднейшей для каждого из нас будет работа не внешняя, а внутренняя. Нелегко вернуть Отечеству благосостояние, но многократно трудней очистить свое сердце от злобы, подозрений и рождающей их безумной богоборческой гордыни.

Отцы наши тяжко согрешили; многие из них продолжали упорствовать в своем грехе и умерли, отринув спасительную благодать покаяния... Нам ли, их потомкам, упорствовать во взаимных распрях и в фарисейской надменности обличать чужие грехи и слабости?!

Поистине, на долгие годы для всех нас должна стать общей смиренная молитва матыря: *Боже, милостив буди нам, грешным* (Лк. 18, 13). Кто из нас сможет сказать, что не нуждается в милосердии и прощении Божием? Простим же друг другу, чтобы и Господь простил нам!

Дорогие мои! С радостью освобождения вас! Радуйтесь, но пусть при этом события прошедших лет и дней напоминают вам всегда слова апостола Павла: *Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления... Испытывайте, что́ благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы* (Еф. 5, 6—11).

Сколь многие еще недавно стремились покинуть нашу страну или заявить о своей независимости от власти, обосновавшейся в Москве после своего переезда из Петрограда в 1918 году! К сожалению, и теперь те, кто в день Преображения провозгласил себя «спасителями» Союза, на деле сделали все возможное для его скорейшего распада. Дай Бог, чтобы, вопреки им, тот образ жизни, образ мысли и образ правления, которые установятся в Москве в ближайшем будущем, никого не отталкивали от совместной жизни в нашей возрожденной стране!

Братья и сестры! В ночь на 21 августа, в часы наибольшей угрозы Верховному Совету России, в своем обращении я сказал, что молюсь Божией Матери, Покровительнице земли Русской, чтобы Она в эти дни Успенского поста сохранила всех нас под Своим Покровом и помогла нам примириться в правде и в Боге. Не мои молитвы, но молитвы всех вас были услышаны и совершили чудо. И впредь я призываю вас, дорогие, молиться, да не оставит нас Господь и в грядущие дни, и да поможет Он нам укрепить нашу веру, нашу Святую Церковь, возродить наше Отечество!

С нами Бог!

АЛЕКСИЙ II, Патриарх Московский и всея Руси

23 августа 1991 года

ОБРАЩЕНИЕ

Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

к пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви

...Вознеслся еси во славе Христе Боже наш, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный, и вопия любящим Тя: «Аз есмь с вами и никтоже на вы» (кондак Вознесения Господня)

Закончились дни, осиянные пасхальной радостию, но мне хочется передать всем вам, дорогие мои, ту радость, которую Господь даровал нам в предпасхальные дни, когда сподобил меня Господь поклониться его Живоносному Гробу. Накануне праздника Святой Пасхи, посетив Святую Землю, мы поклонились в Вифании месту, где Господь, предваряя Свое Воскресение и уверяя в общем воскресении всех усопших, воздвиг из мертвых четвородневного Лазаря. Мы были там, где Господь сказал Марфе: *Печешися о мнозе, едино же есть на потребу* (Лк. 10, 41—42). Мы прошли затем, в Вербное воскресенье, с пальмовыми ветвями в руках путь, по которому Господь шел из Вифании в Иерусалим.

Благословен и во веки препрославлен Господь Бог, сподобивший нас вновь увидеть Священный и Богом избранный Град Иерусалим и иные места, где Господь служил нашему спасению и которые ныне, подобно евангелистам, благовествуют нам о днях земного подвига Спасителя!

В Великий Понедельник мы совершили Божественную литургию на Голгофе. Там, где Сам Господь в скорбную минуту Своих крестных страданий возопил: *Боже Мой, Боже Мой, почему Ты Меня оставил?* — мы молились о том, чтобы Распятый ради нас Спаситель не оставил Русь, наш народ Своею милостию и всеисцеляющей любовью.

Наша Святая Церковь только сошла со своей исторической Голгофы. Семьдесят лет поруганий, унижений, гонений и мук — вот та «Via Dolorosa», тот «путь скорби», который пришлось пройти нам.

И не можем мы не чувствовать, что во мгле грядущих исторических дорог нам, может быть, уготованы еще многие испытания. Ибо радости возрождения церковной жизни на Руси не в силах заслонить от наших очей того, что наполняется печалями чаша скорбей, которая подносится в эти трудные дни всему нашему народу, нашей Родине.

Особый крест ложится на Патриарха. Сугубо тяжек он во дни всенародных испытаний. Где же взять силы, чтобы, следуя Божией Правде, давать каждому то, что требуется и для его духовной пользы, и для пользы Отечества? Лишь укрепившись неиссякающей благодатью и милостью Господней, можем мы служить Церкви и народу Божию.

Потому и почел я необходимым в поисках духовного укрепления прежде всего поклониться от нашей Российской Голгофы Голгофе Господней, пройти по местам Его скорби и Его славы, Его смерти и Его Воскресения.

Наша поездка была паломничеством, главной целью которого было припасть ко Гробу Господню.

Среди иных целей посещения Святой Земли было обсуждение обстоятельств, связанных с возобновлением паломничества из нашей страны.

Государство Израиль перестало быть закрытой страной для паломников из нашей страны, и наша поездка открывает дорогу регулярным паломничествам.

Первоначально такие паломнические группы будут небольшими. Но затем, когда, как мы надеемся, восстановятся экономические основы нашей церковной миссии в Святой Земле и произойдет оздоровление хозяйственной жизни всей нашей страны, такие паломничества будут доступны для многих чад нашей Церкви. Мы желали бы, чтобы в каждом нашем приходе появились люди, своими глазами видевшие святыни Иерусалима и могущие свидетельствовать о сохранившихся памятниках нашей священной истории.

Но сейчас, пока паломничество к святым местам Палестины для нас еще трудно-

доступно, мы призываем вас, дорогие, не забывать о духовном подвиге паломничества и подвизаться им на нашей, Русской земле. Святыни Палестины были дарованы людям Богом. Они появились от Божия прикосновения к земле. Святыни же нашей земли обязаны своим происхождением духовным трудам наших предков. В Палестине Небо коснулось земли. В русских монастырях молитва возносила подвижников в горняя и тем освящала места их подвигов. И потому подвиг паломничества к тем местам, где Божия благодать излилась на землю и ее обитателей, не может быть отделен от подвига молитвы. Возрождать паломничество — значит прежде всего укрепляться и совершенствоваться в молитвенном делании.

Благословляя вас, дорогие братия и сестры, посещать, возрождать и обновлять святые места России, дорогие верующему сердцу, мы прежде всего желаем напомнить вам, что любое христианское паломничество начинается с паломничества внутрь самого себя. Войди в храмину своего сердца, выйди из внешнего рассеяния, всмотрись в своего «сокровенного сердца человека» — и ты почувствуешь в себе ту глубину, за которой таится святое. Об этом пути вовнутрь, в себя, постоянно говорят святые отцы Церкви. «О, если бы я только мог увидеть себя, я бы увидел Тебя, Господи»,— восклицает блаженный Августин.

Любое паломничество — это искание встречи со святыней, это поиск соприкосновения с Господом, со Святыней. Лишь только если мы в молитвенном самопонуждении расширим наши сердца — святыни, к которым мы припадаем, укрепят нас и приобщат к хранимой ими благодати.

В эти дни, предшествующие празднику Святой Троицы, мы ощущаем, как близок к нам Господь, как неизмеримо много Он сделал *нас ради человек и нашего ради спасения*. Нам остается усвоить то, что дает нам Господь в течение духовного пути, ведущего ко спасению, который нам надлежит пройти нашими усилиями, нашей свободой и нашей верой.

В этом пути нас должны укреплять слова кондака праздника Вознесения Господня: *Аз есмь с вами и никтоже на вы.*

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

16 мая 1991 года

Святейший Патриарх АЛЕКСИЙ II: *Принимаю ответственность за все, что было*

В жизни Русской Православной Церкви после избрания на Патриарший престол Московский и всея Руси Алексия II происходят события, которые ординарными не назовешь. Впервые за много десятилетий прежде негромкий голос Церкви начал обретать свой самостоятельный тембр. Опутанная многочисленными циркулярами и — что говорить — загнанная, но не сломленная, она все тяжкие времена была, несмотря ни на что, вместе со своей паствой, в меру своих возможностей утешая, зовя к ценностям справедливым, вечным.

Да, не все было гладко и правильно, но Русская Православная Церковь, как показало время, сумела сохранить, сберечь свои идеалы, традиции. 10 июня исполнился ровно год со дня интронизации нового Патриарха. Воспользовавшись этим поводом, корреспонденты газеты «Известия» Г. Алимов и Г. Чародеев вновь встретились с ним, чтобы продолжить разговор о делах сегодняшних, церковных и мирских. По техническим причинам «Известия» от 10 июня 1991 года с некоторыми сокращениями опубликовали беседу со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Мы даем полный текст интервью.

— Ваше Святейшество, в советское время каждый Патриарх, приходящий к возглавлению Церкви, в день своего избрания должен был подтвердить, что он будет верен Декларации Митрополита Сергия 1927 года о принципах отношений Церкви и Советской власти. Вы этих слов при избрании год назад не произнесли. Но все же создается ощущение, что Вы оправдываете эту Декларацию. Каково все-таки Ваше отношение к ней?

— Прежде всего мне не хотелось бы вставать в такую позицию, будто бы я отрекаюсь от нее. Декларация эта — часть истории нашей Церкви. Будучи церковным человеком, я должен принимать на себя ответственность за все, что было в жизни моей Церкви: не только за доброе, но и за тяжелое, скорбное, ошибочное. Слишком просто было бы сказать: я ее не подписывал и ничего не знаю.

Помогла или нет эта Декларация нашей Церкви в те тяжелейшие дни — пусть судит история. Не хотел бы выносить оценку этим действиям Митрополита Сергия. В ту ночь мы могли бы лишь плакать вместе с ним. Насколько можно судить, ему была предложена «альтернатива»: или подпись, или расстрел нескольких сот епископов, находившихся уже под арестом...

Та боль, которую испытывал он тогда, отчасти живет и поныне в моем сердце... Но, глядя из сегодняшнего дня или просто с точки зрения исторической правды, мы видим, что заявление Митрополита Сергия, конечно, нельзя назвать добровольным, ибо ему, находившемуся под страшным давлением, пришлось заявить вещи, далекие от истины, ради спасения людей. Сегодня же мы можем сказать, что неправда замешана в его Декла-

рации. Декларация ставила своей целью «поставить Церковь в правильные отношения к советскому правительству». Но эти отношения — а в Декларации они ясно обрисовываются как подчинение Церкви интересам государственной политики — как раз не являются правильными с точки зрения Церкви.

«Мы, церковные деятели,— говорится в ней,— не с врагами нашего советского правительства, а с нашим народом и с нашим правительством. Мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности советскому правительству во всей своей общественной деятельности». А ведь это правительство в те годы еще не окончило необъявленную гражданскую войну со своим собственным народом и «коллективизация» еще была впереди... Именно это государство устами своего создателя сказало: «Мы должны бороться с религией — это азбука всего марксизма». Декларация же Митрополита Сергия говорит о «справедливом недоверии правительства к церковным деятелям»... По Декларации получается, что «выступления зарубежных врагов нарушают мирное течение жизни, создавая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений». Но ведь создание аппарата тотального сыска и удерживание всей страны в течение долгих лет на осадном положении — это дело рук самого большевистского государства, но не его «внешних врагов». Трагедия Митрополита Сергия была в том, что он пытался «под честное слово» договориться с преступниками, дорвавшимися до власти.

Митрополит Сергий хотел спасти ею Церковь. Знаю, что многие, слыша эти слова, возражают, что Церковь спасает Христос, а не люди. Это верно. Но верно и то, что без человеческих усилий помощь Божия не спасает. Неуничтожима Вселенская Церковь. Но где знаменитая Карфагенская Церковь? Есть ли православные верующие сегодня в Каледонии, в Малой Азии, где прославились Григорий Богослов и Василий Великий? На наших глазах была уничтожена Церковь в Албании... И в России были силы, желавшие того же...

Надо признать, что Декларация не ставит Церковь в «правильное» отношение к государству, а, напротив, уничтожает ту дистанцию, которая даже в демократическом обществе должна быть между государством и Церковью — чтобы государство не дышало на Церковь и не заражало ее своим дыханием, духом принудительности и безмолвности.

Декларация — это тяжелая страница в нашей истории. Но она есть, и вырывать из истории ее нельзя. Люди более беспристрастные, чем мы, вынесут когда-нибудь свое суждение о том, насколько неизбежно было ее принятие тогда. Но сегодня мы вполне в состоянии заявить, что не эта Декларация лежит в основе сегодняшних отношений Церкви и государства. И я, кстати, благодарен «Известиям», которые способствовали мне в течение всего этого года проводить политическую линию, весьма отличную от линии Декларации Митрополита Сергия, от линии утверждения тождества интересов Церкви и материалистического государства.

Что же касается моей защиты этой Декларации, то надо помнить, что критика Декларации в основном была направлена против слов: «мы хотим считать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости которой — наши радости и беды которой — наши беды». Противники Декларации утверждали, что таким заявлением радости атеистического государства отождествляются с радостями Церкви. Это действительно получалось бы абсурдно. Но ведь в Декларации нет слова «которого», то есть государства, Советского Союза, а есть слово «которой», соотносимое со словом «Родина». То есть речь идет о Родине, радости которой независимо от политического режима, господствующего в ней или над ней, действительно радуют и Церковь. Поэтому это положение Декларации я все время отстаивал, согласен я с ним и сегодня.

Что же касается остальных положений Декларации... Мы не спешили на словах отказываться от нее, пока на деле, в жизни не смогли занять действительно независимую позицию. За этот год, я считаю, мы реально смогли выйти из-под навязчивой опеки государства, и потому теперь, имея как факт нашу дистанцированность от него, мы имеем нравственное право сказать, что Декларация Митрополита Сергия в целом ушла в прошлое и что мы не руководствуемся ею.

Это не означает, что мы выступаем против государства. Это значит, что мы считаем, что государство может ошибаться — и очень тяжело и иногда даже преступно — и что у нас есть право и долг в этих случаях свидетельствовать перед Богом, перед нашей совестью, перед миром о нарушении правды Божией.

— Да, в этом году Вы, пожалуй, действовали так, как не стал бы действовать убежденный «сергианин». Так, как будто не про Вас В. Фуровым, в те годы заместителем председателя Совета по делам религий, сказано в 1974 году как об одном из самых лояльных епископов Русской Церкви, понимающем «незаинтересованность» государства в укреплении религиозности.

— Когда меня назначили епископом в Таллинн — это было в сентябре 1961 года,— мне местными властями было сказано, что в Александро-Невском кафедральном соборе Таллинна комсомольцы намерены сделать планетарий, а в Пюхтицком монастыре, намеченном к выселению к 1 октября, будет размещен дом отдыха шахтеров. Мне удалось убедить власти в недопустимости этих акций. И затем за 30 лет моего руководства Эстонской епархией в ней не было ни одного случая административного закрытия храма, а число монахинь в Пюхтицах выросло в два раза — с 80 до 160 к 1988 году. Это не означает, конечно, что я был свободен в своем управлении епархией и в своей работе в Патриархии. Отстаивая одно, приходилось уступать в чем-то другом. Были ли другие организации или другие люди из числа тех, кому приходилось нести ответственность не только за себя, но и за тысячи других судеб, которым в те годы в Советском Союзе не приходилось поступать так же?

У людей же, которым эти уступки, молчание, вынужденная пассивность или выражения лояльности, допускавшиеся церковным возглавлением в те годы, причиняли боль,— у этих людей, не только перед Богом, но и перед ними, я прошу прощения, понимания и молитв.

— Сегодня Церковь действительно освобождается от груза прошлого. Нормализуются отношения с государством, открываются новые возможности. Сможет ли она использовать их или, напротив, станет жертвой своих междоусобиц, которые могут привести ее к расколу?

— Угроза расколов — главное, что печалит меня сегодня в церковной жизни. В Церкви, в ее людях должны быть мудрость, терпимость, понимание своей ответственности. Университетский преподаватель несет ответственность перед своей совестью только за полноту выражения истины. Но священник прежде всего обязан думать о том, как отзовется любое его слово в душах людей. В какой своей статье, скажем, священники Глеб Якунин или Георгий Эдельштейн за последний год свидетельствовали о Христе, призывали людей к вере и к ра-

дости жизни в Господе? В каком своем публичном выступлении они несли людям мир в их души? Смогут ли они сказать на последнем Суде: «Се аз, и чада, яже дал ми есть Бог через мои статьи» — через статьи, полные духа недобросовестной хулы на Церковь?

Священники, поддерживающие раскол, ради доказательства «принципиальной правоты» своих позиций готовы отрицать вообще наличие духовности в российском обществе, в нашей Церкви. Чем дальше, тем сложнее будет поддаваться врачеванию наметившийся раскол с Зарубежной Церковью, с теми приходами, которые она открывает в России. Все более ими овладевает дух партийности, то есть готовности не столько искать истину, сколько отстаивать однажды занятые позиции. Сначала человек, уходящий в раскол, еще способен мыслить трезво: он помнит, что, несмотря ни на что, поверх всех недостатков есть духовность и благодать в нашей Церкви. Но затем, чтобы обосновать свою самоизоляцию, он психологически принужден изыскивать все новые, все более жесткие аргументы и обвинения... В конце концов он просто духовно заболевает — с ним случается то, что на церковном языке называется «страстная одержимость»: это когда некое чувство или мысль начинают владеть человеком, и он уже не волен управлять своим поведением. В данном случае это страсть горделивого наслаждения чувством своей правоты и виновности всех окружающих.

Вообще же я хочу напомнить, что Зарубежная Церковь с самого начала своего существования обещала, что, как только Патриарх в Москве обретет свободу, Зарубежный Синод представит на его суд все свои дела за годы вынужденного разъединения. Сейчас они ставят вопрос иначе: все священники Русской Церкви должны прийти к ним на суд и покаяние. Я полагаю, однако, что судить никого не стоит, а каяться надлежит нам всем, в том числе и «карловчанам». Ну хотя бы за их официальную поддержку Гитлера или за послание Собора епископов Зарубежной Церкви президенту США Джонсону, в котором «призывается Божие благословение на героическую американскую армию, самоотверженно борющуюся во Вьетнаме, с пожеланием ей победы над коммунистическим врагом», который «стремится к порабощению коммунизмом Соединенных Штатов и уничтожению той свободы и материального благоденствия, которыми пользуется эта великая страна и мы, нашедшие в ней приют». Во вьетнамских джунглях напалмовые бомбы все-таки выжигали не коммунистические идеи, а сжигали детей. По отношению же к Афганистану мы таких заявлений никогда не делали...

Я хочу сказать: Церковь нельзя раскалывать по политическим основаниям. Пока мы жили в России, а они — в Америке, это еще не был раскол, это было лишь некое разъединение. Но когда на одной улице появятся два храма, в каждом из которых священник вместо проповеди Евангелия будет занят разъяснениями, почему нельзя ходить в соседнюю церковь,— это уже будет раскол. Не может быть «свободной Русской Церкви», «либеральной Русской Церкви», «монархической Русской Церкви» и еще какой-нибудь «кадетской». Когда общество раздирается национальными и политическими противоречиями, Церковь должна быть местом, где самые разные люди могли бы вспомнить и ощутить единство своего Богосыновнего достоинства, единство своей веры и единство Божией любви ко всем нам.

— Среди внутрицерковных напряжений, угрожающих единству Церкви, есть и проблема унии. Можно ли ее разрешить через легализацию униатской Церкви?

— Что касается ее легализации — это вопрос, подлежащий ведению государственных инстанций. Уния была ликвидирована Собором униатских священнослужителей во Львове в 1946 году. Этот Собор проходил при сильном давлении сталинской администрации. Но столь же несомненно и то, что он все же выразил те настроения, которые были сильны по крайней мере у части униатского духовенства. Эти стремления затем были скомпрометированы, с одной стороны, государственным давлением, а с другой — крайне близорукой политикой некоторых наших местных епископов. До революции в эти регионы мы старались направлять самых лучших, образованных, духовных епископов. В послевоенные годы епископы, на пребывание которых в этих местах давали согласие власти, не всегда отличались этими качествами.

Сегодня религиозная жизнь на Украине тоже не свободна от внешнего политического давления. Вопрос о будущем унии на Западной Украине может решить Собор, который был бы именно церковным, а не политическим собранием и который не был бы лишь повторением Львовского Собора со знаком «минус». К такому голосу, если он раздается в трезвой и духовной обстановке, мы прислушиваемся.

Но сегодня вопрос об унии на Украине — это менее всего вопрос богословский и внутрицерковный. Это вопрос политического противостояния и националистического самовозбуждения. И мы задаем вопрос католической стороне: допустимо ли использовать гремучую смесь религиозного невежества и политической экзальтации для решения пастырских, церковных задач? Принимая в свой дом людей, живущих противостоянием, одержимых духом националистического обособления, Католическая Церковь в конце концов лишь умножает свои внутренние проблемы. Католичество ведь всегда было сильно своим универсалистским, наднациональным духом. Можно ли быть уверенным, что этот дух дышит в украинских сепаратистах? В общем, сегодня униатство уже не столько проблема Русской Церкви, сколько Католической. И мы полагаем, что руководство Католической Церкви должно приложить свои усилия для умирения религиозных волнений на Западной Украине. Мы, еще раз напомню, согласны, чтобы на каждом приходе демократическим, свободным голосованием решался вопрос о том, переходит община в унию или же остается в Православии.

— Ваше Святейшество, какие наиболее важные события в жизни Русской Православной Церкви за последний год Вы бы отметили?

— Началось возвращение к нашим духовным истокам, которые были утрачены. Отношения Церкви с государством, я думаю, вступили в новую фазу — особенно в связи с получением Церковью права юридического лица. Год был напряженным, до предела насыщенным — условия жизни Церкви сегодня дают возможность для широкого осуществления во всей полноте церковной жизни. Это катихизация, возрождение воскресных церковноприходских школ, дело милосердия, благотворительность, социальная деятельность Церкви в больницах, в домах для престарелых и в местах заключения. Это и возрождение десятков, сотен тысяч храмов, которые возвращаются Церкви. Восстановление этих изувеченных, осквернённых храмов — процесс сложный, но он вселяет оптимизм.

Конечно, у нас немало трудностей. Многое приходится начинать с азов. Вот несколько примеров. В период пребывания в Новосибирской епархии я освятил закладку шести новых храмов. Сегодня практически повсемест-

но осуществляется такое строительство. В Москве будет построен храм в ознаменование 1000-летия Крещения Руси, восстановлен Казанский собор на Красной площади. К 1988 году в Москве действовало 45 храмов, сегодня — уже 130. Однако многие в таком состоянии, что приходится буквально заново их возводить. А где взять настоящих мастеров, архитекторов, зодчих, которые в состоянии были бы возвести канонический храм? Увы... Секреты и навыки утеряны. Надо искать и возрождать их искусство. А пока без помощи зарубежных фирм, видимо, не обойтись. Скажем, храм 1000-летия Крещения Руси, наверное, будет возводиться с помощью строительной фирмы, строящей огромный православный собор святителя Саввы в Белграде.

— В послании Поместного Собора говорилось: «Еще недавно приходская жизнь была затруднена тем, что во многих приходах важные посты оказывались в руках не церковных, а подчас и совсем неверующих «мирян», которые действовали в корыстных целях». И вот прошел год. Избавилась ли сегодня Русская Православная Церковь от этой скверны?

— Уже в 1988 году, после принятия нового Устава нашей Церкви, мы начали избавляться от людей, направленных к нам не церковными или, точнее, вполне антицерковными ведомствами. На прошлой неделе на встрече с московским духовенством я вновь обратил внимание настоятелей на необходимость скорейшего отстранения этих людей от любого влияния на приходские дела.

— Переход страны к рынку неизбежно увеличивает тяготы людей. Хотелось бы знать, поддерживает ли Церковь новую экономическую политику?

— Стране не обойтись без нормализации экономических отношений. Людям должно быть возвращено право собственности, право распоряжаться своим трудом и его плодами. Сейчас модно рассуждать на тему о том, что Православие-де в отличие от западного христианства сковывает экономическую активность человека. Но я считаю, что в этих «культурологических» рассуждениях красота и симметричность рассуждения на тему «Восток — Запад» не подтверждаются конкретным историческим анализом. Насколько относительны все эти суждения, показывает хотя бы то, что в России переход к рыночному хозяйству совершился без религиозной реформы Православия, а на Западе он был сопровождаем взрывом протестантизма, направленным против твердынь католичества. Вообще опасно строить политику на культурологии и метафизической эссеистике.

Возврат к рынку — именно возврат, а не переход — произойдет и в России. Церковь же, естественно, будет обращать внимание на то, чтобы этот возврат не прокатился слишком тяжелым катком по человеческим судьбам. Мы будем поддерживать и, может быть, впоследствии участвовать в создании систем социальной защиты людей. Опыт социализма — пусть не советского, а европейского образца — нам забывать не стоит. Иначе вновь оправдаются слова Чаадаева: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники».

— Заканчивая интервью, позвольте и такой вопрос: в западной прессе было сообщение, что здоровье Патриарха Алексия в последнее время пошатнулось. Действительно, Вам приходится много ездить по стране, служить литургии, общаться с людьми. Как выдерживаете такие нагрузки?

— Слава Богу, на здоровье пока не жалуюсь. Дел много и болеть некогда. И правда, за последний год я посетил 15 епархий. Побывал на Украине, в Молдавии, Карелии, Эстонии, различных областях России. Встречался с иерархами, общественностью, верующими, молодежью. Совершил более 220 служб. Особенно запомнились недавние встречи в Сибири. Они были интенсивными и оживленными. Это дало мне огромный заряд бодрости. Я совершил две зарубежные поездки. Большим духовным утешением была первая паломническая поездка во Святую Землю, поклонение Живоносному Гробу Господню перед праздником Святой Пасхи Христовой. Мой другой официальный визит был в Константинополь. В конце года я предполагаю посетить Александрийскую и Антиохийскую Церкви. Сейчас десять дней проведу на отдыхе, затем сразу же уеду в Белоруссию, потом — в Кострому, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль, Коломну, Эстонию и Валаам. Верующие люди рады видеть своего Патриарха, а я рад общению с ними.

Такой динамичный образ жизни помогает мне поддерживать служение Божественных литургий и других богослужений. В этом я черпаю для себя и своего служения силы.

Признаюсь, иногда хочется немного отдохнуть, побыть наедине с природой и с самим собой. Раньше во время отпуска я нахаживал по лесам Эстонии до 30 тысяч шагов в день. К сожалению, сейчас дела не позволяют. И все же надеюсь, что выпадет часок-другой и для прогулок, и для чтения духовной и светской литературы...

Передача церковных ценностей из фондов Гохрана

Москва. 4 июня 1991 года в резиденции Святейшего Патриарха и Священного Синода в Даниловом монастыре состоялась церемония передачи церковных ценностей — икон, священных сосудов, церковной утвари — из фондов Гохрана. К собравшимся обратились Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и заместитель министра финансов СССР В. В. Ситнин. На церемонии присутствовали начальник Государственного хранилища ценностей А. Н. Козлов, епископ Истринский Арсений, председатель Отдела по религиозному образованию и катихизации игумен Иоанн (Экономцев), сотрудники Гохрана, представители прессы, духовенство и сотрудники синодальных учреждений Московского Патриархата.

На церемонии присяги Президента России

10 июля 1991 года в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание Съезда народных депутатов РСФСР, посвященное вступлению в должность первого Президента РСФСР Б. Н. Ельцина.

Во время заседания в зале находились Президент СССР М. С. Горбачев, Председатель Верховного Совета СССР, Премьер-министр, представители союзных республик, а также республик, краев, областей и городов, входящих в Российскую Федерацию, народные депутаты РСФСР и СССР. Среди присутствующих были Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, Главы и представители Церквей и религиозных объединений.

Торжественная церемония приведения к присяге Президента РСФСР началась выступлением народного депутата РСФСР О. В. Басилашвили, посвященным историческому пути России.

Под звуки фанфар на трибуну поднялся Б. Н. Ельцин и произнес присягу Президента России.

Вслед за присягой Президента и исполнением Государственного гимна России, написанного на музыку М. Глинки, со словом к Б. Н. Ельцину обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Многоуважаемый Борис Николаевич!

В эти минуты, первые минуты первого Президента России, я хотел бы обратиться к Вам не со словами поздравления — их я скажу позднее,— а со словом о России. Мой долг Патриарха в этот день сказать Вам слова о том, какую ношу Вы принимаете на себя.

Вы приняли ответственность за страну, которая тяжко больна. Семь десятилетий разрушения ее духовного строя и внутреннего единства сопровождались укреплением внешних тяжких обручей принудительной государственности. Три поколения людей выросли в условиях, отбивавших у них желание и способность трудиться. Сначала людей отучали трудиться духом, отучали от молитвенного подвига. Затем — от труда мысли, от стремления к самостоятельному поиску истины. Наконец, желая или не желая этого, тот образ жизни, от которого сейчас старается уйти наше общество, на деле отучал людей от самого обычного труда, от прилежания, от инициативы.

Сегодня Россию населяют не такие люди, что были в начале века. Поэтому я хотел бы поделиться с Вами, Борис Николаевич, своим человеческим и христианским убеждением: сегодня нет смысла искать некиих воплощенных носителей зла в нашей стране, полагая, что с их устранением с политической арены все наладится само собой. Как пастырь, я слишком хорошо знаю, что злые помыслы гнездятся в сердцах людей и что нет ничего более сложного и более важного, чем исцеление человеческого сердца.

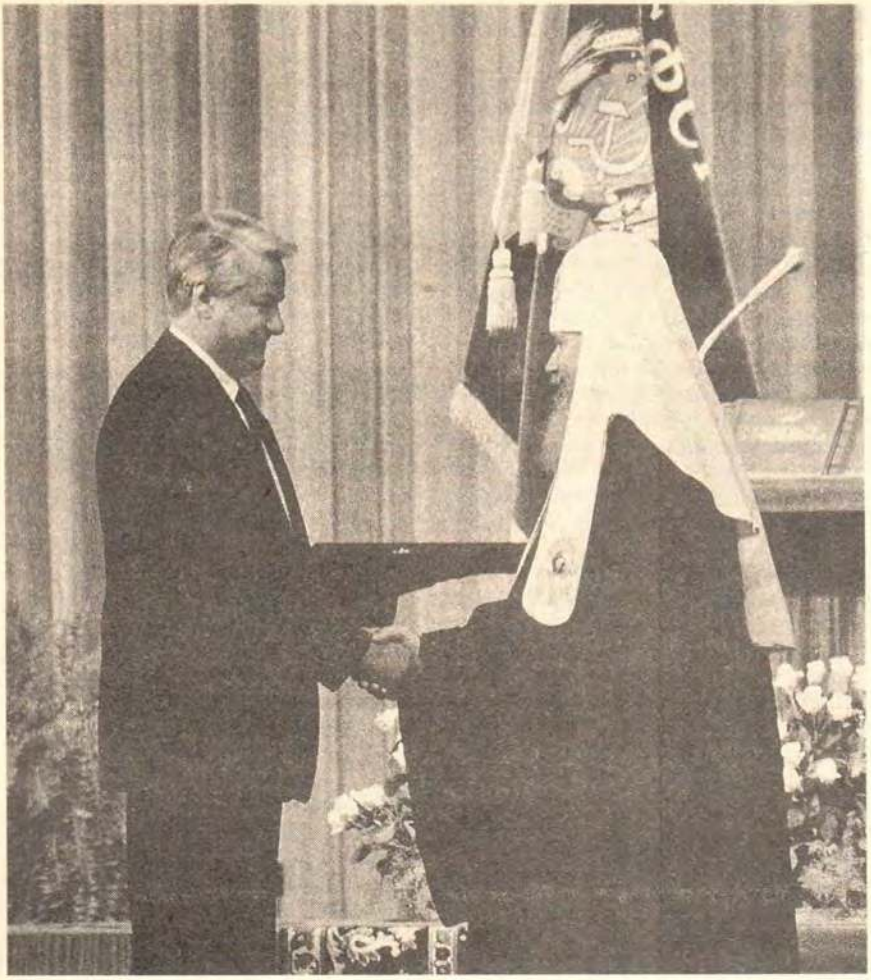
Я говорю Вам это, призывая Вас непрестанно исходить из, если хотите, антропологического реализма. Некогда коммунистические правители России полагали, что плох лишь строй императорской России и что, получив власть, они сфабрикуют новый, как они выражались, «человеческий материал» и создадут прекрасное общество. Мы видим, к каким трагедиям привело это их неумение понять, где подлинный источник греховных искажений жизни, где пределы возможных социальных манипуляций.

Борис Николаевич! Я напоминаю Вам это для того, чтобы терпимость и мудрость никогда не оставляли бы Вас. Прощайте людей! Милосердствуйте! Ведь людей — я говорю не только о Ваших политических оппонентах или сотрудниках, но и о всех россиянах — нельзя переделать ни за ночь, ни за 500 дней. Больное общество и столь много пережившие люди нуждаются в понимании, любви и терпимости. Поэтому надлежит нам чаще вспоминать слова апостола: друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов (Гал. 6, 2).

Вглядывайтесь в жизнь родной России. Нельзя перестраивать ее жизнь, имея постоянно перед глазами лишь то, что есть дурного в нашей жизни. Ведь зло казалось столь всесильным и вездесущным, но мы все же выжили и сохранили немало веры и человечности, добра и света, а это значит, что и было, и есть добро и в наших сердцах, и в нашей России! Это добро, я убежден, нам

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, народные депутаты митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, архиепископ Ярославский и Ростовский Платон и духовенство, прибывшие в Кремлевский Дворец съездов на торжественную церемонию присяги Президента России

Святейший Патриарх Московский и вся Руси Алексий II приветствует Президента России Б. Н. Ельцина

важнее научиться замечать и понимать, чем зло.

На Вас выбором народа возложен тяжкий крест. Ответственность же Вы несете не только перед народом, но и перед Богом. Вы приняли не честь, не привилегии, но ответственность.

Что касается Церкви и ее будущего, то мы надеемся, что первый Президент России будет способствовать возвращению Церкви ее исконных святынь, храмов и обителей и будет предусмотрено участие России в их реставрации и восстановлении. Мы также надеемся, что древним городам России будут возвращены их исторические наименования, в первую очередь я имею в виду возвращение городу Загорску исконного названия «Сергиев Посад», тем более что в будущем году исполняется 600 лет со дня кончины Преподобного Сергия Радонежского — великого подвижника и патриота земли Русской, а также возвращение граду Святого Петра его исторического имени.

Да укрепит Вас Всемилостивый Господь! Наша Церковь — не только ныне живущие, но и все русские святые и мученики прежних лет — если мы будем того удостоены — будет молиться за Вас!

Затем Его Святейшество зачитал текст адреса, подписанного Главами и представителями Церквей и религиозных объединений РСФСР.

Президенту РСФСР
Борису Николаевичу Ельцину

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Избранием народа и Божиим изволением Вам вручается высшая политическая власть в России.

Россия — это не просто страна, это целый континент, населенный людьми разных национальностей, разных убеждений и разных вер.

Все мы желаем мирного и благоприятного будущего для нее, и все мы молимся о Вас и надеемся, что Вы будете служить благу нашей Родины, ее скорейшему исцелению от тех тяжких ран, что были нанесены ей в прежние годы борьбы с духовными основами человеческой жизни.

Мы поздравляем Вас с избранием на пост Президента России и надеемся, что столь высокое служение, к которому Вы призваны, не отделит Вас от народа и Вы будете чутко отзываться на его боли, тревоги и надежды.

Идеалы равноправия, свободы и духовного возрождения, верность которым Вы обещали в предвыборные дни, надеемся, будут неизменными указателями для Вас во все лета Вашей деятельности на посту российского Президента.

В этот же первый день Вашего служения примите наши искренние поздравления и добрые напутствия.

Вручая приветственный адрес, Его Святейшество осенил Б. Н. Ельцина крестным знамением.

В своей программной речи Президент Российской Федерации отметил: «Безвозвратно уходят в прошлое те времена, когда народ безмолвствовал... В основе возрождения нашего государства — духовное раскрепощение человека, подлинная свобода совести и полный отказ от идеологического диктата. Особое место в этом процессе принадлежит религии. Россияне не станут более в угоду какой-то догме отказываться от своего прошлого, настоящего и будущего... Великая Россия поднимается с колен!»

Хор исполнил гимн М. Глинки «Славься!».

С сердечным приветствием к первому Президенту России обратился М. С. Горбачев.

Гражданский устав Русской Православной Церкви

От редакции. Гражданский устав Русской Православной Церкви, разработанный Комиссией Священного Синода по подготовке изменений в Уставе об управлении Русской Православной Церкви в связи с новым законодательством СССР о свободе совести и религиозных организациях, составлен на основании Устава об управлении Русской Православной Церкви и является документом, закрепляющим за нашей Церковью права юридического лица, узаконивающим ее деятельность и определяющим ее взаимоотношения с государством.

31 января 1991 года настоящий Устав был одобрен Священным Синодом, 30 мая 1991 года зарегистрирован Министерством юстиции РСФСР. В связи с внесением ряда поправок в действующий Закон о свободе совести и религиозных организациях настоящий Устав представлен также для регистрации в Министерство юстиции СССР.

I. Общие положения

1. Русская Православная Церковь, или Московский Патриархат, является самоуправляемым (автокефальным) религиозным объединением (религиозной организацией) граждан, признаваемым другими Автокефальными Православными Церквами, образованным в целях совместного осуществления права на свободу исповедания и распространения православной христианской веры, а также для попечения о религиозно-нравственном просвещении общества.

Русская Православная Церковь является юридическим лицом и действует на территории СССР при соблюдении законодательства Союза ССР, союзных и автономных республик и правил, установленных настоящим Уставом. Свое управление и регулирование внутрицерковной жизни она осуществляет на основе своего канонического Устава.

На территории других государств Русская Православная Церковь несет свою миссию в соответствии с действующими там законами, а также настоящим Уставом и каноническим Уставом.

2. Русская Православная Церковь ведет свое историческое бытие от Крещения Руси, имевшего место в 988 году в Киеве при великом князе Владимире. С 1448 года является Автокефальной Церковью. В 1589—1700, 1917—1925 и с 1943 года имела и имеет патриаршую форму управления. До 1942 года именовалась Поместной Российской Православной Церковью. Нынешнее название вошло в употребление с 1943 года.

3. Совместное осуществление права на свободу исповедания и распространения православной христианской веры, а также попечение о религиозно-нравственном просвещении общества включает в себя:

а) совершение обрядов, шествий и церемоний;

б) распространение своих убеждений в обществе непосредственно или через средства массовой информации (газеты, журналы, религиозная литература, теле- и радиопрограммы и иные формы публичного распространения массовой информации, в том числе и собственные);

в) миссионерскую деятельность;

г) дела милосердия и благотворительности;

д) религиозное обучение и воспитание;

е) подвижническую деятельность (монастыри, скиты и прочее);

ж) паломничество;

з) иную деятельность, соответствующую правилам и традициям Русской Православной Церкви.

II. Структура и управление Русской Православной Церкви

4. Русская Православная Церковь есть единое централизованное религиозное объединение, включающее в себя иерархически подчиненные структурные подразделения, в том числе Московскую Патриархию, синодальные учреждения, экзархаты, епархии, благочиния, приходы, монастыри, Духовные учебные заведения, братства, миссии, представительства и подвория, находящиеся на территории СССР и за границей.

5. Высшими органами управления Русской Православной Церкви являются Поместный Собор, Архиерейский Собор, Священный Синод во главе с Патриархом.

6. Поместный Собор, состоящий из архиереев, представителей священства, монашества и мирян, созывается Патриархом, Священным Синодом или Архиерейским Собором по мере необходимости, но не реже 1 раза в 5 лет. Нормы представительства и порядок избрания делегатов на Собор устанавливаются Священным Синодом.

7. Поместный Собор:

а) принимает канонический Устав, а также вносимые в него изменения и дополнения;

б) утверждает гражданский Устав Русской Православной Церкви и возможные последующие его изменения и дополнения;

в) решает важнейшие дела, относящиеся к внутренней и внешней деятельности Церкви, и обеспечивает ее единство;

г) избирает Главу Русской Православной Церкви — Патриарха;

д) утверждает постановления Архиерейского Собора;

е) создает или упраздняет органы церковного управления;

ж) определяет характер отношений с государственными органами, а также религиозными организациями (объединениями) иных юрисдикций и вероисповеданий;

з) утверждает порядок владения, распоряжения и пользования имуществом Русской Православной Церкви.

8. Архиерейский Собор состоит из архиереев Русской Православной Церкви и созывается Патриархом или Священным Синодом по мере необходимости, но не реже 1 раза в 2 года. По предложению Патриарха, Священного Синода или 1/3 членов Собора может быть созвано внеочередное заседание Собора.

9. Архиерейский Собор:

а) создает и упраздняет епархии, синодальные учреждения, Духовные учебные заведения общецерковного значения и утверждает положения, регулирующие их деятельность;

б) утверждает решения Священного Синода;

в) рассматривает и одобряет расходы общецерковного бюджета.

10. Священный Синод:

а) осуществляет высшую власть в Русской Православной Церкви в период между Поместными и Архиерейскими Соборами;

б) принимает Гражданский устав Русской Православной Церкви, а также вносит в него изменения и дополнения;

в) организует внутреннюю и внешнюю деятельность Русской Православной Церкви;

г) осуществляет взаимоотношения с государственными организациями и иными религиозными объединениями;

д) решает вопросы, связанные с учреждением или упразднением подотчетных Священному Синоду подразделений Русской Православной Церкви (синодальных учреждений, экзархатов, епархий, миссий, подворий, представительств и т. д.), и утверждает Положения (Уставы) об их деятельности;

е) устанавливает порядок владения, пользования и распоряжения зданиями и имуществом Русской Православной Церкви.

11. Постановления, принимаемые Поместным Собором, Архиерейским Собором, и определения Священного Синода вступают в силу с момента их принятия.

12. Патриарх (официальный титул: «Святейший Патриарх Московский и всея Руси»):

а) возглавляет Священный Синод и председательствует на его заседаниях;

б) полномочно представляет Русскую Православную Церковь в отношениях с органами государственной власти и управления, общественными объединениями и фондами на территории СССР и за ее пределами;

в) имеет долг ходатайства («печалования») перед органами государства за всех членов Русской Православной Церкви;

г) осуществляет исполнительно-распорядительные полномочия по управлению Московской Патриархией и Московской епархией и иными учреждениями в соответствии с каноническим Уставом Русской Православной Церкви.

13. Решения и постановления Поместных и Архиерейских Соборов, определения Священного Синода, послания и обращения Патриарха публикуются в официальных церковных изданиях.

III. Источники образования средств и имущественные отношения в Русской Православной Церкви

14. Средства Русской Православной Церкви образуются из:

а) добровольных пожертвований граждан, объединений, организаций, фондов, предприятий, органов государства и прочее;

б) денежных поступлений в связи с совершением культовой деятельности;

в) средств, получаемых в связи с реализацией предметов религиозного назначения;

г) прибыли от производственной, коммерческой, издательской и иной деятельности, не противоречащей настоящему Уставу и действующему законодательству.

15. Все здания, предметы религиозного назначения и литература, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства, земельные участки и иное имущество, приобретенное Русской Православной Церковью в лице Московской Патриархии, синодальных учреждений, экзархатов, епархиальных управлений, благочиний, приходов, монастырей, миссий, братств, представительств, подворий и иных подразделений Русской Православной Церкви, созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное гражданами, предприятиями и организациями или переданное государ-

ством, а равно приобретенное по другим основаниям, предусмотренным законом, являются собственностью всей Русской Православной Церкви.

16. Порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, принадлежащим Русской Православной Церкви на правах собственности или аренды, определяется настоящим Уставом и правилами, утвержденными Священным Синодом.

17. Право распоряжения культовыми зданиями, а также зданиями общецерковных и епархиальных учреждений, монастырей и Духовных учебных заведений, принадлежащих Русской Православной Церкви на правах собственности или аренды, равно как и право распоряжения священными предметами (включая иконы), созданными до 1945 года, а также общецерковными библиотеками, принадлежит исключительно Священному Синоду. Владение и пользование указанным имуществом осуществляются на основе канонической, юридической и материальной подотчетности вышестоящему структурному подразделению Русской Православной Церкви.

Владение, пользование и распоряжение иным имуществом, принадлежащим Русской Православной Церкви на правах собственности или аренды, осуществляются структурными подразделениями Русской Православной Церкви самостоятельно на основе такой же подотчетности соответствующему вышестоящему структурному подразделению Русской Православной Церкви.

18. Русская Православная Церковь может владеть и пользоваться необходимым ей имуществом на договорных началах с государственными, общественными, иными религиозными объединениями, а также гражданами в порядке, предусмотренном в пунктах 7 «з», 10 «е».

19. Русская Православная Церковь вправе создавать собственные или совместные (в том числе с зарубежными партнерами) предприятия для ведения благотворительной, просветительской, производственной, коммерческой, издательской, художественной, кустарно-ремесленной, реставрационной и иной хозяйственной деятельности. Русская Православная Церковь вправе в установленном законом порядке учреждать банки или иметь счета в государственных, коммерческих, международных банках, в том числе и в иностранной валюте.

20. Русская Православная Церковь как субъект гражданского права по своим обязательствам отвечает принадлежащим ей собственным имуществом. На имущество культового назначения не могут обращаться взыскания по претензиям кредиторов.

21. Добровольные пожертвования и иные виды денежных поступлений, включая средства, получаемые в связи с совершением культа, а также средства, получаемые от реализации предметов религиозного назначения и литературы, в соответствии с законодательством налогом не облагаются.

IV. Заключительные положения

22. Русская Православная Церковь в установленном законом порядке пользуется государственными фондами социального обеспечения и страхования, а также образует аналогичные фонды за счет своих средств. Порядок образования и использования указанных церковных фондов определяется Священным Синодом.

23. Проведение ревизий финансовой и производственно-хозяйственной деятельности в Русской Православной Церкви осуществляется в соответствии с каноническим Уставом Русской Православной Церкви и действующим законодательством.

24. Официальной печатью и штампом Русской Православной Церкви являются печать и штамп Священного Синода.

Адрес Московской Патриархии и резиденции Святейшего Патриарха Московского и всея Руси: **113191 Москва, Даниловский вал, 22, Данилов монастырь.**

Встреча Святейшего Патриарха Алексия II с М. С. Горбачевым

27 июня 1991 года в Кремле состоялась встреча Президента СССР М. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

В ходе беседы были обсуждены вопросы, одинаково волнующие сегодня и верующих, и неверующих. При этом с обеих сторон подчеркивалось огромное значение общественного согласия для преодоления трудностей переходного периода, возрождения духовности и нравственности.

(«Известия», 28 июня 1991 года)

Определения Священного Синода

В заседании Священного Синода 10 июня 1991 года под председательством ПАТРИАРХА

слушали: Доклад Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений, о проведенных институтом «Жизнь и мир» (Международный центр христианских миротворческих исследований в Упсале, Швеция) по приглашению Русской Православной Церкви в Москве в Отделе внешних церковных сношений семинара «Преодоление института войны» (22—24 мая 1991 г.) и ежегодного заседания международного правления этого института (25 мая 1991 г.).

Постановили: **1.** Доклад принять к сведению.

2. Выразить удовлетворение по поводу проведения в Москве институтом «Жизнь и мир» вышеозначенных семинара и заседания, являющихся достойным вкладом в заповеданное Христом Спасителем миротворческое служение христиан.

Слушали: Журнал заседания Синода Белорусского Экзархата от 7 июня 1991 года о назначении на должность викария Минской епархии архимандрита Константина (Горянова), ректора Минской Духовной Семинарии, с титулом «Новогрудский».

Постановили: **1.** Утвердить избрание Синода Белорусского Экзархата. Архимандриту Константину (Горянову) быть епископом Новогрудским, викарием Минской епархии.

2. Наречение и хиротонию архимандрита Константина совершить в пределах Белорусского Экзархата.

О чем и послать соответствующие Указы.

Слушали: Доклад Преосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений, председателя Комиссии Священного Синода по внесению поправок в Устав об управлении Русской Православной Церкви, с предложениями по внесению поправок в Гражданский устав приходов Русской Православной Церкви.

Справка: Первоначально Комиссией был разработан и Священным Синодом одобрен проект Устава православного прихода (религиозного общества). Этот проект принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, заседавшим 25—27 октября 1990 года, в качестве типового Устава для всех приходов Московского Патриархата на территории СССР. Регистрация этого Устава в государственных органах власти согласно принятому законодательству предоставляет приходу как религиозному объединению (организации) права юридического лица.

В связи с тем что Верховный Совет СССР по представлению Святейшего Патриарха принял поправку к Закону СССР «О свободе совести и религиозных организациях», устанавливающую регистрацию религиозного объединения, находящегося на территории более чем одной союзной республики, в Министерстве юстиции СССР, возникает необходимость внесения соответствующих поправок в типовой Устав православного прихода, принятый Архиерейским Собором в октябре 1990 года.

Постановили: Одобрить представленные Преосвященным митрополитом Кириллом поправки в Гражданский устав приходов Русской Православной Церкви.

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА:

Митрополит Киевский и всея Украины	*ФИЛАРЕТ*
Патриарший Экзарх всея Белоруссии	
митрополит Минский и Гродненский	*ФИЛАРЕТ*
Митрополит Ленинградский и Ладожский	*ИОАНН*
Митрополит Крутицкий и Коломенский	*ЮВЕНАЛИЙ*
Председатель Отдела внешних церковных сношений	
митрополит Смоленский и Калининградский	*КИРИЛЛ*
Митрополит Нижегородский и Арзамасский	*НИКОЛАЙ*
Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский	*ВЛАДИМИР*
Архиепископ Тамбовский и Мичуринский	*ЕВГЕНИЙ*
Архиепископ Кишиневский и Молдавский	*ВЛАДИМИР*
Епископ Архангельский и Мурманский	*ПАНТЕЛЕИМОН*
Епископ Костромской и Галичский	*АЛЕКСАНДР*
Управляющий делами Московской Патриархии	
митрополит Ростовский и Новочеркасский	*ВЛАДИМИР*

На приеме у Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ II

На Светлой седмице, 10 апреля 1991 года, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II принял в своей московской резиденции бывшего генерального секретаря Конференции Европейских Церквей, ныне общественного деятеля д-ра Глена Гарфилда Вильямса с супругой и руководство хора «Glorial Dei Cantores» («Певцы славы Божией»), являющегося частью экуменической христианской общины Иисуса в американском городе Орлеансе (штат Массачусетс).

Гости тепло поздравили Святейшего Патриарха Алексия с избранием на престол Патриархов Московских и всея Руси, а также с праздником Воскресения Христова и обменялись с Его Святейшеством пасхальными яйцами и сувенирами. Святейший Патриарх имел с гостями беседу.

Служения Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ II

2 июня 1991 года, в Неделю Всех святых, в день обретения мощей святителя Алексия, митрополита Московского, Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в Богоявленском патриаршем соборе в сослужении митрополитов Силиврийского Эмилианоса, Банатского Николая (Константинопольский Патриархат), Перистеринского Хризостома, Лимассальского Хризостома, Фокисского Афинагора (Элладская Православная Церковь), архиепископа Солнечногорского Сергия, епископов Чкондидского Георгия (Грузинская Православная Церковь), Оломоуцкого и Брновского Христофора (Православная Церковь в Чехословакии), Истринского Арсения, Магаданского и Камчатского Аркадия, а накануне всенощное бдение в сослужении архиепископа Солнечногорского Сергия, епископов Истринского Арсения, Магаданского и Камчатского Аркадия. За литургией Его Святейшество хиротонисал чтеца Владимира Воронина во диакона. По окончании литургии Святейший Патриарх поздравил богомольцев и участников Смешанной православно-лютеранской богословской комиссии по диалогу с праздником.

9 июня, в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в храме Всех святых, в земле Российской просиявших, что в патриаршей резиденции Свято-Данилова монастыря, а накануне молился за всенощной в Крестовом храме Патриархии. За литургией молились епископы Орловской и Брянской Паисий и Истринский Арсений. Его Святейшество хиротонисал чтеца Игоря Ильина во диакона.

10 июня, в первую годовщину интронизации, Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в патриаршем соборе в сослужении митрополитов Киевского и всея Украины Филарета, Ленинградского и Ладожского Иоанна, Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Минского и Гродненского Филарета, Смоленского и Калининградского Кирилла, Волоколамского и Юрьевского Питирима, Нижегородского и Арзамасского Николая, Воронежского и Липецкого Мефодия, Силиврийского Эмилианоса (Константинопольский Патриархат), Китруского и Катеринского Агафоника (Элладская Православная Церковь), архиепископов Оренбургского и Бузулукского Леонтия, Ярославского и Ростовского Платона, Корсунского Валентина, Чебоксарского и Чувашского Варнавы, Калужского и Боровского Климента, Дмитровского Александра, Солнечногорского Сергия, Владивостокского и Приморского Николая, Самарского и Сызранского Евсевия, Ташкентского и Среднеазиатского Владимира, Тамбовского и Мичуринского Евгения, епископов Филиппопольского Нифона (Антиохийский Патриархат), Архангельского и Мурманского Пантелеимона, Можайского Григория, Новгородского и Старорусского Льва, Орловского и Брянского Паисия, Тверского и Кашинского Виктора, Красноярского и Енисейского Антония, Костромского и Галичского Александра, Истринского Арсения, Подольского Виктора, Тобольского и Тюменского Димитрия, Чимкентского и Целиноградского Елевферия, Магаданского и Камчатского Аркадия, а также настоятеля патриаршего собора протопресвитера Матфея Стаднюка, представителя Патриарха Иерусалимского при Патриархе Московском архимандрита Феофилакта, представителя Патриарха Болгарского при Патриархе Московском архимандрита Гавриила, наместника Свято-Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Феогноста, наместника Новоспасского монастыря архимандрита Алексия, наместника Донского монастыря архимандрита Агафодора, благочинных, настоятелей, клириков московских храмов. По окончании литургии митрополит Киевский Филарет с амвона огласил приветственное слово и поздравил Его Святейшество с первой годовщиной интронизации. Святейший Патриарх Алексий произнес ответное слово, в котором поблагодарил за поздравление и призвал архипастырей стяжать любовь Христову, крепить единство и хранить Православие в это трудное и неспокойное время.

22 июня по дороге в Рязань Святейший Патриарх Алексий II посетил Архангельский храм в Бронницах Московской области, а утром перед отъездом возложил венок к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены в связи с 50-летием начала Великой Отечественной войны.

23 июня в Рязани Святейший Патриарх возложил венок к мемориалу памяти павших в Великой Отечественной войне и отслужил панихиду, после чего посетил Скорбященский, Покровский и Преображенский храмы города, два последних из которых в прошлом году возвращены Церкви.

30 июня, в Неделю 5-ю по Пятидесятнице, Святейший Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в сослужении епископа Истринского Арсения в патриаршем соборе. За литургией Его Святейшество совершил две хиротонии: во пресвитера — диакона Александра Абрамова и во диакона — чтеца Николая Трофимова. За литургией молился епископ Волынский и Луцкий Варфоломей.

Годовщина интронизации Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ II

10 июня 1991 года Русская Православная Церковь молитвенно отметила первую годовщину интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В этот день в Богоявленском патриаршем соборе при большом стечении молящихся Его Святейшество в сослужении собора архипастырей и многочисленного духовенства совершил Божественную литургию. За богослужением молились клирики московских храмов, представители мужских и женских монастырей, Духовных школ, приходских советов, братств и сестричеств, синодальных учреждений. В храме присутствовали представители государственной власти, среди них министр юстиции РСФСР Ю. М. Федоров, председатель Московского городского Совета народных депутатов Г. Х. Попов, председатель Мосгорисполкома Ю. М. Лужков.

По окончании благодарственного молебна к Святейшему Патриарху Алексию с приветственным словом обратился старейший по хиротонии член Священного Синода митрополит Киевский и всея Украины Филарет: «Промыслом Божиим угодно было, чтобы Ваше патриаршество было поставлено в совершенно новые условия. За год, прошедший после Вашей интронизации, Вы сделали очень многое. Ни один Патриарх не посетил столько епархий: Вы побывали на Украине, в Молдавии, в Сибири... По всей территории нашей страны открыты тысячи храмов, сейчас в нашей Церкви насчитывается более ста мужских и женских монастырей, образовано около двадцати новых епархий. Развивается деятельность воскресных школ. Русская Православная Церковь снова вернулась к традиционной благотворительности».

Коснувшись далее тех трудностей, с которыми сталкивается Русская Православная Церковь на пути своего возрождения, митрополит Филарет подчеркнул, что среди скорбей и испытаний Господь являет нам и Свои неизреченные милости. И прежде всего — великое духовное утешение второго обретения мощей преподобного Серафима Саровского. «Это знамение милости Божией, которое свидетельствует, что с нами Бог и что Господь помогает Вам в Вашем первосвятительском служении»,— подчеркнул Владыка Филарет. «Сегодня,— сказал он в заключение,— мы собрались в таком множестве не только для того, чтобы поздравить Вас, но и для того, чтобы засвидетельствовать нашу сыновнюю верность Вашему Святейшеству. Сейчас, когда нашу Церковь пытаются ослабить и разделить на части, нам прежде всего надо заботиться о церковном единстве. И наше сегодняшнее молитвенное единение свидетельствует о том, что наша Церковь по-прежнему остается единой. Рады мы и тому, что среди нас присутствуют представители братских Православных Церквей...

Мы желаем, Ваше Святейшество, чтобы Господь давал Вам духовные и телесные силы для несения первосвятительского подвига. В знак нашей любви и верности мы преподносим Вам образ Божией Матери, Которая да будет Вам Покровительницей во вся дни Вашего патриаршего служения».

От лица московского духовенства Святейшего Патриарха поздравил настоятель Никольского храма в Хамовниках протоиерей Димитрий Акинфиев, который, в частности, сказал: «Вы вступили в управление Русской Православной Церковью, когда в ней завершался трудный

период ее истории. Обстоятельства требовали твердой руки, крепкой воли и любящего сердца. И хотя один год — малый период, мы видим и свидетельствуем, что он был отмечен Вашими поистине апостольскими трудами по возрождению духовности, христианской нравственности и духовного просвещения нашего народа».

Трогательным было поздравление самых маленьких прихожан — воспитанников воскресной школы при Богоявленском патриаршем соборе. Святейший Патриарх принял из их рук букеты цветов.

В тот же день в резиденции Святейшего Патриарха и Священного Синода в Даниловом монастыре состоялся прием. Со словом к Его Святейшеству обратился митрополит Минский и Гродненский Филарет, Патриарший Экзарх всея Белоруссии: «Сегодня Вы, Ваше Святейшество, поделились с нами своими сердечными переживаниями, которые Вы испытали, пройдя первый год патриаршего служения, и мы все почувствовали, сколь оно нелегко. Вы говорили о трудностях и испытаниях, которые посетили нашу Церковь, но благодать Божия сильнее, и мы сегодня молились, чтобы Господь преизобильно даровал Вам благодать ради славы Церкви Христовой, ради общего блага всего человечества».

Со словами поздравления к Предстоятелю Русской Православной Церкви обратился также митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, председатель Издательского отдела Московского Патриархата: «Недавно мне пришлось быть на представительном собрании христианских коммуникаторов, и я передаю Вам самые теплые пожелания от множества людей, которые связывают свои надежды с Русской Православной Церковью».

«Весьма символично, что Ваше избрание совпало с началом преобразовательных процессов в России,— отметил в своем слове Председатель Совета Министров РСФСР И. С. Силаев.— Мы вместе встали на путь возрождения идеалов нашей России, всего прекрасного, что в течение многих столетий проповедовала Русская Православная Церковь. Мы глубоко удовлетворены тем, что находим взаимопонимание и поддержку с Вашей стороны, и стараемся в силу наших возможностей поддержать Ваши начинания». И. С. Силаев передал Его Святейшеству наилучшие пожелания и поздравления Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина.

С заключительным словом к собравшимся обратился Святейший Патриарх Алексий. Он еще раз поблагодарил всех, кто поздравил его в столь знаменательный день, и сказал: «У каждого есть в жизни свое призвание, свое служение, свой долг. Долг перед Богом, перед Отечеством, долг перед совестью, перед ближними. И дай Бог, чтобы мы с честью и достоинством осуществляли свое служение каждый на своем месте».

С. БЕЛАВЕНЕЦ

Слово Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ II,
сказанное после Божественной литургии 10 июня 1991 года, в первую годовщину интронизации

Сегодня в моей памяти оживают события не только прошедшего года, но и всех последних десятилетий истории нашей Церкви. Сегодня мы видим возрождение церковной жизни. Но отдаем ли мы себе отчет во всей чудесности того, что происходит с нами?

Ведь если мы, прежде всего духовенство, присмотримся к происходящему, то ясно увидим, что не нашими трудами так стремительно возрастает паства Христова в нашей Церкви: священников слишком мало. Их не хватает даже для нормального и повсеместного совершения богослужений, треб и душепопечительства. Многие храмы вообще не имеют священников, а многие священники не обладают даром активно проповедовать слово Божие, не умеют делиться своей верой. И потому, чем больше мы будем вглядываться и признаваться в своих собственных немощах, тем ярче и разительнее будет раскрываться перед нами удивительная картина действия Промысла Божия в наши дни и в нашей стране.

Наблюдая это, вспоминаю эпизод из Священной Истории Ветхого Завета, связанный с победой Гедеона. У него было слишком большое войско, чтобы вести войну от имени Бога, и потому Господь повелевает Гедеону сократить численность своих воинов, и из двадцати двух тысяч остается лишь триста — горстка воинов, которым надо было принять в свои руки победу, дарованную Господом. Победив, они уже не могли вменить себе в заслугу этот успех, ибо было очевидно, что именно Господь защитил их, и никто другой. *Народа с тобою слишком много,*— сказал Господь,— *не могу Я придать Мадианитян в руки их, чтобы не возгордился Израиль предо Мною и не сказал: «моя рука спасла меня»* (Суд. 7, 2).

У Гедеона осталась лишь сотая часть воинов. И у нас осталась лишь одна сотая часть от дореволюционного числа духовенства... И тем чудеснее нынешнее обращение людей к Церкви. Потому прежде всего надо возблагодарить Бога за Его любящую настойчивость, с которой Он стучится в сердца людей.

Но, благодаря Бога, не станем забывать и о том, что нужны и наши человеческие усилия. Что было бы, если бы триста воинов Гедеона не пошли в бой? Если бы они предались лишь ожиданиям? Или что было бы, если бы они обнажили свои мечи не против язычников, а друг против друга?

Увы, в нашей церковной ограде появляются люди, которые считают, что путь к духовному возрождению России лежит через разжигание междоусобий в самой Церкви.

За этот год самыми тяжелыми для меня были дни, когда приходили очередные известия о

церковных смутах и размежеваниях. Что мог, делал я для того, чтобы не дать повода ищущим повода. Что мог, делал я для того, чтобы церковно-политическая позиция Патриарха ни для кого не могла бы оказаться препятствием на пути к Церкви, ко Христу. Это оказалось сложнее, чем думалось мне год назад. Больше оказалось предрассудков, больше оказалось духовной слепоты в отношении многих и многих к Церкви.

Честно скажу, что большей помощи я ожидал и от многих моих собратьев-архипастырей, и от духовенства, и от мирян. И мне самому было непросто преодолевать тот психологический гнет, который живет в каждом, кому выпал крест архипастырства в прежние тяжелые годы нашей несвободы.

Может быть, не всегда находя нужные слова, может быть, медленнее, чем требовалось, может быть, с ошибками мы этот год прошли, укрепляемые молитвой Церкви и милостью Божией, по пути всестороннего возрождения церковной жизни, которая в результате дискриминационных законов была раньше ограничена в своей деятельности стенами храма. По-новому строятся ныне отношения Церкви и государства: на незыблемом принципе свободы совести и невмешательства государства во внутреннюю жизнь и деятельность Церкви. Получив доступ к ранее закрытым архивам, мы начали углубленную работу по прославлению наших мучеников и исповедников веры. Перед лицом наступающего неправославного прозелитизма взвешеннее становятся наши экуменические отношения. Мы перестали скрывать от людей наши человеческие немощи и болезни.

Но тем не менее имеются попытки внести разделение и раскол в жизнь Церкви. Тех, кто желает увести наших прихожан в некие «параллельные приходы и епархии», я прошу словами святителя Иоанна Златоуста о расколоучителях: «Если тебе хочется мстить нам, то я покажу тебе способ, как ты можешь мстить мне без вреда для себя или, лучше, не без вреда, а с меньшим по крайней мере вредом: ударь меня, нанеси мне раны. Ты содрогаешься, слыша это? Когда я говорю: «ударь меня», ты содрогаешься и между тем ты терзаешь своего Господа без содрогания? Разрываешь Владычни члены и не трепещешь? Церковь — это отчий дом, едино тело и един дух. Но если хочешь мстить мне, то против меня и восставай. Зачем же вместо меня мстишь Христу?» По примеру великого святителя Православной Церкви и я готов сказать: обвиняйте меня, но не раскалывайте народ, не вводите в смущение души! Не давайте повод хулить Церковь и Святое Православие!

Даже во времена, когда духовное здоровье народа было несравнимо выше, когда его непрестанно учили любить грешника, не приемля греха, даже в те времена наши духовные наставники говорили: видишь брата своего согрешающа — помолись о нем, вразуми его, но не открывай его грех, реальный или показавшийся тебе, всей округе. Сегодня же мы видим немало ревнителей православного благочестия, которые красиво рассуждают о правилах церковной жизни, но забывают даже о самых элементарных из них, дойдя до ближайшего микрофона или редакции.

Сегодня, на нашу беду, вновь оправдываются слова Иоанна Златоуста: «Посмотри, какая у производящих расколы несообразность. Из тех, которые так поступают по отношению к Церкви, одни вовсе никогда не приходят сюда или же однажды в год, другие же приходят чаще, но для пустых разговоров и ничтожной болтовни».

Нет, я не прилагаю эти слова к священникам, углубляющим трещину нашего сегодняшнего раскола. Но среди их советчиков, ревнителей и почитателей не слишком ли много людей именно такого настроя, о котором предупреждал Златоуст? И действительно ли они желают возрождения и усиления Православия на Руси? Или, напротив, опасаясь его, используют любой повод для раскалывания и ослабления Церкви? Нас обвиняют в слишком тесном союзе с определенными политическими силами. Но сами критики — те из них, кто действительно церковен,— не оказываются ли и они на деле тоже затянутыми в некий политический союз, не оказываются ли они всего лишь заложниками чьих-то симпатий и антипатий?

«Есть два рода отделения от Церкви,— напоминает нам Златоуст.— Один, когда мы охладеваем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-либо недостойное по отношению к Церкви... Ничто так не оскорбляет Бога, как разделение в Церкви». В этих словах мы видим путь к уврачеванию раскола через умножение любви между христианами. Пусть христианская и пастырская совесть вразумит тех, кто кощунствует в отношении нашей Церкви, утверждая, вопреки опыту православной России, что Господь оставил ее Своею неиссякающей благодатью. Но хочу сказать, что люди уходят от нас, когда мы утратой подлинной Христовой любви возводим как бы некое средостение между нами самими и Церковью, живущей любовью Христа. Люди уходят от нас, когда видят недружелюбие, равнодушие и холодность в наших приходах и даже в алтарях. Я говорил недавно на встрече с московским духовенством, скажу и сегодня, что сердечная и человеческая холодность в наших отношениях к тем, кто переступает церковный порог, и между нами самими — это тяжелейший пастырский грех. Потому путь к восстановлению единства, путь к укреплению Церкви — это наше собственное укрепление в любви.

Как знак, как указатель этого пути нам были возвращены Господом в этом году мощи преподобного Серафима Саровского. Он учил о любви, он являл ее каждым своим словом и действием. Он говорил о духовном и душевном мире как о кратчайшем пути в Царство Божие. «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Сегодня мы видим, что это не просто слова. Если у священника нет мирного духа — люди его сторонятся. Если у епископа в душе нет мира и любви — от него уходят священники, страдает вся Церковь.

Дорогие мои! Перед нами открываются удивительно широкие возможности свидетельствования о Христе. Если не наполним духом любви и непрестающей радости о Христе эти возрождающиеся формы церковной жизни — церковноприходские школы и приюты, братства и соборы, обители и богадельни, не сможем исполнить нашу миссию и не сможем оправдаться перед Господином жатвы.

Проповедь о Христе должна нами осуществляться каждодневно — словом и жизнью. *Тако да просвятится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела и прославят Отца вашего, Который на небесах* (Мф. 5, 16). В этом преданном и самоотверженном служении смысл и задача нашей жизни. Тогда ничто не сможет поколебать нашего единства и никто и ничто не отлучит нас от любви Божией, как вдохновенно говорит об этом апостол языков Павел: *Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38—39). Ибо *все сие мы преодолеваем силою Возлюбившего нас* (Рим. 8, 37).

От души желаю собратьям архипастырям и пастырям, монашествующим и мирянам, настоящим и будущим труженикам Церкви Христовой помощи Божией в предлежащем нам церковном делании и служении!

Дорогами Белоруссии

15—19 июня 1991 года состоялся первый в истории визит Патриарха Московского и всея Руси в Белоруссию. Он носил пастырский характер, то есть основной целью было первосвятительское молитвенное общение с паствой и клиром Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви, знакомство с церковной жизнью этого региона. Однако еще в своем первом слове на Белорусской земле — при встрече в аэропорту — Святейший Патриарх Алексий обратил внимание на три момента, благодаря которым этот визит приобретает особенно актуальное звучание.

С молитвой о павших

Мой визит проходит в преддверии 50-летия начала Великой Отечественной войны, в огне которой белорусский народ потерял каждого третьего своего сына,— сказал Святейший Патриарх, обращаясь к встречавшим в аэропорту. Из аэропорта Святейший Патриарх и сопровождавшие его архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений, епископ Истринский Арсений, профессор МДА протопресвитер Виталий Боровой и другие, а также встречавшие высокого гостя Патриарший Экзарх всея Белоруссии митрополит Минский и Гродненский Филарет, архиепископ Могилевский и Мстиславский Максим, епископы Брестский и Кобринский Константин, Полоцкий и Витебский Димитрий, Пинский и Лунинецкий Стефан, Гомельский и Мозырский Аристарх, ректор МинДС архимандрит Константин (ныне епископ Новогрудский), представители советской власти и общественности направились к памятнику павшим в Великой Отечественной войне на площади Победы в Минске, где Святейший Патриарх возложил венок. *Первое, что мы считаем своим долгом совершить, прибыв в Белоруссию,*— отметил Святейший Патриарх,— *это почтить память тех, кто жизнь свою положил за Отечество.*

19 июня за несколько часов до отъезда из Белоруссии Святейший Патриарх возложил венок к памятнику павшим воинам в Гомеле.

В беде не одиноки

Вторая дата, делающая визит Святейшего Патриарха особенно актуальным, также была отмечена его вниманием в первом же выступлении — это пятилетие аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Осмысление и преодоление этой беды — лейтмотив многих выступлений Патриарха Алексия в Белоруссии. *Нынешний скорбный юбилей учит нас тому, сколь бережно следует относиться человеку к силам, энергиям природы, в ко-*

Святейший Патриарх Алексий II и митрополит Минский и Гродненский Филарет, Патриарший Экзарх всея Белоруссии, посещают место захоронения жертв репрессий в Куропатах под Минском

нечном счете к творению Божию. Мы должны избежать ядерной катастрофы не только в результате войны, но и по причине нашего собственного халатного отношения к труду,— сказал Патриарх Алексий 16 июня в Минске, благословляя место строительства нового храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» и в память жертв чернобыльской аварии. (Закладка храма была освящена митрополитом Минским и Гродненским Филаретом 26 апреля 1991 года.)

На следующий день Святейший Патриарх посетил отделение детской гематологии 1-й клинической больницы Минска и передал в дар медикаменты, поступившие из-за рубежа. Многие пациенты этого отделения оказались на больничной койке после аварии на ЧАЭС. *Одно дело теоретически знать о страданиях людей, вызванных радиоактивным облучением, совсем другое — узреть воочию. Особенно тяжело видеть, как за наши ошибки расплачиваются дети,*— сказал Патриарх Алексий. Далее Предстоятель Церкви отметил, что для успешного хода лечения, особенно детей, требуются не только медикаменты, но и доброта человеческих рук, ласковый уход, молитва милосердного верующего сердца. Именно поэтому Святейший Патриарх столь высоко оценил деятельность созданного три года назад при минском Свято-Духовском кафедральном соборе сестричества милосердия имени святой праведной Софии Слуцкой. Сегодня оно насчитывает 62 члена, которые трудятся в трех минских больницах и опекают в общей сложности три с половиной сотни больных. Как считает духовник сестричества священник Игорь Коростелев, работу сестер надо рассматривать не только как помощь человеку в преодолении недуга, но и как христианскую миссию.

Во время пребывания в Могилевской епархии Святейший Патриарх посетил медицинское учреждение особого рода: Центр медико-социальной помощи могилевского отделения Международного общества Красного Креста. В нем всего три штатных сотрудника, но им помогает целый коллектив добровольцев. Как явствует из названия, центр не только оказывает медицинские услуги на дому престарелым и инвалидам, но и заботится об их социальной адаптации. Таких центров в Могилеве восемь, материальную поддержку им оказывает Могилевская епархия.

34 % территории Могилевской области заражены радиацией. 90 % населения соседней Гомельской области, которую также посетил Святейший Патриарх, проживает на территории, зараженной в той или иной мере. Обращаясь к народу 18 июня после молебна перед возвращенным Церкви Трехсвятительским собором Могилева, Патриарх Алексий подчеркнул: *Церковь разделяет скорби и испытания, выпавшие на долю белорусов: в молитве, которая не знает расстояний, мы с вами. В нашей жизни много скорбей, нетерпимости, противостояний, но мы должны быть милосердными, должны в каждом человеке видеть брата и сестру во Христе. И будем хранить святую православную веру, которая всегда укрепляла нас; в Церкви мы найдем опору и силы.*

Святейший Патриарх Алексий за богослужением у Минского кафедрального собора

В гематологическом отделении детской областной больницы в Минске 17 июня 1991 года

19 июня Святейший Патриарх посетил гомельскую областную детскую больницу, которой также передал в дар полученные из-за рубежа медикаменты. На приеме в честь Святейшего Патриарха председатель Гомельского облисполкома Н. Войтенков подчеркнул, что население области испытывает двойной гнет, радиационный и психологический, и что визит Патриарха Московского и всея Руси в Белоруссию, на территории, пострадавшие от чернобыльской катастрофы, имеет большое значение. «Ваше посещение воодушевит людей»,— подчеркнул он.

«Духовный Чернобыль» безверия

Днем раньше на приеме в Могилеве один из представителей творческой интеллигенции заметил, что ликвидировать «чернобыль» в наших душах гораздо важнее, чем те физические последствия аварии, на которые обращено сейчас все внимание. «Пока мы не преодолеем духовный надлом, поразивший наши иссушенные безверием души, никакие социальные и экономические новшества не выведут наш народ из тупика». И здесь мы переходим к третьему фактору, сделавшему патриарший визит в Белоруссию особенно актуальным. Это фактор социально-церковный. Он имеет много аспектов. Некоторые из них (например, отношение Православной Церкви к провозглашенному недавно суверенитету Белоруссии, к ее намерению подписать союзный договор, полагающий начало новым отношениям между республиками на основе равноправия, взаимопомощи и сотрудничества) Патриарх Алексий также назвал в первом же выступлении еще в минском аэропорту.

В своих обращениях к верующим, на встречах с общественностью, в выступлении перед учеными в Академии наук БССР (публикуется в этом номере) Святейший Патриарх неоднократно напоминал о том, что после революции у атеистической власти возникла идея провести над Белоруссией эксперимент по превращению ее в первую целиком атеистическую республику, в территорию без единого храма. Эксперимент не удался, но все же тот разгул безверия, в который были ввержены народы нашей страны, вполне можно назвать по своим зловредным последствиям «духовным чернобылем».

233 прихода открылось в Белорусской Православной Церкви за последний год (теперь их стало 610). Это свидетельствует о возрождении духовной жизни, начавшемся на наших глазах. В Минске Патриарх Алексий заложил два новых храма: в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» и в честь Всех святых (в память безвинно убиенных во Отечестве нашем). Этот храм, освящение закладки которого совершилось 17 июня, расположен в одном из новых микрорайонов города, в нескольких километрах от местечка Куропаты, где три года назад было случайно обнаружено тайное захоронение жертв репрессий 30-х годов. На месте братской могилы силами общественности воздвигнут большой крест; возле него Святейший Патриарх совершил панихиду.

В процессе поездки по Белоруссии Святейший Патриарх посетил также недавно возвращенные Церкви храмы: Екатерининский и в честь Марии Магдалины в Минске (17 июня), Трехсвятительский в Могилеве, Покровский в селе Еремине Гомельской области (18 июня), Петропавловский собор в Гомеле (19 июня) — единственный сохранившийся в Белоруссии кафедральный собор (во всех остальных городах они были снесены, и теперь кафедральными являются бывшие приходские храмы).

В Могилеве Патриарх Алексий посетил также недавно возвращенный епархии Никольский женский монастырь, Борисоглебский храм, накануне в Минске — Александро-Невскую кладбищенскую церковь, возвращаясь из Жировицкого монастыря 16 июня — Троицкий храм в городе Слониме, а по дороге в Гомель 18 июня — Никольский храм села Старый Крывск.

Духовное просвещение — залог будущего

О возрождении духовной жизни в Белоруссии свидетельствует и восстановление древних епископских кафедр: Могилевской, Брестской, Полоцкой, Пинской и Гомельской; еще три года назад все эти епархии управлялись одним архиереем — митрополитом Минским и Белорусским. С визитом Патриарха Белорусский Экзархат получил и викарного епископа: 16 июня, в день празднования Собора Белорусских святых, за Божественной литургией в Успенском соборе Жировицкого монастыря (туда на патриаршее богослужение съехалось около 40 тысяч паломников) Святейший Патриарх возглавил хиротонию ректора Минской Духовной Семинарии архимандрита Константина во епископа Новогрудского, викария Минской епархии.

Успех дальнейшего возрождения церковной жизни зависит, отметил

Святейший Патриарх Алексий II вручает дипломы выпускницам Минского Духовного училища

Патриарх, от решения кадровой проблемы в Церкви и вообще от состояния духовного просвещения. На встрече с преподавателями и воспитанниками МинДС он рассказал о новом опыте социальной работы в приходах и обратил внимание на необходимость создания в каждом приходе церковноприходской школы. Патриарх одобрил практику Минской Духовной Семинарии, согласно которой ее воспитанники одновременно с учебой преподают в воскресной школе при Семинарии. *В области массового духовного просвещения,*— сказал Святейший Патриарх,— *мы делаем только первые шаги. Мы должны осознать ответственность, которая лежит на каждом из нас — пастыре, преподавателе. От того, насколько ответственно мы будем работать, зависит, каким придет завтра в Церковь новое поколение.*

На приеме в Жировицком монастыре, на встречах с клириками неоднократно отмечалась необходимость открытия в Белорусском Экзархате Духовной Академии, на базе которой могло бы развиваться богословие на национальном языке. Этого вопроса Святейший Патриарх касался также 17 июня на приемах у Председателя Совета Министров БССР В. Ф. Кебича и заместителя Председателя Верховного Совета БССР В. И. Шолодонова.

Основной темой беседы, состоявшейся между Патриархом Алексием и В. Ф. Кебичем, стали православно-католические отношения в Белоруссии. Мы привыкли рассматривать эту тему преимущественно в связи с ситуацией в Галиции, где экспансия католицизма проявилась в последние два года через сильный рост числа униатских общин и насильственные захваты ими православных храмов. В отличие от Западной Украины, где вплоть до конца Великой Отечественной войны существовал один-единственный православный храм, а Львовский Собор 1946 года предпринял попытку воссоединения униатов с Православием в крайне невыгодной политической ситуации, в Западной Белоруссии и Литве уния была безболезненно ликвидирована еще в первой половине XIX века. Поэтому сегодня, как и сто лет назад, в Белоруссии не числится ни одного униатского прихода: для их возникновения нет церковно-исторической почвы. Однако сегодня на волне национально-политического возрождения иные политические (а не церковные!) силы предпринимают попытки реанимировать униатскую Церковь и в Белоруссии.

В Белоруссии проживает немало поляков, большинство которых принадлежат к католическому исповеданию. На территории БССР действует много костелов (например, в Минске пока три православных храма и два костела), которые подчинены трем епископам, назначенным недавно Ватиканом без согласования с белорусскими властями. И вот некоторые неофиты, пришедшие в Церковь от политики, рассуждают так: поляки — католики, русские — православные, ну а мы, белорусы, должны быть униатами... Естественно, что это мнение активно подогревается представителями Ватикана и польским меньшинством.

Белорусские священнослужители рассказывали такие факты: уезжающие в Польшу на лечение дети с территорий, пострадавших от чернобыльской аварии, возвращаются уже наполовину католиками. На занятиях ксендз им говорил: к православным батюшкам не ходите, а вот есть в вашем городе такой-то (дается адрес местного ксендза), к нему-то и идите... В сочетании с лечением такой метод «миссионерства» может принести обильные плоды. (Еще большее давление со стороны католицизма испытывают белорусы, проживающие в Польше. «Их судьба не может быть безразлична нам, живущим по эту сторону границы»,— заметил Председатель Совмина БССР.) Вот почему столь важно организовать православное воспитание детей в церковноприходских школах на должном уровне.

Католическая Церковь всегда проявляла экспансию в смутные для России времена,— сказал на встрече в Совете Министров Святейший Патриарх.— *Сегодня эта экспансия ощущается не только на Западе нашей страны, но и на Дальнем Востоке. Например, католический архиепископ с Аляски предлагает построить за свои деньги в Магадане католический центр. Для того чтобы предотвратить эту конфессионально неэтичную акцию, с ним встретился епископ Магаданский и Камчатский Аркадий. Но католический архиерей «пригрозил» сокращением гуманитарной помощи... Политикам нельзя рассматривать Ватикан как обыкновенное государство. И Белоруссия не может быть местом для католической миссии.* Не может она служить и местом проведения польской националистической политики.

После десятилетий пребывания за «железным занавесом» наша страна вновь входит в общеевропейский дом. Этот закономерный процесс, связанный с процессами перестройки, возрождения национального и политического сознания народов СССР, не может не поддержать любой здравомыслящий человек. Однако, как сказал Патриарх Алексий в своем выступлении в Академии наук БССР, в общеевропейский дом нельзя войти через конфессиональные двери: чтобы быть услышанным в хоре голосов европейских народов, надо говорить с ними своим собственным голосом. Для белорусского народа этот голос — своя нацио-

нальная православная культура. Одним из признаков высокой культуры, напомнил Патриарх, всегда являлось издание Священного Писания на национальном языке.

И здесь уместно сказать, что именно на пресс-конференции Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, состоявшейся в помещении Белорусского Экзархата 17 июня 1991 года, прошла презентация нового научного издания, осуществленного по благословению Патриаршего Экзарха всея Белоруссии митрополита Минского и Гродненского Филарета,— «Евангелия от Матфея», вышедшего на четырех языках: греческом, церковнославянском, русском и белорусском. Впервые белорусский перевод, как сказал митрополит Филарет, осуществлен соборно, а не частными лицами. Он стал одним из первых плодов работы недавно созданной Белорусской библейской комиссии...

Е. ИВАНОВ

Поездка Святейшего Патриарха в Рязанскую епархию

22—24 июня 1991 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил поездку в Рязанскую епархию.

...Пробираться к Космодамианскому храму в селе Летове пришлось на «газиках», и только Святейшего Патриарха подвезли на настоятельской «Ниве».

Возле храма на могиле архиепископа Орловского и Брянского Глеба (Смирнова; † 1987) Святейший Патриарх Алексий совершил панихиду (в этой церкви будущий Высокопреосвященный Глеб долгие годы был настоятелем, а затем, став архиереем, регулярно сюда приезжал).

Сохраним наследие прошлого

Летовский приход не относится к числу богатых: расположен в глубинке, добраться до него непросто. Но храм, отметил Патриарх, содержится в образцовом порядке. Этого, к сожалению, нельзя сказать о многих и многих памятниках церковной архитектуры Рязанщины, еще не возвращенных Русской Православной Церкви, в первую очередь о Рязанском кремле. Впервые за год своего Патриаршества и постоянных поездок по епархиям (Рязанская стала девятнадцатой) Святейший Патриарх вынужденно совершал богослужение не в храме, а перед ним: перед Христорождественской церковью, в которой до сих пор находится архив и в которой недоступно для народа место погребения святителя Василия, епископа Рязанского.

23 июня, в день его памяти, к которому приурочено и празднование Собора Рязанских святых, Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в Борисоглебском кафедральном соборе Рязани в сослужении архиепископов Рязанского и Касимовского Симона, Тамбовского и Мичуринского Евгения и епископа Истринского Арсения, а затем направился с крестным ходом в Рязанский кремль.

Директор музея, который «владеет» храмами кремля, Л. Максимова ответила отказом на просьбу епархии разрешить патриаршую службу в главном Успенском соборе из-за якобы возможного нарушения «температурно-влажностного режима». Совершив молебен под открытым небом у Христорождественского храма и пропев величание святителю Василию возле северного церковного окна (самого близкого к месту погребения святителя), Святейший Патриарх и сопровождавшие его все-таки смогли на несколько минут зайти в Успенский собор. Взору предстала безрадостная картина запустения...

На следующий день на приеме в облсовете его председатель Л. И. Хитрун (отстранен после событий 19—21 августа) сообщил Святейшему Патриарху, что области не хватает 1,5 млрд рублей на реставрацию тех шести сотен памятников архитектуры, которые состоят на официальном учете. В последовавшей беседе Предстоятель Церкви поставил вопрос о возвращении Успенского собора исторически законному владельцу, а также о предоставлении епархиальному управлению, которое ютится в домике сельского типа, нового достойного помещения. Архиепископом Симоном был поднят вопрос об освобождении Вышинского монастыря, который юридически уже возвращен Церкви, и о возрождении традиции ежегодных

Святейший Патриарх Алексий II совершает панихиду на могиле архиепископа Орловского и Брянского Глеба (Смирнова; † 1987) у Космодамианского храма в селе Летове

Святейший Патриарх Алексий в сопровождении архиепископов Рязанского и Касимовского Симона (слева) и Тамбовского и Мичуринского Евгения в селе Эммануиловка Рязанской области

крестных ходов в кремль, подобных совершенному накануне Патриархом (впервые за 70 лет).

Возродится ли деревня?

...К Рязанскому кремлю от Борисоглебского собора полуторакилометровый крестный ход следовал сначала по улице Каляева (названной в честь народника-террориста), бывшей Семинарской, где в здании бывшей Рязанской Семинарии размещается Музей воздушно-десантных войск. Следующая улица носила имя Революции (бывшая Соборная), как бы указывая своим названием на причину изменения имен и всех остальных улиц и площадей, на причину закрытия самого собора...

Несколько лет назад в нашей стране впервые заговорили о трагедии российского Нечерноземья, о том опустошении, которое постигло эту землю в результате неумелой социально-экономической политики прошлых лет. (Например, население Рязанской области, насчитывающее ныне около 1,3 млн жителей, составляло в начале века примерно 2 млн.) Стали предприниматься меры, вкладываться средства. О том, что делается на Рязанщине, председатель облсовета рассказал на встрече Святейшему Патриарху. Но восстановительный процесс не станет до конца успешным без духовно-нравственного возрождения края. Эта мысль неоднократно звучала в выступлениях Святейшего Патриарха в Рязанской епархии.

24 июня Святейший Патриарх и сопровождавшие его лица отправились на вертолетах в село Эммануиловка, в Сергиевском храме которого покоятся мощи святителя Феофана Затворника, подвизавшегося в расположенном неподалеку Вышинском монастыре. По дороге была сделана остановка в селе Инякине. Его огромный Успенский храм в прошлом году возвращен верующим в том плачевном состоянии, в котором возвращается большинство святынь. Однако местный колхоз, восстанавливая историческую справедливость, нашел возможность передать для его восстановления 300 тыс. рублей.

Встречаясь в церкви с сельчанами, Святейший Патриарх сказал, что, *возрождая храм, мы возрождаем и село. Возвращение к земле, которую русский народ всегда любовно называл матушкой, может вывести нас из того кризиса, в котором оказалась наша страна.* Думается, что, если бы во всех колхозах руководство понимало взаимосвязь возвращения к духовным истокам и возвращения честного отношения к труду, не пришлось бы, пролетая над селами, встречать на один действующий и отреставрированный храм пять полуразрушенных...

Очагом возрождения духовного отношения к земледельческому труду стал и Иоанно-Богословский монастырь, вновь открытый в 1988 году. Обители переданы местным колхозом для возделывания сад и пасека, земельные угодья. Посетив монастырь 22 июня, Святейший Патриарх совершил в его Иоанно-Богословском соборе молебен, поклонился мощам святого благоверного князя Олега Рязанского.

24 июня, завершая поездку по Рязанской епархии, Патриарх Алексий отслужил молебен святителю Феофану в Сергиевском храме в Эммануиловке у раки с его мощами и, обратившись к сельчанам, сказал: *Святитель Феофан Затворник называл это место райским уголком, следующим по красоте после райских садов, узреть которые Господь его сподобил. И если это так, то и мы с вами должны любить это место, возделывать матушку-землю, по которой ходил святитель своими стопами, и не оставлять этот край своими трудами и своими молитвами.*

Е. КОМАРОВ

Из выступлений Святейшего Патриарха Алексия II в Белорусском Экзархате и Рязанской епархии

Из выступления в Академии наук БССР 17 июня 1991 года:

— Вы знаете, что в христианстве страдание, святость, Крест, богоприобщение чрезвычайно тесно связаны между собой. И потому я могу сказать, что меня обогатило прикосновение к многострадальной Белорусской земле. Ведь именно потому, что эта земля видела много горя, она открыта к освящению, ожидает его и готова принять в себя целительную благодать Божию.

Три катастрофы, три беды произошли на наших глазах с белорусским народом. Первая — Великая Отечественная война, огнем и мукой коснувшаяся каждого белоруса. Ныне, когда уже полвека пролегли от начала войны, мы молитвенно вспоминаем тех, кто погиб в те тяжелейшие дни. Обычно говорят, что они отдали свои жизни для спасения Отечества. Но мы, христиане, знаем, что они не отдали жизнь, не потеряли ее, а, отдав самое дорогое, самое большее, что есть у человека,— свою земную жизнь, приняли самое большее, что может дать Господь,— Жизнь Вечную. Эти скорбные дни 50-летия начала войны для каждого из нас являются днями усиленных молитв об упокоении наших братьев и отцов, послуживших защите Отечества и веры.

Вторая беда, Чернобыль, опалила белорусский народ совсем недавно — несколько лет тому назад. Произошло страшное: земля, вода, воздух стали враждебными человеку; то, что должно поддерживать жизнь, стало нести болезни и смерть. Люди вынуждены сторониться, опасаться своей родной земли — какой страшный символ!

И третья беда, происшедшая с белорусским народом,— это десятилетия самой неистовой антирелигиозной войны, что велась на этой земле. Мы все помним, как еще недавно нам обещали сделать белорусский народ тотально неверующим, а Белорусскую землю — землей без храмов. Сегодня мы понимаем, что торжество материализма — это поистине этническая катастрофа. Самым страшным последствием денационализации Белоруссии стало разрушение духовных, религиозных традиций белорусского народа. «Духовный чернобыль» преодолеть нам будет не легче, чем апрельскую катастрофу 1986 года. Это сравнение значимо, как мне представляется, еще и в том смысле, что сегодня мы все понимаем, насколько бессмысленными, ненужными были наказания, определенные виновникам чернобыльской катастрофы: как бы ни проклинали и ни наказывали их люди, ее последствия от этого не станут исчезать скорее, а боль не станет легче. Так и в духовной области: называть виновных, взывать к их наказанию духовно бессмысленно. Вспомним слова апостола Павла: *Не будьте побеждаемы злом,но побеждайте зло добром* (Рим. 12, 21).

Бездуховность нам нужно победить прежде всего в нас самих, внутри себя вести борьбу за свое духовное возрождение и тем самым за духовное возрождение нашего народа. Важное для нас отличие духовного возрождения от политических перестроек состоит в том, что для духовного успеха нам не нужно ничего разрушать вне себя. Не нужно ставить задачу разрушения чего бы то ни было, а нужно все силы вложить лишь в созидание.

Чем может помочь Белорусская Православная Церковь в святом деле возрождения белорусской культуры и народа? Во все времена знаком культурной зрелости народа было распространение в нем Священного Писания на родном языке. Я рад, что после многих десятилетий разрыва духовной и культурной традиции белорусы вновь могут читать слово Евангелия на белорусском языке. В связи с этим встает уже следующая и не менее сложная задача: нужно разрабатывать белорусский богословский и философский язык. Люди, знающие историю богословия и Церкви, знают, насколько это сложно и важно. Они знают также, что, когда допускалась торопливость в богословских переводах, дело церковное страдало очень серьезно. Достаточно вспомнить раскол с Армянской Церковью из-за неточного перевода Деяний IV Вселенского Собора (451 г.). Нужна не просто вдумчивость, а молитвенная вдумчивость, нужна глубокая церковность.

С радостью могу отметить, что при Белорусской Православной Церкви создана библейская комиссия, в которую входят специалисты-лингвисты и которая успешно осуществляет перевод на белорусский язык книг Священного Писания.

Наконец, хотел бы сказать, что духовное возрождение — это дело слишком серьезное и ответственное, чтобы в нем можно было руководствоваться соображениями культурной или политической моды. Не нужно лишь «прислоняться» к вере и лишь говорить о ней, не переживая всем своим существом внутреннего поворота ко Христу. В то же время, обсуждая пути духовного возрождения народа, не следует руководствоваться соображениями кажущейся политической выгоды. Многим сегодня кажется, что в общеевропейский дом следует входить через конфессиональные двери, через принятие западного христианства и избавление от византийского «провинциализма». Не буду говорить о том, что это явилось бы предательством по отношению к духовным истокам белорусского народа. Не буду говорить о том, сколь печально это может обернуться для судеб многих людей и всей нации. Но только напомню, что, если человек остается верен себе и своим убеждениям, только тогда другие начинают прислушиваться к его голосу. Если мы хотим, чтобы голос Белоруссии и России был слышен в духовном хоре народов Европы, нам надо сохранять именно свой голос, свой выбор, свою веру.

Я рад духовному возрождению в Белоруссии. Надеюсь, что ее национальное возрождение сможет проложить путь творчества и созидания вопреки всем катастрофам. Надеюсь, что политический плюрализм, который наконец начал заявлять о себе и в Белоруссии, будет развиваться на основе духовного национального единства белорусского народа. Обновление уже начато: появились новые идеи, новые люди, новые движения. В добрый путь. Дай Бог, чтобы радиации чернобылей — и физического, и духовного — не разрушали бы сердца белорусов. Верю, что в Православной Церкви вы найдете верных и надежных соработников на этом пути.

Из слова при вручении дипломов выпускникам Минского духовного училища 15 июня 1991 года:

— Сейчас самая сложная проблема в Церкви — проблема кадровая. Не хватает священнослужителей, регентов, псаломщиков, катихизаторов, учителей для воскресных школ. Сегодня — второй выпуск в Минском епархиальном духовном училище. Молитвенно желаю, чтобы помощь Божия сопутствовала вам в трудах. Церковнослужителю необходимо сегодня участвовать в многостороннем церковном служении, которое мы называем социальным. Нужно возродить те церковные структуры, которые в

силу внешних обстоятельств были ликвидированы. Только когда будут функционировать церковноприходские школы, когда будут возрождены все закрытые ранее приходы, когда возродятся дела милосердия и благотворительности, церковная жизнь предстанет во всей своей полноте. Я от души желаю вам, чтобы вы были участниками всей полноты церковной жизни. Господь спросит каждого из нас, какой вклад мы внесли в возрождение церковной жизни.

Из слова в минском Свято-Духовском кафедральном соборе 15 июня 1991 года:

— *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего иже на Небесах* (Мф. 5, 16). Словом, делом и всей жизнью мы должны свидетельствовать, что являемся последователями Господа Спасителя нашего Иисуса Христа: должны умножать любовь Христову, жизнью противостоять той нетерпимости, которую часто приходится наблюдать в нашем обществе.

Из слова в Троицком храме города Слонима Гродненской области 16 июня 1991 года:

— Жизнь человеческую часто сравнивают с бурным житейским морем: как в море бывают и ветры, и волны, и подводные камни, так и в жизни человеческой бывают различные испытания, трудности и бури. Они касаются жизни и Церкви, и страны, и каждого человека. И во всех жизненных треволнениях опорой должна быть наша вера в Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа — православная вера, которую исповедовали и наши предки. Хранить ее — наш долг.

Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними (Мф. 7, 12). Нам бывает больно, когда о нас говорят плохо, когда в минуту жизненного испытания не находится человека, способного поддержать, укрепить. Но все это мы должны выполнять по отношению к нашим ближним. Тогда непреходящие христианские ценности вернутся в нашу жизнь.

Церковь на протяжении веков проповедовала, учила Истине. В революционные годы хотели разрушить старый мир до основания, построить новый. Но через семьдесят лет увидели, что завтрашний день можно построить только на основе исторического опыта народа.

Сегодня, когда идет духовно-нравственное обновление нашего общества, взоры многих обращены к Церкви, ибо она в тяжелую годину сохранила духовные и нравственные ценности, необходимые сегодня всем. Если мы будем строить свою жизнь на этих основах, то мы одолеем и противостояние, и нетерпимость, и межнациональную рознь.

Тяжелый исторический опыт имеет белорусский народ: он перенес испытания военных лет, насаждение массового атеизма. Некоторые области Белоруссии пострадали от чернобыльской аварии. Испытания попускает нам Господь. Но мы должны находить в Церкви утешение и силы переносить их. Должны строить свою жизнь на любви Христовой. И тогда никакие волны бурного житейского моря не смогут поколебать нас.

Из слова в Борисоглебском храме Могилева 18 июня 1991 года:

— Будьте мужественны, терпеливы, верьте в помощь Божию — и Господь не оставит вас. Возрождайте духовные и нравственные начала в своей жизни. На всех верующих града сего, на всех верующих нашей Церкви лежит сегодня ответственность и обязанность быть светом миру, показывать пример своей жизнью.

Из слова в Петропавловском соборе Гомеля 19 июня 1991 года:

— Мне хочется напомнить вам слова апостола Павла: *Братья, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтеся, вся вам любовию да бывают* (1 Кор. 16, 13—14). Вдумаемся в эти слова: стойте в вере, храните святую православную веру, в которой вы воспитаны, которую вы приняли от прошлых поколений, которая несет свет Христовой Истины, которую постигали многие испытания, которая подвергалась порой гонениям и преследованиям. И сегодня Святая Церковь, хранительница этой веры, готова поделиться своими духовными ценностями, пронесенными через века. Будем же всегда стоять в вере. Она поможет нам перенести все испытания, выпавшие сегодня на нашу долю. Мужайтесь, дорогие братья и сестры, укрепляйте себя молитвой ко Господу, к Пречистой Матери Божией, к апостолам Петру и Павлу — Небесным покровителям этого величественного возрождающегося храма.

Из ответов на вопросы во время пресс-конференции в Белорусском Экзархате 18 июня 1991 года:

1. Мы строим наши отношения и с Римско-Католической Церковью, и с другими Церквами на экуменических принципах. Но в последнее время заметен отход Католической Церкви от решений II Ватиканского Собора, появились попытки экспансии на каноническую территорию Московского Патриархата и создания здесь параллельных епархий. Мы считаем, что в основу церковной жизни должен быть положен принцип, идущий с апостольских времен: один город — один епископ. Назначение параллельных епископов — признак явной экспансии. Но сегодня мы это наблюдаем и на Украине, и в Белоруссии, и в России.

Принципы, изложенные в заявлении смешанной православно-католической комиссии и принятые во Фрайзинге в июне 1990 года, отрицают унию как ложный способ достижения христианского единства. Но Папа Римский до сих пор не утвердил эти решения, и они, к сожалению, не выполняются.

2. Я думаю, что Советская Армия сегодня подвергает себя многим нападкам оттого, что не стала до конца государственным институтом: она до сих пор слишком политизирована. На сегодняшний день тем, кто служит в армии, трудно осуществлять свое право исповедовать веру. На заседании Верховного Совета при обсуждении Закона СССР о свободе совести предлагалось создать институт капелланов, но Верховный Совет это не поддержал.

Правда, сотрудничество между Церковью и армией сегодня уже началось. Должен сказать, что ни одно мое обращение к министру обороны, например просьба помочь с техникой, не осталось без ответа. Во многие военные училища сегодня приглашают священнослужителей сказать напутственное слово выпускникам.

В каком-то смысле армия и ее уклад нам особенно близки. Как и в Церкви, в армии не работают, а служат. Дух служения Отечеству — это то общее, что делает возможным наше сотрудничество. И если армия преодолеет политизацию, это сотрудничество пойдет еще успешнее.

Из слова в Иоанно-Богословском монастыре Рязанской епархии 22 июня 1991 года:

— Мы живем во время возрождения святынь, возвращенных Церкви часто в очень тяжелом состоянии. И для того чтобы восстановить их полностью, требуется много усилий, многая помощь Божия.

Апостол и евангелист Иоанн Богослов являет нам пример любви. Умножать Христову любовь, преодолевать противостояние, нетерпимость — это задача не только

этой обители, но и задача всех нас в это трудное, но вместе с тем и благоприятное время — время, дающее нам много возможностей возродить духовные начала нашей жизни.

Из слова на обеде в Иоанно-Богословском монастыре 22 июня 1991 года:

— Сегодня 50 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Эта беда, которая пришла в наш дом, объединила всех. В первый же день войны Глава Русской Православной Церкви Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергий обратился с призывом ко всероссийской пастве встать на защиту Родины. Этот призыв прозвучал после очень трудных десятилетий, в течение которых ставилась задача уничтожить Церковь. Но в трудную годину православные люди, не помня старых обид, встали на защиту Отчизны. И сегодня, когда в наши непростые дни происходит переоценка ценностей, идет процесс духовного обновления, только Церковь может консолидировать все духовно здоровые силы общества.

Из слова на могиле архиепископа Глеба († 1987) у Космодамиановского храма в селе Летове Рязанской области 22 июня 1991 года:

— Я знал покойного архиепископа Глеба со времени хиротонии епископа Рязанского и Касимовского Бориса (Скворцова; † 1972). Владыка Глеб часто приезжал ко мне как к управляющему делами Московской Патриархии с различными вопросами епархиальной жизни и часто в наших беседах вспоминал дорогое для его сердца Летово, где он прослужил 16 лет священником и где оставил частицу своего сердца.

Сейчас, впервые посетив Летово, я могу понять любовь покойного к этому месту: великолепный храм, в который он так много вложил труда, прекрасная природа, радушные люди, которых он духовно окормлял в течение долгих лет и с которыми он духовно сроднился... Став архиереем, он ежегодно приезжал в Летово, чтобы отдохнуть душой. Здесь он завещал себя похоронить. Да упокоит Господь его душу и да воздаст за его труды ради благолепия этого храма и ради устроения Орловско-Брянской епархии, которой он управлял. А всем вам, братья и сестры, жителям этого прекрасного села, желаю благословения Божия; пусть у вас будет мир друг с другом, любовь; и поминайте в молитвах наставника вашего, проповедавшего вам слово Божие.

Из слова в Успенском храме села Инякина Рязанской области 24 июня 1991 года:

— Жизнь возвращается сегодня в нашу русскую деревню. Но без храма русское село невозможно представить. Ваши отцы и деды, жившие на этой земле, построили величественный храм. После восстановления он вновь будет украшением Рязанской земли и всей России. Помогай вам Бог в его возрождении, в возрождении всего села, в возвращении к истокам, к земле.

Вспомним, как любовно раньше называли землю: земля-кормилица, земля-мать. Это любовное отношение к земле мы должны вернуть в нашу жизнь. Когда-то многие из нас оставили насиженные места, ушли в города, но сегодня мы должны русскую деревню возродить.

Из слова на приеме в Рязани 24 июня 1991 года:

— В нашей стране пытались разрушить до основания «старый мир». Правда, кое-что все-таки сохранилось, и сегодня мы осознаем, что строить завтрашний день можно только с учетом исторического прошлого нашего народа. А объединяющим началом в России всегда была Церковь. В советское время ей пришлось пережить тяжелые десятилетия: многих слоев нашего общества коснулись репрессии, но в отношении Церкви была поставлена задача уничтожить полностью. Поэтому Церковь к сегодняшнему моменту пришла ослабленной; мы не имеем достаточного количества кадров для того, чтобы во всей полноте осуществлять духовно-просветительную деятельность. Поэтому столь актуален вопрос открытия новых духовных учебных заведений.

Наречение и хиротония архимандрита ЕВЛОГИЯ (Смирнова) во епископа Владимирского и Суздальского

Постановлением Святейшего Патриарха Алексия II и Священного Синода от 27 октября 1990 года архимандриту Евлогию (Смирнову), наместнику Оптиной пустыни, определено быть епископом Владимирским и Суздальским.

10 ноября после всенощного бдения в Успенском кафедральном соборе г. Владимира наречение архимандрита Евлогия во епископа Владимирского и Суздальского совершили Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, архиепископы Рязанский и Касимовский Симон, Корсунский Валентин, Дюссельдорфский Лонгин, Орехово-Зуевский (ныне Владивостокский и Приморский) Николай, епископы Истринский Арсений, Подольский Виктор.

При наречении архимандрит Евлогий сказал:

Ваше Святейшество, Ваши Высокопреосвященства и Ваши Преосвященства! Непостижимой волей и провидением Всеблагого Бога и синодальным определением совершенно неожиданно выпал мне, недостойному служителю алтаря Господня, новый и высокий жребий апостольского делания в Церкви Христовой — быть ее епископом и нести послушание во Владимиро-Суздальской епархии. Трудно мне сейчас это звание воспринять и еще тяжелее будет понести и оправдать его, не находя в себе к тому надлежащих духовных сил и способностей.

Но дивен и премудр смысл нашего земного бытия: ничто в нем не бывает случайным и стихийным. У Бога, Творца Неба и земли, все происходит и совершается в мире по Его благому Промыслу и попечению, ведущему только к добру и Вечной Жизни всех тех, кто смиренно покоряется ему. И здесь, в Вашем первосвятительском решении об устроении и окормлении Владимирской епархии, несомненно, сокрыта та же благая и вечная десница Божия, что и в ранние апостольские времена насаждавшая Церкви по градам и весям *тем же Духом* Святым (1 Кор. 12, 8).

В наше очень нелегкое, бурное и тревожное время, когда человечество стоит на опасной грани бытия, страшась скорой гибели от своего произвола, вера и живая связь

с Церковью как ковчегом спасения служат единственной связующей нитью с настоящей, разумной и благодатной жизнью, которой призваны держаться и всячески хранить.

Вражда, раскол и ереси в христианской среде в наше время не являются ли горькими плодами нравственного падения и заблуждения тех, кто отступил от чистоты православной веры и жизни, кто преслушал Свою Церковь *как столп и утверждение истины?* (1 Тим. 3, 15).

Нет ближе, дороже и святее для нас Церкви Христовой, одушевляемой Духом Святым, от которой нельзя отойти ни на шаг, оберегая в ней все, что идет от апостолов, от святых отцов Церкви, что ее наполняет и чем она живет. «Где, в самом деле,— говорит святитель Иоанн Златоуст,— такая пристань, как Церковь? Где такой рай, как наше собрание? Нет здесь змея-наветника, но Христос, открывающий тайны. Нет Евы, виновницы падения, но Церковь — восстановительница падшего. Если же увижу я волка, сделаю его овцой не чрез изменения самой природы, а переменой его воли».

Размышляя о Церкви как благодатной Матери жизни, невольно прихожу в душевный трепет и удивляюсь чуду и величию силы Божией, явленным на церковной ниве Владимиро-Суздальской земли, принесшей прекрасный плод своей веры и жизни за тысячелетнюю историю христианства. Сонм святых и преподобных угодников Божиих, процветших высокой духовностью в этом уделе Руси,— лучшее и убедительное свидетельство чуда благодати Божией.

Читая священную летопись епархии, трепещет душа о предстоящем столь ответственном архипастырском служении на этой древней земле, где все пронизано святостью, которой нужно достойно соответствовать.

При моей слабости и немощи одна теплится у меня надежда и вера — смиренно и неотступно взирать на милостивого Бога, Помощника и Покровителя нашего, без благодатной силы Которого не мыслимо ни одно дело доброе, тем более церковное, епархиальное, созидающее Тело Христово, к которому мне надлежит приступить. Вглядываясь в свою прошлую жизнь, с благодарностью нахожу подтверждение этой мысли, замечая неослабное о себе попечение Божие, охранявшее меня в самых различных и опасных обстоятельствах и ведшее по пути спасения и покаяния, что глубоко убеждает в бесконечности любви Божией к нам. Мне вспоминается Божественная литургия в патриаршем соборе, которую в 50-е годы совершал Святейший Патриарх Алексий и которая так удивительно глубоко запала в мою душу на всю жизнь, что по выходе из храма я тотчас настойчиво заявил своей маме: «Буду только священником», чему она очень поразилась и чего действительно меня сподобил Милостивый Господь. Спустя уже 20 лет от рук того же Первоиерарха и в том же соборе я принял священнический сан. С особым чувством вспоминаю учебные годы в Московских Духовных школах, в которых потом преподавал, и, конечно, саму Лавру Преподобного Сергия, где, став черноризцем, трудился как эконом монастыря. Из обители Преподобного дважды Бог судил исходить на особые церковные послушания: вначале в Московский Свято-Данилов монастырь, затем в Оптину пустынь наместником — для их скорого восстановления и, самое главное, возрождения в них иноческой жизни. Пребывание в этих святых обителях оставило в душе неизгладимый след своей благодатной силой, присущей им благодаря духу и подвигам преподобных отцов, потрудившихся и скончавшихся в них. Славно и дивно проявляла себя Божия сила в обеих древних обителях, чудесно явив в них святые мощи как преподобного Даниила Московского, так и преподобного старца Амвросия Оптинского, свидетелем открытия которых Бог сподобил меня, грешного.

При всех явных и многих знамениях силы Господней, проявленных в моей жизни, никак не могу считать себя заслуженным и достойным этих великих благодеяний и благодатных знаков, которыми я должен был оставить страсти и немощи души, порочащие меня, но вот не переборол себя и весьма смущенно представляю себя вам, помышляя о вашей любви ко мне, из побуждений которой вы призываете меня на епископское служение.

Взирая на безмерную милость Божию и исповедуя свои многие немощи и грехи, о которых еще не принес истинного покаяния, смиренно прошу и искренне молю Вас, Ваше Святейшество, нашего Великого Господина и Отца, и Преосвященных архипастырей: да воздвигнете со дерзновением многое моление пред Господом и Пастыреначальником нашим о моем крайнем ничтожестве, дабы благодать Христова, оживотворяющая мир, невозбранно почила чрез ваши руки на сосуде моей души, освятив и очистив его от всякой нечистоты греховной, и произвела добрые плоды в пастве во спасение ее в радость и утешение всей нашей Церкви, озабоченной ее духовным состоянием. То, что мое наречение и посвящение во епископа произойдут во святом граде Владимире, некогда первопрестольном в Святой Руси,— это живой яркий символ и знамение нашей церковной жизни, осеняемой силой свыше, молитвами Пресвятой Богородицы, в храме Которой совершается сия хиротония, символ нового святительского отношения к многосложным делам Церкви, какое мы зрим в деяниях Его Святейшества Святейшего Патриарха Алексия II, обручающего меня ныне с паствой Владимиро-Суздальской епархии во имя непреложной в веках Божией славы и полного православного единства во Иисусе Христе, Господе нашем, благодатно созидающем нас в Тело Свое и дарующем нам блаженное бессмертие.

* * *

11 ноября 1990 года за Божественной литургией во владимирском Успенском кафедральном соборе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, Преосвященные архиереи, участвовавшие в наречении, совершили хиротонию архимандрита Евлогия во епископа

Владимирского и Суздальского.

По окончании литургии, вручая новохиротонисанному епископу Евлогию жезл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий произнес слово:

Преосвященный епископ Евлогий, возлюбленный о Господе собрат и сослужитель! Благодатью Пресвятого и Животворящего Духа через возложение рук святителей хиротонисан ты во епископа Владимиро-Суздальской епархии — одной из древнейших в Русской Православной Церкви. Сорадуюсь тебе, что ныне ты получаешь высший жребий служения, радуюсь и о Церкви нашей, что в твоем лице она находит достойного епископа. Как Предстоятель Церкви и старейший твой собрат, считаю своим долгом по чину церковному преподать тебе наставление в путь твоего архиерейского служения.

Неожиданным для тебя было это призвание, но несомненно благовременным и для тебя, и для вручаемой тебе паствы. Немало ответственных и многосложных поручений Церкви выполнял ты последние годы. И мы с благодарностью говорим тебе, что все ты их совершал с честью, не жалея себя и своих сил. Но предстоящий тебе подвиг архиерейского служения ни с чем не сравним по своей трудности. Поэтому не слишком полагайся на свой опыт и свои дарования. Помни и никогда не забывай, что служение наше есть живой образ Самого Пастыреначальника Христа, душу Свою полагающего за овцы, есть доля в чаше Его подвига, страданий, испытаний и искушений различных.

Чтобы мог ты непреткновенно нести возложенный на тебя подвиг, Дух Святой, изначала поставляющий епископы в Церкви Божией, даровал тебе ныне *благодать, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую* (2 Кор. 12, 9) слабые силы человеческие. Эту благодать необходимо позаботиться сохранить любовью ко Христу, Его Святой Церкви и к народу Божиему.

Живи не для себя, а для Бога. Служи высшим духовным целям человеческой жизни. Будь образцом кротости и терпения, умеренности и воздержания, строгости и милосердия. Совершай Божие дело так, чтобы вместе с апостолом Павлом мог сказать: *Уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

Самая насущная твоя задача в современных условиях — быть хранителем единства церковного. Со тщанием следи за сохранением в непорочности веры православной, за соблюдением церковных канонов, правил святых апостолов и святых отцов, а также церковных преданий в верности, преданности и послушании Святой Церкви и соборне избранному ее Священноначалию.

Жизнь пасомых пусть будет твоей жизнью, их радости и печали воспринимай как свои собственные. А если появится угроза отторжения овец от твоего стада, будь готов к самопожертвованию. *Пастырь добрый,* по слову Спасителя, *полагает жизнь свою за овец* (Ин. 10, 11).

Не только любовью должен ты руководствоваться в общении с паствой, но и строгостью, особенно к пастырям, сеющим смуту в приходах, раздор и влекущим верующих к расколу, непослушанию, отпадению от Матери-Церкви. Твори суд с милостью, но и с наказанием непокорных. Делай это открыто, ясно, не утаивая согрешений и неправд виновного, дабы не порождать пересудов и противоборства. Апостол Павел говорит своему ученику Тимофею: *Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели* (1 Тим. 5, 20). На тебе лежит долг зорко следить за тем, чтобы священнослужители со страхом и трепетом, с благоговением и ревностью совершали свое служение, чтобы своим поведением не могли запятнать чистоты и святости благодатного залога, дарованного им при рукоположении, чтобы не могли оскорбить благочестивых чувств верующего народа, видящего в пастырях образец веры и благочестия.

Тебе надлежит заботиться об открытии монастырей, строительстве новых и реставрации разоренных храмов, о возрождении дел милосердия и благотворительности, о восстановлении катихизаторской деятельности, воскресных школ, других форм внецерковного прославления Имени Божиего.

Возлюбленный собрат, с принятием высокого сана епископа ты вступаешь в новую жизнь, предварительно соприкоснувшись на заре твоего служения Церкви Христовой с блаженнопочившим Святейшим Патриархом Алексием I. Праведная жизнь великого старца — Патриарха да послужит тебе примером в твоем предстоянии на Владимиро-Суздальской кафедре.

Благое знамение для тебя мы видим и в том, что иноческие обеты ты дал в Свято-Троицкой обители Преподобного Сергия, где и проходил свое послушание, восходя по лествице духовного совершенства.

Новые силы вдохнуло в тебя благословение Священноначалия нашей Церкви восстановить древнейший в Москве Свято-Данилов монастырь.

Незримое благословение Божие сопутствовало тебе и в новом послушании — возрождении Введенской Оптиной пустыни. Молясь о тебе у Владимирских святынь, где предлежит тебе продолжить благодатное строительство духовной жизни, мы верим, что предстательство Преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, благоверного князя Даниила Московского, преподобного Амвросия Оптинского и всех святых, в земле Владимирской просиявших, является залогом небесной помощи в твоем архипастырском служении.

Вручая тебе жезл как знамение данной тебе власти духовной, заповедую тебе идти с ним без смущения, как шел ты раньше: укрепляй немощных в вере, собирай расточенное, возвращай похищенных, не забывай об овцах паствы твоей, блуждающих без истинных пастырей.

Взыди на это возвышенное место и от полноты явленной на тебе благодати Святого Духа преподай народу Божию, который усердно молился о твоем освящении, твое первое архипастырское благословение.

* * *

Епископ Евлогий (в миру Юрий Васильевич Смирнов) родился 13 января 1937 года в г. Кемерово.

В 1959 году закончил Московскую Духовную Семинарию, в 1966 году — Московскую Духовную Академию. Во время учебы в Академии пострижен в монашество и 21 мая 1965 года рукоположен во иеродиакона. В 1967 году хиротонисан во иеромонаха и назначен помощником инспектора Московской Духовной Академии. В 1969 году возведен в сан игумена и назначен старшим помощником инспектора. С 1972 года — эконом Лавры и Академии. В 1973 году возведен в сан архимандрита и утвержден в звании доцента. В 1979 году удостоен степени магистра богословия за работу «Православное монашество в служении Церкви и миру», а в 1980 году — звания профессора.

С 1983 года — наместник Свято-Данилова монастыря. В 1986 году назначен профессором и первым проректором Московской Духовной Академии. С 13 августа 1988 года — наместник Введенской Оптиной пустыни.

Епископ Кинешемский Василий — исповедник веры

Епископ Кинешемский Василий (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в Кинешме в 1873 (по другим сведениям — в 1875) году в семье священника Сергия Преображенского и матушки Павлы. Своим христианским воспитанием он целиком обязан родителям. Очищение ума и сердца молитвой и Таинствами — в этом заключались смысл и цель земной жизни супругов. Родители старались оградить детей от влияния мира, зная, как трудно вырывать из сердца тернии грехов и страстей, если те уже проросли.

Все устроение жизни, окружавшее будущего Владыку с детства, было подобно монашескому. Ни новостей, ни сплетен, ни праздных разговоров не проникало за высокую изгородь их дома, покидать который детям воспрещалось. Для ребенка было отрадой посещение дома нищей братией и странниками. В самый день его крещения, когда Вениамина принесли из храма домой, в их дом пришла странница-старушка, которая, взглянув на мальчика, сказала: «Это будет великий человек». Были и иные предзнаменования его незаурядного будущего. Отсутствие житейской суеты приучило ребенка к сосредоточенности.

Но в каких бы высоких правилах благочестия ни воспитывался человек, сколь ни пронизан был бы с детства церковностью, его воля остается свободной, и обязательно наступит час свободного выбора.

Вениамин с отличием окончил гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. После окончания университета он решил готовить себя к профессии светского писателя. Зная в совершенстве как древние, так и новые европейские языки, он для продолжения своего образования и более углубленного знакомства с европейской культурой уехал в Англию и поступил в один из ее университетов.

Каждое лето он приезжал домой. Тихо бежали воды Волги, высокие берега которой были украшены и как бы духовно укреплены белоснежными Церквами. Среди них величаво возвышалась колокольня кинешемского собора.

Однажды Вениамин договорился с друзьями покататься на лодке. По неведомой причине лодка перевернулась, и все сидевшие в ней стали тонуть. Вениамин с горячей молитвой обратился к Господу, прося сохранить ему жизнь, обещая оставить светское образование и посвятить себя Православной Церкви. Не успел он все это мысленно произнести, как увидел длинную толстую доску. Ухватившись за нее, он спасся. Все остальные утонули.

Юноша не стал откладывать исполнение данного Богу обета и в тот же год поступил в Московскую Духовную Академию, которую окончил в 1901 году со степенью кандидата богословия, и был определен преподавателем в Воронежскую Духовную Семинарию. От юности интересуясь христианским подвигом, он пишет диссертацию под названием «О скитском патерике», за которую ему была присуждена степень магистра богословия.

Учась в Академии, Вениамин начал проповедовать в городских храмах. Проповеди его скоро стали популярны, его начали приглашать в села на престольные праздники. Здесь он увидел, как упало на Руси благочестие, увидел, что любовь к Истине у многих заменила привычка.

Вернувшись в Кинешму, Вениамин стал миссионером-проповедником. Посещая приходы, он присматривался к прихожанам, стараясь отыскать среди них человека, твердого в благочестии. Чаще всего это были женщины, посвятившие свою жизнь Богу. Вокруг них он собирал христианский кружок, где читались Евангелие и толкования, пелись церковные песнопения и любимые народом духовные стихи.

Трудно было организовать эти кружки, но, уже созданные, они давали плод сторичный, воспитывая многие души в такой верности и любви ко Христу, что никакие последующие невзгоды не могли их поколебать. Во времена обновленческого раскола эти кружки стали непоколебимой опорой Православия.

В 1918 году, когда в стране бушевало воинствующее безбожие и тысячи священников и монахов были замучены, Вениамин поступил псаломщиком в Вознесенскую церковь, где служил его престарелый отец.

В начале 1918 года был издан декрет, запрещавший преподавание Закона Божия в школах. Тогда Вениамин стал учить детей слову Божию в Вознесенском храме.

Строгий исполнитель церковных канонов и уставов, Вениамин считал рукоположение в священство и пóстриг в монашество в молодом возрасте преждевременными.

Лишь 16 июля 1920 года Вениамин был рукоположен во иерея, ему тогда исполнилось 45 лет. Хиротония состоялась в Костроме, вскоре после этого скончался отец.

Вениамин принял постриг с именем Василий, в честь Василия Великого, и 19 сентября 1921 года был хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии.

Рукоположенный во епископа, он умножил подвижнические труды. Отказавшись от какой бы то ни было собственности, поселился на окраине города в маленькой баньке, стоявшей на огороде вдовы-солдатки. Никакого имущества или обстановки у святителя не было, спал он на голом полу, положив под голову полено. Подвиг свой он скрывал от посторонних, принимая

Настоящая статья — переработанный и сокращенный по заказу редакции самим автором вариант брошюры «Святитель Василий Кинешемский» (Нью-Йорк, 1988), вышедшей тогда без указания имени ее автора.

посетителей в канцелярии, устроенной при Вознесенской церкви.

Банька находилась далеко от храма. Каждое утро, еще до рассвета, он шел пешком через весь город в храм и возвращался домой поздно ночью. Не один раз его грабили на улице, он с кротостью и любовью отдавал все, что имел, и вскоре грабители стали узнавать его и не подходили.

Помимо ежедневных церковных служб, во время которых Владыка Василий обязательно проповедовал, он исповедовал своих многочисленных духовных чад, обходил дома всех нуждающихся в его помощи и слове утешения, посещал монастыри и основанные им кружки, разбросанные по всей епархии.

В дни больших праздников святитель служил в соборе, а с четверга на пятницу — всенощные в Вознесенской церкви. Народ любил эти всенощные, посвященные воспоминанию страстей Господних, и собирался на них во множестве. Особенно их любили рабочие. Многие из них жили в окрестностях города и, отстояв всенощную, только поздно ночью добирались домой, а утром шли на работу. Но так велика была благодатность этих служб, что люди не чувствовали усталости. Владыка сам читал акафист Страстям, и в храме стояла такая тишина, точно в нем не было ни одного человека, и слышно было в самом дальнем конце храма каждое произнесенное слово.

Благодатные проповеди епископа Василия привлекали в храмы все больше людей. Многие после его проповедей совершенно меняли образ жизни. Некоторые, следуя примеру святителя, раздавали имущество нищим, посвящая жизнь служению Господу и ближним.

Свет веры и благодати достиг и неверующих евреев, которые приходили в храм послушать слово о Христе Спасителе.

Власти стали выражать все большее беспокойство, однако повод для ареста святителя не находился. Тогда стали подсылать в храм людей, которые во время проповеди должны были задавать ему искусительные вопросы, чтобы привести Владыку в замешательство.

Святитель Василий знал, что такие люди есть в храме, и заранее отвечал на многие их вопросы. Обличаемые совестью, понимая всю невыгодность своего положения, они покидали храм, ничего не спросив.

Как истинный пастырь, Владыка Василий оберегал свою паству от всякого рода заблуждений. Если узнавал, что кто-то из его духовных чад мыслит неправо, то спешил этого человека посетить.

Неподалеку от Вичуги жила в те годы болящая старица Марфа Лаврентьевна Смирнова. С детства ведя богоугодную жизнь, последние 22 года она пролежала недвижно, непрестанно воссылая благодарение Богу. Господь дал ей дар рассуждения, которым и пользовались многие.

Владыка отправился пешком в Вичугу, по пути обходя дома своих духовных чад. Лишь к вечеру он добрался до дома старицы. Ее келья была полна народу, и епископ попросил всех выйти. Оставшись с Марфой Лаврентьевной и ее келейницей, святитель произнес: «Я хочу испытать тебя: в прелести ты или нет. Мне стало известно, что тебя посещают некие люди из Иванова, которые тебя по всему городу прославляют как святую, а меж тем они — неправославные. Если ты будешь продолжать общение с ними, то я исключу тебя из своего кружка».

Без колебаний согласилась старица прекратить общение с еретиками.

У одной из духовных чад святителя — Евдокии — в полночь сама собой перед образом стала зажигаться лампада. «Видно, это Господь призывает меня вставать на молитву»,— подумала она, размышляя, принять ли это явление за благодатное или за бесовское. А льстивый дух она сердцем уже ощутила: вот какая я молитвенница, мне и лампаду Сам Господь зажигает.

Чтобы испытать это явление, она пригласила на следующую ночь свою знакомую. Но и в ее присутствии лампада зажглась. Тогда она пригласила переночевать у себя третью свидетельницу. То же самое произошло и в ее присутствии: в полночь лампада сама собою зажглась. Это окончательно уверило Евдокию принять явление за благодатное.

Однако, выслушав ее, Владыка Василий строго сказал: «Нет, это явление не благодатное, а от врага. За то же, что ты приняла его за благодатное, я налагаю на тебя эпитимию — год не приступай к причащению Святых Таин. А лампада больше зажигаться не будет». Действительно, с этого дня лампада не зажигалась.

Летом 1922 года возникло раскольническое церковное течение — обновленчество. Повсюду в стране обновленцы захватывали храмы, изгоняли православных священников и архиереев, которых светские власти подвергали гонениям. В тех приходах, где храм был захвачен обновленцами, епископ Василий благословил священникам не покидать своей паствы, а литургию совершать на сельских площадях. Пример такого служения он подавал сам, и на эти службы сходились сотни и тысячи верующих.

С величайшим благоговением Владыка служил литургию; часто во время совершения проскомидии сослужащие видели, что по его щекам обильно текли слезы. Одному из близких людей он рассказывал, что во время литургии Преждеосвященных Даров, когда хор поет *Ныне силы небесные с нами...* воочию видел предстоящие престолу Небесные Силы в образе белых голубей.

Вскоре после хиротонии епископ Василий познакомился со своим будущим келейником, разделившим с ним впоследствии трудности изгнания и тюремного заключения. Позже, в ссылке, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов; † 1941) говорил о нем: «Много я видел келейников, но такого, как Александр Павлович, не доводилось. Повезло Владыке Василию».

Александр Павлович Чумаков родился в 1892 году в селе Польки Костромской губернии в крестьянской семье. Его мать была глубоко религиозной женщиной, старавшейся с детства привить мальчику любовь к Богу и Церкви. Когда Александр пришел в возраст, она настояла, чтобы тот пошел к старцам в Оптину пустынь и взял у них благословение на последующую жизнь. Когда он отправился в путь, встречавшиеся знакомые осыпáли его градом насмешек, которые смущали его: слыша их, он низко наклонял голову и щеки его покрывались румянцем. Не будь материнского благословения, которое он нарушить не смел, он бы непременно вернулся.

Когда же Александр пришел в Оптину, побывал на службе и услышал оптинское пение, все тягостное настроение прошло. Он сердцем почувствовал, что нашел свое отечество, которое может быть только на небесах. Юноша остался в Оптиной и пробыл здесь послушником два года. Когда началась первая мировая война, Александр был взят на фронт, однако воевать приш-

лось недолго: вскоре он попал в плен, бежал, был пойман, жестоко избит и заключен в тюрьму. Ему удалось бежать опять, но вновь неудачно.

В плену на подневольных работах Александра подстерегали многие искушения, против которых устоял мужественный воин Христов. Совершив удачный побег, он наконец достиг родины. Война к тому времени стала переходить в гражданские смуты, и Чумаков, получив благословение в Оптиной, поступил псаломщиком в храм села Польки.

На архиерейской службе в Решемском монастыре, куда Александр Павлович специально приехал посмотреть на необыкновенного архиерея, он шел рядом с Владыкой Василием, пел вместе с ним и понравился ему. Владыка предложил Чумакову служить псаломщиком в храме Вознесения, тот попросил благословения у святителя, так как духовник самого Александра Павловича, оптинский старец Анатолий, к тому времени скончался.

В 1922 году в Нижнем Поволжье разразился голод, от которого ежедневно умирали тысячи людей. В некоторых случаях власти отправляли осиротевших детей в другие города в детдома. Незадолго перед наступлением Пасхи привезли таких детей и в Кинешму.

Кончался Великий пост, когда епископ Василий узнал об этом. После богослужения он обратился к народу с проповедью, призывая помочь голодающим детям: «Вскоре наступят праздничные дни пасхального торжества. Когда вы придете от праздничной службы и сядете за стол, то вспомните тогда о голодающих детях...»

Многие после этой проповеди взяли сирот в свои семьи. Сам же Владыка снял для детей дом и поселил в нем пять девочек, приставив к ним воспитательницу, благочестивую верующую женщину.

Он часто навещал их, иногда ему приходилось оставаться здесь ночевать, но и тогда не изменял своим правилам: ложился на полу в кухне, подкладывая под голову полено. Аскет и подвижник, святитель был исключительно прост в обращении. Когда он навещал кружки, слух о его приездах распространялся быстро, люди торопились увидеться с ним. А обстановка здесь была самая простая. Пришедшие располагались кто где мог. Владыка часто устраивался на полу и пел духовные песни, аккомпанируя себе на цитре. И столько было простоты и любви в его проповедях, евангельских беседах и пении, что и сам он, казалось, был цевница духовная в руках Божиих. Никому из присутствовавших не хотелось, чтобы беседы эти кончались. Для многих встреча с ним определила всю дальнейшую жизнь.

Вскоре Господь стал открывать окружающим, что не только в проповеди даровал Он Своему рабу благодать, но и молитву его слышит и исполняет. Так, одна девушка попала в затруднительные обстоятельства и, будучи наущаема дьяволом, приняла решение покончить с собой. Добрые люди привели ее к Владыке Василию, которому она обо всем рассказала. Молча выслушал он ее исповедь, а на прощанье благословил и поцеловал в голову. В тот же миг прошла тягостность ее состояния и исчезли мучительные мысли, занимавшие ее уже столько времени.

Однажды к епископу пришли супруги и стали жаловаться, что у них нет детей, прося помолиться за них. По его молитвам вскоре у них родилась дочь.

Одна вдова, имея четверых детей, тяжело заболела. Болезнь стремительно развивалась, и положение сделалось угрожающим. Осознав, что она умирает, вдова призвала к себе архипастыря, чтобы тот напутствовал ее. Владыка Василий пришел. Четверо малых детей окружили мать. Глубокое сострадание и жалость охватили его сердце, и он стал горячо молиться о даровании женщине жизни. Помолившись, он исповедал ее и причастил. И с того часа больная стала быстро поправляться, вскоре выздоровела совершенно. Умерла она в глубокой старости.

Иногда за безнадежно больных родителей приходили просить дети. Однажды в келью Владыки постучала девочка. Он открыл дверь и узнал ее: она была из тех, кто приходил к нему в храм обучаться Закону Божию. Всю дорогу она горько плакала, а когда увидела его, свою последнюю надежду, то расплакалась еще больше. Да и как было не плакать, когда умирал ее горячо любимый отец! Владыка тут же пошел с девочкой к умирающему, которого застал в состоянии агонии. Молился горячо и долго, затем напутствовал умиравшего Святыми Тайнами и, предоставив все остальное воле Божией, ушел. В болезни наступил перелом, и больной вскоре вернулся к жизни.

В селе Велизанец у церковного старосты Василия Панфилова, бывшего духовным сыном Владыки Василия, заболела вся семья. Болезнь затянулась: то наступало улучшение, то становилось хуже, но исцеление не приходило.

Сообщили Владыке, который был в тот момент в Вичуге. На дворе стояло осеннее ненастье. Надвигалась ночь, когда он вышел из города. Далек и тяжел был пеший путь под дождем, в темноте, по грязной дороге. Лишь глубокой ночью епископ достиг дома старосты. Взрослых исповедал, все причастились, и святитель отправился дальше. После его ухода в течение нескольких дней семья поднялась на ноги.

Как многие истинные угодники Божии, епископ Василий имел дар прозорливости. Однажды его попросили рукоположить одного человека во священника. «Подождем»,— ответил Владыка. Человек этот оказался болен и вскоре сошел с ума.

В другой раз к нему пришла женщина и попросила благословить на отъезд. «Нет,— ответил Владыка,— тебе нужно сейчас пособороваться и причаститься». Во время соборования у женщины стал отниматься язык, и вскоре она умерла.

Другая женщина просила Владыку благословить ее вкушать в Великий пост раз в день. «Нет, этого я тебе не благословляю, ешь два раза в день, а то тебя не хватит до Пасхи». Случилось так, что при наступлении дней Великого поста у этой женщины заболели обе снохи, и теперь ей едва хватало сил, чтобы управляться с хозяйством.

Недолго прослужил Владыка на своей кафедре — один год и восемь месяцев. В 1923 году он был арестован и сослан в Зырянский край, где собралось тогда четыре епископа и два митрополита. (Вскоре сюда же приехал келейник Владыки, чтобы добровольно разделить с ним тяготы ссылки.) Один из ссыльных, митрополит Казанский Кирилл, подарил епископу Василию свое архиерейское облачение, которое тот бережно хранил, а перед смертью благословил разрезать его на части и раздать своим духовным чадам как святыню.

Шесть ссыльных архиереев вместе со священнослужителями собирались в небольшой таежной избушке. После службы очередной архиерей произносил проповедь. По

общему мнению, только митрополиту Казанскому Кириллу уступал среди ссыльных епископ Василий Кинешемский в благодатной силе и глубине слова.

19 мая 1925 года ссылка закончилась, и Владыка Василий возвратился в Кинешму. О своем возвращении он известил духовных чад, и те стали приходить к нему, собираясь небольшими группами, в Вознесенскую церковь. Здесь после вечерней службы он исповедовал; до поздней ночи длилась исповедь, много накопилось неразрешенных вопросов...

Ни в отношении службы, ни в отношении исповеди — ни в чем Владыка не изменил своих правил после ссылки.

7 января 1926 года власти, обеспокоенные духовным ростом и укреплением Церкви, потребовали, чтобы епископ покинул город. Чумаков предложил уехать в село Польки, чтобы там переждать тяжелое время. Владыка согласился. Перед отъездом он съездил в Ветлугу и навестил там свою сестру.

За две недели пребывания Владыки у сестры Александр Павлович поставил небольшой домик, подобный тому, в котором жил Владыка в Кинешме. В этом домике был установлен престол и совершались ежедневные уставные богослужения. Служили они с Чумаковым вдвоем, никто из посторонних на их службах не присутствовал, так как рядом был православный храм.

Так почти в полном уединении епископ Кинешемский Василий прожил около полугода, а затем поехал в Саров — последний раз помолиться у мощей преподобного Серафима*. Из Сарова он вернулся к Петрову посту прямо в Кинешму и сразу стал служить в Вознесенской церкви.

Прослужив на своей кафедре несколько месяцев, он получил назначение в город Вязники Владимирской области**. Проповеди, духовная стойкость Владыки стали привлекать к нему в храм множество народа. Власти, устрашившись происходящим на их глазах оживлением церковной жизни, потребовали, чтобы он покинул город. Епископ возвратился в Кинешму и прослужил здесь четыре месяца, но власти вновь настигли его. В июне 1927 года он перебрался в Кострому, где прожил до августа 1928 года, и снова вернулся на Кинешемскую кафедру, а уже через месяц, 28 сентября, был арестован. Полгода Владыка Василий пробыл в тюрьме. Будучи приговорен к трем годам ссылки, поселился в маленькой таежной деревушке в 25 километрах от районного города Таборо́во Екатеринбургской области.

Чумаков и на этот раз разделил с Владыкой трудности ссылки. Вдвоем поставили в домике престол, епископ освятил его, и они ежедневно совершали богослужение.

Жизнь была подобна скитской, с самым суровым уставом: молитва, богослужение, тяжелая работа в лесу. Александр Павлович подрабатывал тем, что ловил рыбу и делал деревянные корытца.

Разговаривали друг с другом Владыка и келейник мало и редко. Иногда наступал час отдыха, и они сидели в лесных затухающих сумерках. Плескались в темноте воды речки. Горел костер, освещая сосредоточенное лицо архиерея, душа которого была погружена в молитву. Все плотнее окружал их лесной мрак, хотелось келейнику поговорить, но, взглянув на Владыку, он не решался его потревожить...

В молитве и работе прошло три года, и уже кончался четвертый. Епископ Василий начал думать о том, чтобы остаться здесь навсегда. Но оказалось, что и ссылку вольно выбрать нельзя. Только он собрался попросить у местных властей разрешения остаться, как те начали требовать его отъезда.

Владыка задумался. Куда же, куда поехать? Какое место выбрать себе местом изгнания? Разоренный Саров... Дивеево... Оптина пустынь. Об Оптиной, о своем пребывании в ней Александр Павлович часто рассказывал Владыке, и тот любил слушать об этой любимой русским народом обители. Любил рассказы о послушаниях, на которых приходилось трудиться Чумакову.

— А что, пекарь Фотий, которому ты помогал в Оптиной, откуда был родом?

— Из Орла.

— Ну вот и хорошо — поедем на родину Фотия.

Там они прожили два года, и в 1935 году их вызвали в НКВД, где потребовали покинуть город.

— А куда ехать? — спросил Владыка Василий.

— Уезжайте в Кинешму.

В последний раз въезжал архипастырь в пределы родной епархии, где им было посеяно столько добрых семян. Разлученный физически с паствой, он никогда не разлучался с нею духовно.

Епископ Василий в последний раз увидел родной город: сразу же по приезде он и его келейник были арестованы.

На этот раз им грозил расстрел, но Господь судил иначе. Школьники, вызванные в суд, чтобы свидетельствовать против Владыки Василия и его келейника, отказались давать показания, сказав, что с подсудимыми не знакомы и видят их в первый раз. Суд приговорил их к пяти годам заключения. Владыка отбывал срок неподалеку от города Рыбинска, в лагере, узники которого строили канал. Александр Павлович был сослан под Мурманск.

Это было время, когда за исповедание христианской веры расстреливались епископы, священники и верующие миряне. Владыка Василий был вызван на допрос.

— Как вы относитесь к Советской власти? — спросили его.

— Как гражданскую власть я ее признаю, но с вмешательством в дела Церкви и с теми неслыханными нестроениями, которые она произвела, согласиться не могу.

По окончании срока заключения в 1940 году Владыка Василий поселился в Рыбинске, но вскоре переехал в Углич, где и наме-

---

* Широко распространено мнение о том, что мощи преподобного Серафима Саровского были изъяты по их вскрытии в 1922 году. Между тем, по весьма достоверным свидетельствам очевидцев (например, монахини Серафимы (Булгаковой) и ряда других), после вскрытия мощей в 1922 году и составления акта об этом они были в целях «антирелигиозной пропаганды» выставлены в соборе на всеобщее обозрение, что, однако, вызвало непрекращающийся приток паломников, приезжавших и приходивших со всех концов России поклониться святым мощам. Окончательное изъятие мощей произошло несколько позже, без всякого акта.— *Авт.*

** Хотя по документам последний титул Владыки Василия — «епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии», мы именуем его епископом Кинешемским, поскольку в Вязниках он прослужил всего полгода, после чего возвратился в Кинешму. Фактически почти все архипастырское служение епископа Василия связано с Кинешмой. Документы, подтверждающие то, что на возвращение на Кинешемскую кафедру было получено одобрение церковных властей, пока не найдены. В силу исключительно тяжелых для Церкви условий того времени такие документы далеко не всегда оформлялись. Часто следовало просто устное распоряжение церковных властей.— *Авт.*

ревался завершить свой земной путь. В 1942 году он получил от ярославского архиерея предложение занять кафедру, но отказался от этого предложения, сославшись на старость.

Спустя три месяца Владыку Василия опять арестовали и поместили в ярославскую тюрьму, а затем в Бутырскую в Москве, где он провел восемь месяцев и был приговорен к пяти годам ссылки в Красноярский край, село Бирилюссы. Глухое, заброшенное среди бескрайних лесов сибирское село. Молодежь была развращена безбожием и ожесточена войной. От происходящей кругом жестокости даже малые дети дичали. Долго епископ не мог найти себе подходящей квартиры и наконец поселился в доме вдовы, имевшей троих малолетних детей, которые насмехались над ним.

Вскоре Господь даровал некоторое облегчение: верующие женщины нашли Владыке другую квартиру, хозяйка которой была одинокой, у нее жила в это время ссыльная монахиня.

Подвижнические труды, годы заключения и ссылок подорвали здоровье святителя, он начал серьезно болеть. В Бирилюссах с ним случился частичный паралич — ему стало трудно передвигаться и требовался уход.

В 1945 году, поздравляя с Пасхой, он писал одной из своих духовных дочерей: «Дорогое мое дитя! Еще раз поздравляю тебя с праздником. Воистину Христос воскресе!.. Пасху встретил очень хорошо. Господь благословил всеми благами, все твои желания исполнились. Слава Создателю за Его милости и щедроты. ...Дитя мое! Не расстраивайся очень, все в воле Божией, я уже достиг предела человеческой жизни — семидесяти лет, и дальнейшая жизнь представляет для меня мало интереса. Несомненно одно, что пять лет в бирилюсских условиях мне не выдержать. Смерть не страшна. Хотелось бы умереть в кругу духовных детей и родных и со всеми поговорить и благословить. По крайней мере иметь возле себя близкого человека, которому можно было бы доверить свое завещание и похоронные распоряжения. Увы! Ни одной души нет. Тягостно это — полное одиночество. Лечусь, принимаю йод, но самое главное драгоценное лекарство получил в Великий Четверг. Благодарю Творца за все радости и утешение. Душит кашель, трудно дышать, больше лежу. Но и слишком много лежать не годится. Как бы то ни было, полная неподвижность облегчает дыхание, можно вздохнуть полной грудью.

...Прощай, дитя мое! Устаю писать, не унывай. Будь здорова. Доверься вполне воле Божией. Склони голову и скажи: да будет воля Твоя. Помолись. В детскую молитву я верю, она мне часто помогает. В молитве найдешь утешение. Желаю здоровья, долгой счастливой жизни.

Искренне любящий епископ Василий Кинешемский. Деткам привет и наилучшие пожелания. У всех прошу прощения и земно кланяюсь».

Весной 1947 года Владыка написал письмо Александру Павловичу, приглашая его приехать. Тот в ответ писал, что приедет, когда кончится сенокос, но, приехав, не застал Владыку Василия в живых.

11 августа 1947 года епископ Кинешемский Василий попросил жившую у хозяйки монахиню прочитать канон на исход души. Прочитав канон, она начала читать последнюю молитву. Владыка внимательно слушал чтение и, когда молитва была закончена, сам твердым голосом произнес *аминь* и тихо почил.

Когда весть о его смерти дошла до духовных чад, то по общему согласию его заочно отпел духовный сын святителя иеромонах Лухского монастыря Венедикт, живший в те годы под Кинешмой.

Из духовного наследия епископа Василия сохранились проповеди, но в наибольшей полноте — «Беседы на Евангелие от Марка», в которых явственно слышится глас великого проповедника, обращавшего сердца тысяч людей ко Христу.

Иеромонах ДАМАСКИН,
Ивановская епархия

Оптинский старец Варсонофий

Люди шли к старцу Варсонофию за советом и исцелением. В келье подвижник смиренно приветствовал приходивших к нему: «Веруйте, что на пользу говорю вам то, что для вас потребно. Вот приходят ко мне с верой, и я сам удивляюсь, откуда что берется, вспоминаю прочитанное и слышанное и говорю на пользу по вере вопиющих. А бывает так, что приходят просто из любопытства или вообще не имея цели пользы душевной, и тогда я положительно ничего не могу сказать, кроме «молись!» — и больше ничего».

Многим прихожанам помог отец Варсонофий, исцеляя болезни, прозревая души падших и направляя их на путь спасения, изгоняя бесов. Сохранились свидетельства о том, как батюшку видели озаренного светом во время молитвы и как бы в пламени во время совершения литургии.

Вот, например, рассказ, записанный со слов шамординской монахини Александры: «Однажды я присутствовала при служении отцом Варсонофием литургии... Батюшка был просветлен ярким светом. Он сам был как бы средоточием этого огня и испускал лучи. Лучом исходившего от него света было озарено лицо служившего с ним диакона».

Игумен Иннокентий (Павлов), на себе ощутивший силу прозорливости старца, писал в своих воспоминаниях: «Я онемел от ужаса, видя перед собой не человека, а Ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл... Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: «Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить».

Некоторые случаи прозорливости старца Варсонофия были описаны сестрой отца Василия Шустина Марией Васильевной Шустиной. Одно из предсказаний касалось их сестры Ани. Пророческими для девятилетней девочки оказались процитированные батюшкой стихи: «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда, хлопотливо не свивает долголетнего гнезда», а также рассказ о том, как старец Амвросий сказал одной из молодых прихожанок, обратившейся к нему за благословением на брак, что к ней явится

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1991, № 6, 7, 9.

в пасхальную ночь жених более прекрасный. (Эта девушка неожиданно умерла, как и предрекал старец, в пасхальную ночь, а ее мать передала последние слова умирающей: «Вот мой прекрасный жених!») Аня Шустина умерла в 19 лет во время гражданской войны от брюшного тифа, приобщившись перед смертью Святых Христовых Таин.

Случалось, что свидетелями прозорливости отца Варсонофия становились простые прихожане. Во время исповеди батюшка подробно излагал факты их жизни, часто называя даже такие грехи, о которых сам исповедывающийся не помнил, хотел скрыть или просто не считал их за грех. Такой урок твердо усваивался на всю жизнь. По воспоминанию игумена Иннокентия (Павлова), после исповеди у старца «летишь как на крыльях от радости и утешения».

Случайная мимолетная встреча со старцем могла порой полностью изменить всю жизнь человека.

Одна из таких встреч произошла в Москве в 1905 году. В трамвае ехала девушка и читала книгу. Находившийся рядом старец посоветовал читать книгу священника Хитрова, с которым она к тому же была знакома, но не подозревала, что тот пишет. И на заданный в шутку вопрос, уж не посоветует ли он ей идти в монастырь, батюшка ответил утвердительно. Эта встреча изменила всю жизнь девушки. Она прочла все книги священника Хитрова и много других, сделала большой вклад в один из монастырей, где потом стала рясофорной послушницей. Приехав в Оптину пустынь, молодая монахиня узнала в одном из монахов говорившего с ней в трамвае старца Варсонофия. Этот случай записан со слов самого отца Варсонофия женой С. А. Нилуса. А закончил свой рассказ старец словами преподобного Серафима, обращенными к иеромонаху Надивской пустыни Тимону: «Сей, отче Тимоне, пшеницу слова Божия, сей и на камени, и на песце, и при дорозе, и на тучной земле, все где-нибудь и прозябнет семя-то во славу Божию».

Духовность старца проявлялась в даре рассуждения. Сам отец Варсонофий так говорил об этом: «Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее. Да, великая благодать дается старчеству — дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли, и от них не скрыто ничего». Отец Варсонофий писал отцу Василию Шустину: «Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь...»

Многие рассуждения старца Варсонофия, который, по словам Владыки Трифона (Туркестанова; † 1934), «с образованием соединял высоту иноческой жизни», записаны его духовными чадами. Особенно потрудились над их сохранением С. А. Нилус, отец Василий (Шустин), отец Никон (Беляев) и послушница Елена (Шамонина).

Во всех проявлениях жизни батюшка видел глубокий божественный смысл. Господь открыл ему значение и путь совершенствования людей и Ангелов. «Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь, на земле, но главным образом в будущей жизни. На небе все бесплотные блаженные духи все время совершенствуются, подражая низшие высшим. Самые высшие духи — это Серафимы, но и они не видят Бога таким, какой Он есть на самом деле, хотя каждое мгновение с огромной быстротой идет их совершенствование и они подражают Богу, насколько им возможно. А Серафимам уже подражают Херувимы и т. д. Наконец, человек подражает Ангелам. И так, друг другу подражая, все стремятся к совершенству... познавая Бога, но никогда ни познать, ни увидеть Его будут не в состоянии, ибо Господь Бог есть существо беспредельное, а все остальные существа, как сотворенные Богом, ограниченны. Была одна попытка не только сравняться с Богом, но даже встать выше Него, которая окончилась тем, что сей Серафим стал ниже всех и приобрел сразу все отрицательные свойства за свою гордость и дерзость. И вот чем больше здесь живешь, тем все более уверяешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного. И поэтому так ненавидит гордость, что это есть диавольская, сатанинская черта».

Нередко в своих рассуждениях старец предвидел будущее. В «Дневниках» отца Никона (Беляева) встречаются, например, предсказания разорения и запустения храмов. А в записи беседы от 30 декабря 1912 года читаем: «В страшное время мы живем. Людей, исповедующих Иисуса Христа и посещающих храм Божий, подвергают насмешкам и осуждению.

Эти насмешки перейдут в открытое гонение, и не думайте, что это случится через 100 лет: нет, это скоро наступит. Я до этого не доживу, а некоторые из вас это увидят. И начнутся опять пытки и мучения, но благо тем, которые останутся верными Христу, Господу нашему».

По молитвам батюшки Господь не только даровал ему способность прозревать прошлые и будущие времена, рассуждать об устроении мира: благодаря его молитвам многие люди получили исцеление от духовных и физических болезней. Подробно описанное выше чудесное исцеление Павла Ильина проявило еще один дар старца Варсонофия — дар различения духов. Он сказал позже Нилусам, что при исцелении юноши ему пришлось иметь дело с одним из самых трудно изгоняемых бесов — бесом полуденным, о котором говорится в 90-м псалме: *и сряща и беса полуденного.*

Широко известны случаи исцеления болящих подвижниц — княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой и Елены Андреевны Вороновой.

Княжна Мария Михайловна считала себя глубоко православным человеком, ходила в церковь, исповедовалась, причащалась. Отказавшись от светской жизни, она посвятила себя служению Богу и людям, все свои силы отдавая благотворительности. В ее имении была устроена лечебница для сифилитиков, где княжна, преодолевая страх перед болезнью и брезгливость, терпеливо ухаживала за больными, сама обмывала их гнойные раны. Отдав все имущество на благотворительные цели, сама ходила в рубище. Но наряду с подвижнической жизнью Мария Михайловна придерживалась взглядов иргвинизма, то есть секты, отрицавшей веру в угодников Божиих и в Пресвятую Богородицу. Это тяжело переживала ее помощница Елена Андреевна Воронова. Как-то, приехав к старцу, она поведала ему о своих волнениях и прибавила, что, уезжая, оставила княжну тяжело больной и опасалась, что по возвращении не застанет ее в живых. Батюшка вынес икону Божией Матери и велел передать ее в благословение княжне Марии Михайловне, сказав, что помолился перед этой иконой о даровании ей душевного и телесного здравия. Вернувшись, Елена Андреевна узнала, что в час молитвы отца Варсонофия княжне сделалось лучше. Скоро она окончательно выздоровела.

В другой раз и сама Елена Андреевна получила исцеление по молитвам старца. Искупавшись по его благословению в источнике преподобного Тихона в морозный зимний день, она не только избавилась от сильнейшего плеврита, но и вернула почти утерянное зрение.

Враг рода человеческого не дремал, поэтому не только любовь и уважение окружали старца. Вскоре в монастыре

возникла смута, глубоко опечалившая батюшку, изменившая весь ход упорядоченной монастырской жизни и послужившая причиной для перевода отца Варсонофия в Голутвин монастырь.

Неприязнь некоторой части братии к отцу Варсонофию объяснялась тем, что духовные чада отца Иосифа почувствовали себя обиженными при назначении старца Варсонофия скитоначальником и игуменом, после того как состарившийся и ослабевший отец Иосиф был по его собственному прошению уволен на покой. Они считали отца Варсонофия пришлым, чужим.

При создавшемся положении со многими из старшей братии у него сложились лишь официальные отношения.

Между тем порядок в скиту, нарушившийся было в последние годы управления отца Иосифа, восстановился. Батюшка Варсонофий умел соединить строгость и любовь, не допускал послаблений. Многим из братии пошло на пользу его руководство.

Общение между духовными детьми старцев Иосифа и Варсонофия до некоторого времени было весьма натянутым. У коренных оптинцев побеждал дух смирения. К тому же оптинские духовники — отец Анатолий (Потапов), отец Феодосий и отец Нектарий делали все возможное для поддержания мира.

Между тем некоторым монахам не было дела ни до отца Иосифа, ни до отца Варсонофия, они стремились просто устранить монастырскую власть и самим захватить высшие должности. Зачинщиками бунта в Оптиной пустыни стали иеромонах Патрикий и монах Георгий.

Отец Варсонофий, приглашенный настоятелем архимандритом Ксенофонтом, умиротворил братию и добился удаления из монастыря зачинщиков бунта.

Последние подали в Синод жалобу и одновременно донос на отца Ксенофонта, будто бы он неправильно ведет хозяйство скита. Из-за интриг некоторых мирских лиц жалоба и донос нашли в Синоде благоприятную почву, в результате чего была назначена ревизия. Для расследования был послан епископ Серафим (Чичагов; † 1937). Основной гнев Владыки пришелся на настоятеля и скитоначальника. Он собрал братию и поставил вопрос о принятии обратно удаленных за бунт монахов. Хотя архимандрит Ксенофонт соглашался их принять с условием покаяться, отец Варсонофий возражал, говоря, что не поверит их покаянию.

К сожалению, наиболее авторитетные иеромонахи Анатолий, Нектарий и Феодосий отсутствовали, а большинство других, видя, что прием бунтовщиков желателен епископу, вели себя уклончиво. В результате смутьяны были приняты и один из них назначен казначеем.

После этого порядок в Оптиной пустыни был нарушен, а старец Варсонофий назначен настоятелем Старо-Голутвинского монастыря. Мирянам, жившим вокруг обители, было предложено выехать, пребывание богомольцев было ограничено десятью днями. Был даже поднят вопрос о закрытии скита и об упразднении в Оптиной пустыни старчества. К счастью, это не было исполнено.

При расставании с батюшкой было много слез. Почти каждому он кланялся в ноги. Вскоре епископ Трифон возвел его в сан архимандрита. Живя в Москве, старец посетил все святыни города. Отец Василий Шустин вспоминал, как стойко и смиренно принял батюшка обрушившуюся на него беду.

Пробыв в Москве несколько дней, отец Варсонофий в сопровождении отца Василия Шустина отбыл в Коломну, в Голутвин монастырь. Подъезжая к монастырю, батюшка произнес: «Вот здесь мое место упокоения, мне недолго осталось жить, так как приходится нести последние испытания. Исполняется последняя заповедь блаженства: *Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради* (Мф. 3, 11). Но, несмотря на иссякающие силы, старец до последних дней оставался деятельным и ревностным подвижником.

Батюшка скоро снискал любовь монахов и прихожан. С его прибытием весь дух монастыря преобразился. Иногда по вечерам, как это бывало и в Оптиной пустыни, в его келье собирались люди для духовных бесед. Эти беседы оставили неизгладимый след в душах монахов и мирян, приезжавших в монастырь.

Однако силы и здоровье батюшки таяли. Кое-как перемогался он весь 1912 год, но с начала 1913 года начал быстро слабеть. Сильно сказывалась тоска по Оптиной. Но, несмотря на слабость и болезни, батюшка продолжал активно заниматься монастырскими делами. Кроме того, он вел обширную переписку с духовными детьми, а с обеда до позднего вечера принимал людей, ехавших к нему со всех концов России. В феврале 1913 года батюшка отправился в Москву по делам обители, но, почувствовав себя очень плохо, поспешил вернуться в Голутвин. По возвращении он слег, 15 февраля исповедался, приобщился Святых Таин и выразил желание собороваться. Окружающие опасались за его жизнь, но батюшка оправился от болезни и 21 февраля даже совершил торжественное богослужение в коломенском кафедральном соборе по случаю празднования 300-летия царствования дома Романовых.

9 марта во время всенощного бдения он почувствовал себя плохо и в церковь не пошел. До 13 марта батюшка принимал народ. В 12 часов ночи этого дня он, по обычаю, собирался служить утреню, но болезнь внезапно обострилась, и был приглашен духовник. С этого дня и до самой кончины старец ежедневно приобщался Святых Таин и не принимал никакой пищи.

После того как батюшка наотрез отказался от лечения, к нему были допущены духовные дети и монастырская братия для прощания. Всех их он благословлял образками. 17 марта старец написал духовное завещание, а 22 марта — прошение митрополиту Московскому Макарию, в котором просил уволить его с должности настоятеля Старо-Голутвина монастыря и переместить в число братии скита Оптиной пустыни.

Батюшка описывал свое служение и заканчивал письмо словами: «Целый год нес я непосильный мне крест, ныне же изнемог до конца. Лежу на одре, может быть уже смертном... весь разбитый сокрушившими меня лютыми недугами, и в великой скорби умоляю Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать перед Святейшим Правительствующим Синодом...» — до последних дней старец не терял надежды вновь увидеть Оптину. Положение ухудшалось с каждым часом, но даже в сильных страданиях он не забывал своих духовных чад.

Кончался март. Истекали 365 дней после ухода из Оптиной пустыни — по истечении именно этого срока должна была произойти кончина старца по пророчеству блаженной Параскевы Саровской. 31 марта в 11 часов ночи в третий раз прочли отходную. Дыхание батюшки становилось прерывистым. Его беспокоило, понимают ли его слушавшие. Старец говорил о рае. Наступило 1 апреля 1913 года.

К 6 утра он умолк, по-прежнему находясь в сознании, а через час предал душу Господу. Тело старца облачили в схиму, в которой он тайно пребывал с 1910 года и в которой завещал себя похоронить.

Все подробности похорон отца Варсонофия описаны его духовной дочерью послушницей Еленой Шамониной в одном из частных писем, в котором она пишет, что в Голутвин монастырь проститься с горячо любимым духов-

ным отцом приехало множество людей. Кого только тут не было? И монашенки отовсюду, и молодые девушки, и пожилые дамы, и военные, и штатские, и духовные лица, и много местных крестьян, и очень много детей, помнивших батюшку... Кто плачет, кто кланяется и прикладывается к батюшке, кто несет купленные в лавочке четки, пояски, образочки, просит дежурившего у гроба монаха приложить эти вещи к руке батюшки и принимает вновь как его благословение. Многие пожелали сопровождать тело старца до Оптиной.

Почти непрерывно при гробе служились панихиды. После обедни и отпевания гроб крестным ходом до поезда, отправлявшегося в Козельск через Москву, понесли несколько мирян. В Москве, по словам очевидца, «целый день на платформе сменялась публика: мужчины, дамы, молодежь, монахи, лица духовные, облачившиеся и служившие литии и панихиды... Ярко горят у гроба принесенные молящимися свечи, белеет крест из цветов, колышатся хоругви, все вместе напоминая скорее какое-то торжество, все мы словно у святыни какой служим, а не просто покойнику последний долг отдаем».

По прибытии в Козельск «гроб поставили на дроги и пустились в последний переезд. В поле до Козельска останавливались несколько раз для литии, а когда въехали в город, так одну площадь переезжали прямо чуть ли не полчаса: люди, в том числе козельские нищие, непрерывно заказывали новые». Едва паром с телом батюшки причалил к берегу близ Оптиной, как «с берега ринулись скитяне, подняли гроб, приняли иконы и хоругви, сопровождавшие тело из Голутвина, и отправились в летний Введенский собор, где и служилась панихида, вечером — заутренняя всенощная, а на другой день, то есть во вторник Страстной, после обедни — последняя соборная панихида. За обедней прочтены были от оптинцев прощальное слово и выдержка из его завещания... Затем вынесли гроб и обнесли его вокруг церкви, добрались до могилы, вырытой рядом с могилой старца отца Анатолия, наставника батюшки. Могила внутри выложена изразцами, над гробом доска, потом свод из кирпичей... и потом уже земля. Поставлен высокий белый крест, в который вделан маленький образок Успения Божией Матери, перед ним — фонарик-лампадка и надпись на кресте: «Архимандрит Варсонофий скончался 1 апреля 1913 года».

* * *

Ныне после семидесяти лет запустения восстанавливается Козельская Введенская Оптина пустынь. Характерной особенностью этой обители в годы ее расцвета было старчество. От одного старца к другому передавалась здесь старческая благодатная преемственность. Об одних старцах составлены пространные жизнеописания, изданы собрания их писем. О других мы узнаем только сейчас. По разным причинам имя выдающегося оптинского скитоначальника архимандрита Варсонофия долгое время находилось в тени. В данной небольшой работе сделана первая попытка на основании имеющихся материалов составить краткую биографию этого замечательного духоносного мужа. Хотелось бы, чтобы данная работа стала первым шагом в составлении полного жизнеописания оптинского старца и скитоначальника архимандрита Варсонофия (Плеханкова).

ЛИТЕРАТУРА

1. Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. № 7. Джорданвилль, 1970.
2. Протоиерей Сергий Четвериков. Оптина пустынь. Париж, ИМКА-пресс, 1926.
3. Беседы Оптинского старца архимандрита Варсонофия. Машинопись.
4. Дневник игумена Никона (Беляева). Машинопись.
5. Келейные записки старца Варсонофия. 1892—1896. Машинопись.
6. Павлович Н. А. Воспоминания об оптинском старце Нектарии. Машинопись.
7. Венок на могилу батюшки. К сороковому дню кончины архимандрита Варсонофия. М., 1913.
8. Воспоминания о старце Варсонофии инокини Елены (Шамониной). Машинопись.

Священник Александр МАРЧЕНКОВ

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Выпускной акт в Московских Духовных школах

Патриаршее послание Московским Духовным школам

Ваше Высокопреосвященство, глубокочтимые преподаватели, наставники, учащиеся и выпускники Московских Духовных школ!

Для вас наступил благословенный день и волнующий момент: из стен Духовной Академии, Семинарии и регентской школы выходят на церковное делание выпускники 1990/91 учебного года. Разделяя с вами радость настоящего торжества, я с любовью приветствую вас с окончанием учебного года, а выпускников с завершением периода обучения в Духовных школах. На его протяжении взрастившие вас школы стремились делать все, чтобы предоставить вас Церкви исполненными разума и благочестия, чтобы привить вам предельно честное отношение к жизни, ее смыслу, ее подлинным целям и ценностям. И вот теперь эти школы, посылающие вас на великое благодатное служение, с надеждой взирают на вас, ожидая от вас достойного оправдания того призвания, которое возросло в ваших сердцах благодатию Великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Вы призываетесь к пастырскому служению в судьбоносное для нашего народа время. Причастность к судьбам Церкви и Отечества, к родной истории, к богатому народному духовному, культурному, национальному достоянию, а также к общехристианским и общечеловеческим ценностям особенно остро должна ощущаться нами сегодня, когда самим ходом исторического развития Церковь промыслительно включилась

Шествие на молебен в Троицкий собор Лавры

в процесс нравственного обновления и преображения жизни. Ваше пастырское делание должно быть подчинено главной и всеобъемлющей цели — исполнению высоких и неизменных Божественных предназначений о служении человеку независимо от его положения и мировоззрения, от его взглядов и убеждений. Помочь современному человеку обрести смысл жизни, ее нравственные и духовные основы, согреть его своим пастырским сердцем, носить в себе его боль и страдание, вселить в него радость и надежду — вот что чаще всего ждет от Церкви и от ее пастырей современный человек с утраченными идеалами и несбывшимися надеждами. *Будьте всем для всех* (1 Кор. 9, 22), носите немощи немощных, престарелых, одиноких, больных, обездоленных. Излучайте для всех радость, свет и тепло.

Пусть вдохновляют вас в вашем служении подвиги служения Святой Церкви и родному Отечеству славного сонма пастырей Русской Православной Церкви, явивших в 1000-летний период церковной истории незабываемые примеры пастырской жертвенности и любви к своему народу.

Дорожите высотой и ответственностью священного сана и возложенного на вас церковного служения, строго держитесь правил и установлений Святой Церкви; на всех путях открывающейся перед вами новой жизни никогда не изменяйте тем нравственным принципам, которые сформировались у вас в процессе высшего духовного становления.

С молитвенной надеждой на водительство в вашей жизни Божественной благодати и с пожеланием, чтобы *Дух Божий наставил вас на землю праву* (Пс. 142, 10), призываю на вас, выпускники Академии, Семинарии и Регентской школы, и на ваши предстоящие труды благословение Господне.

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

14 июня 1991 года

* * *

В этом году выпускной акт в Московских Духовных школах состоялся 14 июня, в день памяти Иустина Философа. Божественную литургию в Покровском академическом храме совершил ректор Академии архиепископ Дмитровский Александр в сослужении наставников и выпускников в священном сане.

Перед благодарственным молебном Владыка ректор поздравил выпускников с успешным окончанием учебного курса и напутствовал на пастырское делание, которое в наше время приобретает особое значение и масштабы.

После литургии учащие и выпускники направились в Троицкий собор к Преподобному Сергию — *скорому помощнику и молитвеннику о душах наших*, чтобы совершить благодарственный молебен и испросить у святого благословения. По окончании молебна наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Феогност, обращаясь к выпускникам, в частности, сказал:

— Экзамен бывает каждый день, и не случайно после вечерних молитв каждому христианину предлагается вспомнить, что сегодня делал, с кем беседовал, ибо каждый день — это целая жизнь и каждый день мы должны подводить итог своей жизни. Вы в течение многих лет учились здесь и ныне закончили учебу. Это не значит, что вас уже никто не будет экзаменовать. Каждая ваша беседа, каждая ваша проповедь будет вам экзаменом. Сумма знаний сама по себе ничего не значит. Она не приближает человека к Богу и не отдаляет его от Него. Мы вспоминаем святых отцов, которые были неграмотны. Они были неграмотны интеллектуально, но они были грамотны духовно. Дух может подменить знания, но знания никогда не смогут заменить дух.

И вот теперь, покидая Духовные школы, каждый из вас отправляется на приходы в разные концы нашей страны к людям, которые сейчас жаждут слова Божия. Если они увидят превозносящегося своими знаниями пастыря, вряд ли они пойдут за ним. Они пойдут за тем, кто искренне верит в то, что говорит. Нужно всегда помнить о том, что пастырю дается благодать Божия. Молитвами святых отец наших и с помощью Божиею мы можем быть достойными служителями Святой Церкви. В этом смысл нашей жизни, и другого быть не может. Апостол Павел сказал: *Если даже Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 8), ибо нет ничего другого под солнцем, что открыто нам. И это вы должны нести тем людям, которые ждут нашего слова.

После молебна у памятника почившим наставникам была совершена лития.

В Большом актовом зале торжественное собрание открыл ректор архиепископ Александр. Он огласил Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II выпускникам (публикуется выше).

Доклад об итогах учебного года сделал проректор профессор М. С. Иванов.

Со словами благодарности выступили от выпускников Академии Алексей Крикунов, Семинарии — Андрей Михайлов, сектора заочного обучения — иеромонах Иларион (Алфеев),

---

Поправка: в ЖМП, 1991, № 8, с. 18, первый столбец, строки 21—23 сверху следует читать: «Новгородский и Старорусский Лев и Подольский Виктор».

Регентской школы — Татьяна Дикая. От Грузинской Православной Церкви выступил выпускник Академии Ромаз Георгадзе.

С приветствиями выступили прибывшие на выпускной акт почетные гости: ректор Московского государственного университета академик А. А. Логунов, народный депутат Верховного Совета СССР А. Н. Крутов и председатель Загорского городского Совета Н. С. Демин.

Заключительное слово произнес ректор архиепископ Александр.

— Следуя своему призванию и долгу,— сказал он,— Московские Духовные школы всегда стремились свято и неуклонно выполнять возложенное на них высокое служение и ревностно трудились над богословским и духовным образованием многих поколений пастырей и служителей Русской Православной Церкви.

В этот светлый праздничный день, когда Московские Духовные школы совершают свой очередной выпуск, на стезю церковного и пастырского служения выходит новый сонм пастырей-богословов и руководителей церковных хоров, которых в многочисленных градах и весях нашего Отечества ожидает наш простой и благочестивый народ...

Теперь, когда годы пребывания в Духовной школе уже позади и когда вы усвоили все, что способны были усвоить, вам надлежит ответить на зов Церкви и времени, явить свое соответствие запросам текущего исторического момента, глубоко и бесповоротно уяснить, что требует от вас ваше церковное и пастырское призвание. На ваше подлинное место в жизни укажет вам ваша чистая и беспристрастная совесть, оценивающая все явления, все, что происходит, и все, что случается, с точки зрения веры, Промысла Божиего и вечного нравственного закона. Вам важно помнить только одно. Огромное поле нетронутых евангельским благовестием и понятиями справедливости, любви и добра глубинных слоев народной жизни ждет вас как вестников вечной Божественной истины и проводников спасительной благодати. Предстоящее ваше служение должно стать надежной гарантией приведения людей к свету Божественного познания, утверждения добра в личной и общественной жизни, обновления человеческих отношений на основе нравственных принципов христианства и, наконец, приобщения всего богоспасаемого народа к сверхъестественной Божественной благодати.

Но входить в этот духовно непреображенный мир, вступать на это невозделанное поле подобает с крестным знамением в сердце и с Иисусовой молитвой, творимой в уме. Нужно почувствовать и понять всю проблематику неверия ничего не ищущего духа и всю безысходность вольного заблуждения и невольного неведения и ответить на это пастырской любовью и богословским исповеданием. Все, чего достигли вы здесь, в Духовной школе, нужно теперь творчески осмыслить, явить, осуществить и воплотить в реальную жизнь.

На дальнейший ваш жизненный путь, на новые труды ваши, на все, что относится к области пастырского и духовного подвига, веры и благочестия, богословского знания и церковного управления, мы призываем благословение Божие.

Владыка ректор вручил выпускникам Академии и Семинарии и выпускникам Регентской школы дипломы о богословском и церковно-музыкальном образовании, а также памятные книги.

В честь выпускников и почетных гостей состоялся концерт духовной музыки академического хора под управлением профессора архимандрита Матфея (Мормыль).

Торжественный акт закончился пением *Достойно есть*.

Юлия ЖИЛЬЦОВА

Общий снимок выпускников и преподавателей возле Сергиевской трапезной церкви

Рекомендации по сохранению и реставрации храмовой живописи

В предыдущих номерах журнала мы предложили некоторые рекомендации по ремонту конструктивной основы церковных зданий. Возвращаться к этим вопросам будем и в дальнейшем. В этой публикации мы хотели бы привлечь внимание читателей к фресковой и масляной живописи, барельефам, скульптурам, сохранившимся в возвращенных Церкви помещениях. Их реставрацию должны проводить только опытные специалисты: непрофессиональное вмешательство может привести к необратимым процессам, поэтому мы хотели бы дать некоторые общие советы по сбережению настенной живописи.

Очищая стены, мыльную воду можно применять только в крайних случаях: лучше пользоваться просто теплой водой. Необходимо соблюдать следующие правила: во-первых, красочный слой промывать ватным тампоном, слегка смоченным водой; во-вторых, промывку вести по возможности быстро; в-третьих, чаще вытирать с изображения влагу сухой ватой. Это делается для того, чтобы вода не скапливалась и не успевала просочиться вглубь через малозаметные трещинки, что может отрицательно повлиять на прочность грунта и красочного слоя, повлечь ослабление силы их сцепления.

Если при промывке применяют мыльную воду, то после этого мыло удаляют ватой, смоченной простой водой, и насухо вытирают. Однако следует иметь в виду, что частое употребление даже простой воды способно привести к растворению лака, поэтому предпочтительнее пользоваться при протирке свежим срезом чеснока, что способствует не только очистке, но и укреплению живописи.

Бич настенной живописи — кристаллизация водорастворимых солей в верхних слоях штукатурного грунта. Эти соли в том или ином количестве всегда присутствуют в строительных метериалах и в самом штукатурном грунте росписей. При промокании или обильном увлажнении стен соли выносятся на поверхность и при испарении воды кристаллизуются. В зависимости от солей, степени намокания стен и времени их просушки кристаллизация принимает различные формы. Так, обильный вынос солей при протечках сводов или сильном намоканий стен с последующей быстрой просушкой поверхностного слоя штукатурки, как правило, приводит к образованию кристаллов, напоминающих снежные хлопья («пушистая ямчуга»). При образовании между красочным и штукатурным слоями этих пушистых кристаллов красочная пленка под их тяжестью отрывается и осыпается.

При медленном, но постоянном подсосе грунтовых вод соли выносятся малыми порциями. Вода сразу испаряется, а соли кристаллизуются в виде мутной стекловидной пленки («стекловидная ямчуга»). По мере выхода новых порций солей происходит медленное, но постоянное наращивание и уплотнение этой пленки, все более и более скрывающей живопись. Помимо солей, содержащихся в кладке, грунтовые воды несут и соли из грунта.

Так же протекает процесс кристаллизации солей при увлажнении стен в результате выпадения конденсата. Конденсационная влага увлажняет стены не на всю глубину и при частых перепадах температуры и атмосферного давления мигрирует с поверхности в глубину стены и обратно. Соли при каждом таком цикле выносятся в небольшом количестве и после испарения воды кристаллизуются. Процесс наращивания стекловидной пленки и ее помутнения протекает медленно и не сразу бывает заметен, но постепенно живопись словно заволакивается туманом.

Во всех случаях значительная часть солей не выходит на поверхность красочного слоя, а скапливается и кристаллизуется в слоях штукатурного грунта или под красочным слоем, особенно если этот слой очень плотный, не имеющий открытых пор. В штукатурке создаются плотные образования, разрушающие ее и отрывающие красочный слой. В грунте появляются микротрещины, нарушается сцепление его частиц.

При реставрации живописи необходимо удалять скопления солей, искажающие ее цвет и тональность, не только с поверхности, но и из-под красочного слоя и из слоев штукатурки. Это возможно только путем «вытягивания» насыщенной солями влаги через микропоры в красочном слое или путем вымывания их через участки утраченной живописи. В зависимости от конкретных условий специалисты изыскивают оптимальные способы.

Часто приходится иметь дело с памятниками, в которых идет естественная просушка кирпичной или каменной кладки, сопровождающаяся обильным выходом солей. После мероприятий, обеспечивающих защиту стены от попадания новых потоков воды, необходимо провести длительную многолетнюю естественную просушку сильно увлажненной кладки. При этом неизбежно усиление кристаллизации солей на поверхности живописи и в штукатурке. В этом случае следует обеспечить постоянное вытягивание солей, выносимых из кладки.

Для предотвращения разрушений живописи на ее поверхность наносят временный пористый слой, легко вбирающий в себя влагу с солями. Для этого пригоден распространенный в реставрационной практике метод наложения бумажной пульпы, однако он не всегда может быть использован, так как пульпу нужно постоянно увлажнять и периодически менять.

Существует и другой способ вытягивания солей. На увлажненный и засоленный участок стены наносится «песчаный пластырь». Хорошо промытый и просеянный речной песок, смешанный с очень небольшим количеством каолина (приблизительно одна часть на восемь—десять частей песка), добавляемого для связи, осторожно накладывается слоем 4—6 мм на поверхность живописи. Процесс вытягивания солей может длиться от одного года до нескольких лет. За это время поверхность песчаного слоя должна сильно помутнеть от солей.

На слабом красочном слое, под которым идет отложение «пушистой ямчуги», этот способ неприменим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тютюнник В. В. Материалы и техника живописи. М., 1962.

2. Реставрация памятников истории и культуры. Вып. 7. М.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1987.

Г. ВОЛХОВСКИЙ,
архитектор-реставратор

Памяти Преподобного Сергия Радонежского

О священная главо, преподобне отче, преблаженне Авво Сергие Великий, не забуди убогих своих до конца, но поминай нас в своих благоприятных молитвах к Богу...— так в этот день вся Русская Православная Церковь молитвенно просит Преподобного Сергия ходатайствовать о нас пред престолом Господним. Обращаясь к этому великому чудотворцу земли нашей и угоднику Божию, мы называем его Преподобным отцом.

Что означает слово «преподобный»? Прежде всего «подобный» кому-либо или чему-либо. Например, если хотят увековечить память о великом человеке, то заказывают скульптуру или мраморный памятник для того, чтобы изваяние зрительно воспроизводило облик почившего. Эту статую можно назвать подобной ему. Но если другой, более искусный скульптор еще реальнее отразит те или иные черты, во внешнем сумеет отразить внутреннее, то новая работа будет превосходить прежнюю подобием оригиналу, ее можно назвать «преподобной» первой.

В церковном понимании слово «преподобный» означает человека, подобного Христу по духу в большей степени, чем другие люди, а цель земной жизни христианина — стремиться к богоуподоблению.

При сотворении человека Бог сказал: *Сотворим его по образу и подобию* (Быт. 1, 26). «Поэтому всякий человек в разумной душе своей,— утверждает преподобный Нил Сорский,— имеет образ и способность к уподоблению своему Творцу». Но не всякий в своей жизни стремится к этому уподоблению, хотя всем христианам дана заповедь Христа: *...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Сила греха, довлеющая над человечеством, препятствует многим уподобиться Своему Господу. Люди же, заботящиеся о своем спасении через борьбу с грехом, через богообщение, приближаются к богоуподоблению.

Однако тот, кто хочет уподобить всецело свою жизнь жизни Христа, посвящает себя особому подвигу аскетизма, подвижнического жития. В душе угождающих Господу образ Божий становится подобнейшим Спасителю, и потому их после канонизации Церковь называет «преподобными». Таким и стал Авва Сергий, ибо он, дабы сораспяться внутренне Христу и соделаться подобным Ему, взял на себя крест иночества и, терпеливо неся его, повседневно подвизался в уподоблении Спасителю. В душе его постоянно звучали слова апостола Павла: *Умоляю вас, подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16).

Поэтому митрополит Московский Платон (Левшин; † 1812), воспевая похвалу Радонежскому чудотворцу, говорит: «О вы, коих мысль помрачена и сердце расслаблено! Приидите и посмотрите на угодника Божия Преподобного Сергия! Разве напрасно он столько в подвиге добродетелей трудов употреблял? Разве напрасны были те слезы, тот пот, который он проливал и ими напаял насажденное в душе его Божественное семя? О нет! Вот сколько веков прошло, а имя его все так же любезно в устах наших и память его благословенна».

Действительно, имя святого угодника дорого сердцу всякого русского человека. Эту близость свидетельствуем и мы, молитвенно и благовейно чтя ныне его память в храме Божием.

О чем просим мы сегодня игумена земли Русской?

Просим его помочь нам восстановить в себе померкнувший образ Божественной чистоты, дабы в богодарованной душе нашей вновь воссиял образ Христа Своим невечерним светом. Но одной просьбы мало: нужно самим захотеть сделаться лучше. Объявить войну живущему в нас злу, искоренить в себе всякие страсти и пороки, противостать любому греху, эгоизму и бессердечию, калечащим души, делать дела богоугодные и исполнять заповеди Христовы.

В трудное время даровал Бог Православной Руси этого дивного чудотворца, пламенного молитвенника и патриота. Примером своей святой жизни Преподобный Сергий показал нам, что полюбить Небесное Отечество может лишь тот, кто любит земное Отечество — свою Родину и талант, данный Богом, преумножает для ее блага.

Кому принес славу победителя святой благоверный князь Димитрий Донской после Куликовской битвы, положив начало благоденствию нашего Отечества? Старцу Сергию в простой и убогой одежде, живущему в удалении от мира, но опытному в молитвенном служении другим, собеседнику российских князей, слуге братии и наставнику

земных повелителей, немощному телом, но сильному духом, великому пред Богом и Россией.

Дивный подвижник до конца дней своих не отложил подвигов высокого смирения. Когда Святитель Алексий в преклонные дни жизни своей хотел видеть его своим преемником и хотел возложить на него золотой крест, смиренный старец отказался от архиерейского сана. Воздыхания и слезы, прошения и молитвы старца убедили Святителя Алексия даровать покой его смирению. Так смиренным и смирившимся Господь дарует благодать. Теплотой дерзновенных молитв и бескорыстной любовью Преподобный Сергий и ныне согревает верующие сердца.

Обратимся же, братья и сестры, к Преподобному Сергию и испросим его вознести пламенные молитвы пред Богом, научить нас искренне, нелицемерно любить Господа и ближних, взрастить в себе христианские добродетели, помочь обновить дарованные нам Божий образ и Божие подобие. Аминь.

Архимандрит ИННОКЕНТИЙ,
преподаватель Одесской Духовной Семинарии

Московские святители

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Издревле Святая Православная Церковь торжественно прославляет дивных святителей Московских и всея России чудотворцев Петра, Алексия, Иону, Филиппа и Ермогена. Они управляли Московской кафедрой в самые тяжелые для Руси времена — в годы суровых испытаний, страшного нашествия татаро-монголов, нападения поляков, междоусобиц и смут, но Господь сохранил Святую Церковь, Русскую землю и православный народ по усердным молитвам, великим трудам и подвигам Первосвятителей. Святая Церковь прославляет Московских святителей и особо выделяет эти имена вместе потому, что они творили одно и то же святое дело — проповедовали слово истины в Церкви Христовой и заботились о жизни русского народа.

Ныне в сонме Московских святителей Русская Церковь зрит и первого Патриарха Московского Иова, и Патриарха-исповедника святителя Тихона.

Для них любовь ко Христу сливалась с любовью к людям, а забота о благосостоянии Русской Церкви — с заботой о благосостоянии, мирном житии и процветании нашей Отчизны.

В первые столетия после Крещения Руси, когда Русская Церковь еще нуждалась в опеке древней Греческой Церкви, митрополиты греческого происхождения были очень полезны. Однако со временем русскому человеку все сильнее хотелось видеть во главе Церкви своего русского человека, который хорошо знал бы нужды Церкви и народа и мог бы быть мудрым советником для великих князей.

После смерти Владимирского Митрополита-грека Максима Константинопольский Патриарх, согласившись на просьбу русских, поставил в митрополиты игумена Ратского Петра († 1326; память 21 декабря), много трудов положившего для благоустроения Христовой Церкви и Русского государства.

Святитель Петр известен в истории Русской Церкви как кроткий, незлобивый, мудрый, с любовью относившийся к людям. Он помогал Московскому князю Иоанну Калите объединять отдельные княжества в единое Московское государство, примирял князей, заставляя их служить благу Отечества, давал им мудрые и полезные советы к исправлению грубых нравов, мудростью своей укрощал даже свирепых и жестоких завоевателей — ханов.

Благодаря его заботам в Московском Кремле началось строительство собора во имя Успения Божией Матери. Умирая, он завещал князю беречь христианскую веру и укреплять Церковь. Восемнадцать лет правил святитель Петр Русской Церковью и был похоронен в Успенском соборе Кремля.

После праведной кончины святителя Константинополь поставил митрополитом грека Феогноста, однако тот еще при жизни нашел себе преемника из числа русских людей в лице инока Алексия († 1378; память 12 февраля) — будущего великого святителя нашей Церкви. Владыка Феогност в 1350 году посвятил его во епископа Владимирского, и по смерти митрополита последний стал его преемником.

На долю святителя Алексия выпало править не только Церковью, но и Московским княжеством — ввиду малолетства великого князя Димитрия, получившего впоследствии за победу над татарами имя Донского.

На первосвятительском престоле он утешал скорбящих, обличал заблудших, был не только любвеобильным миротворцем, но и «Ангелом Русской Церкви».

Святитель Алексий много потрудился для объединения русских земель вокруг Москвы, понимая, что, только сплотившись вместе, русские люди смогут свергнуть иго завоевателей. Он увещевал непокорных князей и содействовал укреплению Отчизны. Он прилагал все усилия к возвышению Москвы и укреплению Русского государства.

Святитель Алексий в тяжелые годы ига был неустанным ходатаем за русский народ перед татарскими ханами. Известна история его поездки в Орду. У хана Чанибека заболела жена. Зная о святой жизни Митрополита Алексия, хан прислал к нему в Москву гонцов с требованием прибыть в Орду и исцелить ханшу Тайзулу. И святитель, помолившись, направился туда, откуда многие князья и простые русские люди не возвращались живыми. Какую силу веры должен был иметь святитель, чтобы отправиться в путь и молиться над больной, зная, что хан в случае неудачи или смерти жены исполнит свою угрозу — разорит дотла Русскую землю! Господь по его святым молитвам исцелил больную Тайзулу от слепоты, и тем самым святитель надолго

избавил Русскую землю от новых жестоких набегов врагов. Скончался святитель Алексий в 1378 году.

И теперь, братья и сестры, мы с вами часто в своих молитвах обращаемся к святителю Алексию и просим у него заступления пред Богом в скорбях и болезнях. Святые мощи его почивают в московском Богоявленском патриаршем соборе.

После кончины святителя Алексия на Московской кафедре сменилось несколько митрополитов. В 1453 году Константинополь был завоеван турками. Связь между Греческой и Русской Церквами прервалась.

Святитель Иона Собором русских архиереев и духовенства по благословению Константинопольского Патриарха Григория III был избран на Всероссийскую митрополию. Он был человеком праведной жизни и большого ума. Этот ревностный архипастырь много заботился о распространении веры Христовой в народе. В 1448 году при святителе Ионе († 1461; память 31 марта) Русская Церковь получила самостоятельное управление, что свидетельствовало о возросшем авторитете государства и его Церкви.

Через 100 лет после блаженной кончины святителя Ионы, в страшные годы правления Иоанна Грозного, в Церкви Христовой воссиял новый светильник: на кафедру Митрополитов Московских был призван игумен Соловецкой обители Филипп († 1569; память 9 января), проявивший великую любовь к людям и правде Божией. Святитель, не щадя своей жизни, заступался за оклеветанных людей, смело обличая царя Иоанна Грозного в жестокости и несправедливости. При совершении Божественной литургии святитель Филипп произнес: «Мы здесь приносим бескровную жертву Богу, а за алтарем льется кровь невинных христиан», указывая на многочисленные казни, совершаемые на Красной площади. За это святитель поплатился жизнью: был заключен в темницу, где принял мученическую кончину. Впоследствии Русская Церковь торжественно причислила убиенного праведника к лику святых.

При благочестивом царе Феодоре Иоанновиче был избран и возведен на престол первый русский Патриарх святитель Иов, причисленный ныне к лику святых.

После смерти Бориса Годунова в стране начались большие смуты. Нашествие самозванца Лжедимитрия и польского короля привели страну на грань катастрофы. Поляки, вторгшиеся в пределы России, хотели поставить царем польского королевича Владислава. Войска интервентов захватили Московский Кремль. Стараясь насадить католичество, поляки потребовали от Патриарха Московского Ермогена († 1612; память 17 февраля) уговорить народ подчиниться иноземному королю. В это смутное время святитель стойко противостоял изменникам-боярам, рассылая воззвания к русскому народу и поднимая его на защиту веры и Отечества. Оккупанты заключили святого Патриарха в подземелье Чудова монастыря и уморили голодом. После мученической кончины Патриарха Ермогена имя его продолжало жить в сердцах русских людей, а призыв святителя встать на защиту Отечества находил все более и более добровольцев, и наконец Москва была освобождена от польских захватчиков. Впоследствии священномученик Ермоген был причислен к лику святых, в земле Российской просиявших.

Дорогие братья и сестры! Вот почему Русская Церковь чтит общую память и прославляет великих святителей Московских Петра, Алексия, Иону, Филиппа и Ермогена, ставших по заповеди Христа светом миру и светивших людям твердой верой, силой молитвы и добрыми делами. Святители Христовы, будучи миротворцами, несли мир и любовь русскому народу, помогали ему и заботились о благоденствии своего Отечества. Это — светильники веры, вечно сияющие и освещающие наш жизненный путь.

Мы радуемся душой и сердцем, что теперь наша православная вера стала свободной, что открываются православные храмы и монастыри, где возносятся молитвы ко Господу о мире всего мира и о спасении человеческих душ. А где мир — там и согласие, и единение духа, любовь, благополучие и мирный труд.

Мы возносим свои усердные молитвы к святителям Христовым Петру, Алексию, Ионе, Филиппу и Ермогену — нашим Небесным покровителям и просим их, чтобы они своими святыми молитвами исходатайствовали мир для всех людей, чтобы Господь даровал нам чистое, мирное, благодатное небо и не лишил нас Небесного Своего Царствия. Аминь.

Протоиерей Стефан ТКАЧ

Ловцы человеков

В Святом Евангелии есть два рассказа о чудесном лове рыбы на Тивериадском озере. Первый — у евангелиста Луки, перед избранием Господом учеников, второй — у евангелиста Иоанна, во время третьего явления Воскресшего Господа.

Сравнивая эти два повествования, мы на примере апостола Петра видим, как внутренне меняется, преображается человек от близости к нему Бога.

Христос проповедовал о приближении Царства Божия, ибо Бог плотью вошел в греховный мир, чтобы сострадать трагедии мира и искупить его Своею смертью. Учение Господа так необычно и пробуждает такие глубинные заветные желания, что сердце загорается верой и любовью. На это Господь, подтверждая свои слова делом, отвечает чудом, повелевая Петру закинуть сети в море, где Петр с товарищами всю ночь и утро трудились, но безуспешно. Они устали и уже вынули сети — сейчас не время лова, однако Учитель говорит так, как никто другой. И по Его слову, вопреки разуму и своему опыту, Петр, превозмогая себя, вновь закидывает сети. И вот чудо: необыкновенный улов, такой, что лодка не может вместить пойманной рыбы. Петр потрясен, ошеломлен. Это невозможно понять и объяснить. Как молния, его поражает открытие: перед ним в его утлой лодке лицом к миру стоит живой Бог. Если человек не может остаться живым, увидев Ангела, то что можно пережить, когда перед тобой Творец Вселенной, Всемогущий Бог, Который творит, «елика хощет». В единый миг стало ясно Петру: если отношение Бога

к миру определяется не внешними законами и нормами, «ихже не прейдеши», а безграничной свободой и любовью, то и наше отношение к Нему должно определяться только безграничной верой Ему. Ею обретают живого Всемогущего Бога. Не рассудок, а вера есть единственный и окончательный источник истины и жизни. Это огромная, рождающаяся в глубинах человеческого духа сила, готовая и способная вступить в борьбу и победить даже тогда, когда все говорит о том, что борьба обречена на неудачу. На своем опыте Петр узнал истину, о которой большинство людей даже не подозревает: отсутствие веры есть выражение бессилия человека, и бессилие человека выражается отсутствием веры. С этим согласуется и тот последующий загадочный факт истории человечества: высококультурный античный мир начал поиски истины у невежественных палестинских рыбаков, плотников и пастухов, у которых была вера, способная переставлять даже горы.

И другое открытие поразило Петра: для Бога нет ничтожного дела. Бог видит всякую частную и потому, казалось бы, ничтожную нужду. Это только по учению умозрительных философов возбраняется вспоминать о ничтожных и конечных делах земных, едва речь заходит о великих и последних тайнах бытия, а Христос Бог знает о каждодневной нужде в насущном хлебе.

Постигнув это, Петр в ужасе повергается к ногам Иисуса и умоляет: *Выйди от меня, Господи! Я человек грешный* (Лк. 5, 8). Все существо Петра сокрушено, он чувствует себя таким маленьким, слабым, грешным. И как непонятен в Своих действиях безграничный и такой близкий Бог, приближающийся незвано, но когда горит сердце от Его слов, как потом у двух учеников, шедших в Эммаус (см.: Лк. 24, 13—35).

А затем Господь говорит еще более непонятные слова: *Идите за Мною, Я сделаю вас ловцами человеков* (Мф. 4, 19). Страшно и непостижимо, но не следовать за Иисусом Петр уже не может. Сила Божия совершается в немощи разума и твердости веры. Петр оставляет свое занятие и следует за Иисусом, как некогда праотец Авраам, который оставил родину и по зову Божию пошел, еще не зная куда, пошел, побеждая свой рассудок верой, ибо повелевал Бог, Владыка жизни и смерти, идти и наследовать землю обетованную.

Прошло три года с тех пор, как ученики последовали за Господом. Срок небольшой, но сумевший вместить в себя вечность: жизнь, смерть и воскресение Христа Богочеловека. Это годы преображения учеников, годы, превратившие простых рыбаков во вселенских учителей. Петр пережил за это время восторг и отчаяние, надежду и страх, веру и отречение, мужество и бессилие.

И вот он вновь с друзьями на Тивериадском море всю ночь безуспешно ловит рыбу (Ин. 21, 1—14), опять у них нет пропитания, и вновь на берегу стоит Христос, но уже победивший смерть. Все повторяется, когда, казалось, все рухнуло и когда всякий человеческий опыт и разум говорили о невозможности повторения. Но Бог пришел, чтобы отвергнуть разум разумных и посрамить мудрость века сего. Еще неузнанный Воскресший Господь вновь повелевает: закиньте сеть и поймаете. *Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы* (Ин. 21, 6). Тогда Иоанн Богослов, которому его любящее вещее сердце открыло тайну, говорит Петру: *Это Господь!* Только что скорбь Петра, незадолго перед тем потерявшего Христа, отрекшись от Него, была тяжелее, чем весь песок морской. Но, услышав, что Господь рядом, Симон Петр опоясался одеждой, ибо был наг, и бросился в море. Он был наг, ибо отрекся от Господа в минуту страха, но теперь, опоясавшись верой, без смущения бросается в пучину. Действия Петра с точки зрения здравого смысла были бесцельны и бессмысленны, быстрее и безопаснее было приплыть вместе с другими в лодке. Но в этой абсурдности поступка Петра была та сила веры и любви, от которой сокрушаются все невозможности, как от иерихонских труб крепостные стены. Это был безудержный порыв любви и веры навстречу Господу, и Петр первым достигает Воскресшего Христа. Когда-то Петр сказал: *Выйди от меня, Господи! Я человек грешный.* Теперь он ничего не говорит, а, будучи действительно грешным отступником, бросается навстречу своему невозможному спасению. И Бог принял этот порыв любящей веры. Когда затем Господь вновь призывает Петра к апостольскому служению, вопрошая его: *Симон Ионин! любишь ли ты Меня?* Петр отвечает: *Ты знаешь, что я люблю Тебя* (Ин. 21, 17). Все существо его как бы говорит: «Ты же знаешь, Господи, как я, услышав, что Ты стоишь на берегу, тотчас, не размышляя, бросился навстречу Тебе». И вот награда: Господь вновь призывает Петра: *Паси овец Моих* — паси тех, которые уже собраны, и собирай новых, заботясь о них ради Меня. Чудеса совершаются всегда только по дерзновенной вере и страстной, бесконечной, бескорыстной личной заинтересованности, которая называется любовью. Кто верит и любит, тот не отрекается от возможности чуда; кто с любовью верит, тот все приобретает. Слабость — от неверия и покорность — от трусости.

Подай же и нам, Господи, веру Петрову, его дерзновение и мужество, и любовь Иоаннову, его блаженную чистоту сердечную, которая всегда видит Бога. Аминь.

Протоиерей Леонид РОЛДУГИН

Беседы на Евангелие от Марка

Иногда нам кажется, что наши грехи проходят бесследно и никому не приносят вреда. Это иллюзия, самообман. Где-нибудь, когда-нибудь, так или иначе последствия греха скажутся. «Жизнь, как океан,— говорит один из наших писателей.— Всюду незримая связь: в одном конце тронул, в другом отдается. Вот ты прошел мимо ребенка. Ты, может быть, и не заметил его, но образ твой нечестивый уже запечатлелся в детском сердечке и рано или поздно в чем-нибудь отразится: в его мыслях, или в поступках, или в словах».

В чем же должна состоять наша обязанность по отношению к обществу ввиду этой ответственности? Косвенный ответ на этот вопрос дает апостол Павел.

Из Христа *все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви* (Еф. 4, 16).

Это означает, во-первых, что, кроме непосредственного исполнения тех обязанностей, которые возложены на меня Богом, я должен заботиться об укреплении взаимных связей между членами Церкви. Во-вторых, свое собственное дело я должен делать в духе любви так, чтобы оно содействовало усилению связи между мною и другими членами. Если каждый в своей деятельности подчиняется этим правилам, то церковное общество созидается и растет в духе любви, приобретает прочность и процветает. При нарушении же этих правил оно разлагается.

Каждое дело можно делать различно. Можно его делать или как долг служения ближним, заботясь больше о их пользе, чем о своих выгодах, тогда оно крепче связывает людей, служащих и пользующихся служением, и является средством укрепления, развития, процветания общества, силой творческой и жизненной, или можно делать его с чисто эгоистическим расчетом выжать из него как можно больше пользы лично для себя, нисколько не думая о благе других, и тогда оно не только ослабляет, расшатывает и вконец разрывает взаимные привязанности людей, но вносит в их отношения нечто совершенно противоположное: охлаждение, озлобление, взаимное отталкивание. Это — процесс гниения, распада, смерти. Гниение в том и состоит, что отдельные части гниющего тела теряют силу взаимного притяжения или сцепления и распадаются. Так в физическом мире, так и в человеческом обществе.

Допустим, я крестьянин. Я могу свое крестьянское дело делать или в духе самого узкого себялюбия — хватать за горло всякого, кто посмеет посягнуть на мою собственность или мои права, сквалыжничать на сходках, браниться за каждый вершок покоса, воровать у соседа дрова, грубить тем, кто обращается ко мне с нуждой,— и тогда я являюсь элементом гниения, элементом общественно вредным; или же могу уступать в земельных спорах, избегать ссор, помогать нуждающимся чем могу: своей работой, орудиями, продуктами, уделять часть своих достатков беспомощным и бедным и т. д.— и тогда я исполняю заповедь Божию и являюсь элементом жизненным, созидательным, элементом общественно полезным.

Эгоизм, себялюбие — всегда сила распада, гниения, и это разлагающее действие эгоизма проявляется при всяких условиях. Напрасно говорят, что общество не может быть построено на евангельских началах самоотречения и что наилучшее разрешение задачи, которое можно желать, заключается лишь в том, чтобы личный эгоизм каждого члена ввести в законные рамки так, чтобы он сталкивался с эгоизмом соседа или, во всяком случае, знал свои пределы. Точно и ясно определить права и обязанности всех и каждого, не обижая никого,— вот все, что нужно для общественного процветания.

Такая постановка вопроса в корне неверна. Совершенно невозможно точно определить обязанности и права, не обижая никого, ибо при эгоистическом отношении к жизни обиженные и недовольные всегда найдутся. Но самое главное возражение состоит в том, что никакими средствами невозможно вместить личный эгоизм в законные, юридические рамки: он всегда будет стараться из них выйти и расшириться за счет соседа и в конце концов найдет для этого средство или лазейку. Отчего разлагаются современные общества, несмотря на регламентацию прав и обязанностей? Оттого, что они построены на грубо-эгоистической основе, но и всякое другое общество, которое так пропагандируется, неизбежно подвергнется тому же закону гниения, если останется на той же основе себялюбия и эгоизма.

Итак, наше участие в апостольском деле постройки Царства Божия должно заключаться прежде всего в том, чтобы каждое дело делать во имя Господа Иисуса Христа, в духе евангельской любви и самопожертвования.

На нас лежит также задача всеми зависящими от нас средствами укреплять взаимные связи между людьми, содействуя по мере сил развитию религиозной веры, любви, дружбы, доверия и борясь с явлениями противоположными. Таким образом, если я проповедую неверие, вражду, насилие, натравливаю людей друг на друга, клевещу, осуждаю, распуская лживые слухи о людях, сею раздоры, подозрительность, всем этим я вношу разложение в общество и тем если не останавливаю роста Царства Божия, ибо по неизъяснимым законам Божиим оно растет при всяких условиях, то во всяком случае отвлекаю многих от участия в нем. Если же я распространяю истинную веру, проповедую любовь и братство, всепрощение и самоотречение, говорю о людях хорошо, благотворю и помогаю нуждающимся, борюсь с клеветой и ложью, примиряю враждующих, то этим укрепляю общество и взаимные связи его членов и содействую развитию и расширению Царства Божия.

К сожалению, эта обязанность громадным большинством современных христиан не сознается. Даже лучшие из нас обыкновенно довольствуются тем, что кое-как следят за собою, за своими настроениями и поступками, но о нравственном состоянии ближних, об улучшении их взаимных отношений вряд ли думают. Какое мне дело до другого? Он сам отвечает за себя! *Разве я сторож брату моему?* (Быт. 4, 9). Этот жесткий вопрос Каина если и не произносится открыто, устами, то слышится в каждом эгоистическом сердце. Равнодушие к ближнему, ужасающее, тупое равнодушие — это наш общий грех.

Вспомните: вопиющая, возмутительная несправедливость совершена была на ваших глазах. Грубо, цинично нарушена справедливость. Как всегда, пострадал слабый. Вступились ли вы за обиженного? Защитили ли? Помогли ли ему? Посочувствовали, по крайней мере, или... прошли равнодушно мимо? — Какое мне дело? *Разве я сторож брату моему?*

Вот случай вас свел с падшей женщиной. Погибшая человеческая душа смотрела на вас из этих подведенных, утомленных глаз. Бесстыдная улыбка змеилась на крашеных губах. В этом создании поруган дивный образ Божий. Постарались ли вы разбудить уснувшую во грехе душу? Сделали ли попытку вытащить из грязи несчастное творение Божие? Или брезгливо посторонились с видом праведника, гордого своим превосходством? *Разве я сторож брату моему?*

Больной, посиневший от холода старик стоял перед вами, протягивая дрожащую руку за подаянием. Как вы отнеслись к нему? Помогли ли? Оказали ли милость и участие? Или остались холодны,

равнодушны? Не мое дело! *Разве я сторож брату моему?*

Злобная, ядовитая сплетня была передана в вашем присутствии. Задета честь ваших знакомых. Их доброе имя запятнано. Вы знали, что в этой сплетне все, от первого до последнего слова, ложь. Но хватило ли у вас мужества заявить об этом? Остановили ли вы клеветника суровым упреком? Восстановили ли правду и поруганную честь ближнего? Или выслушали с затаенным злорадством? Или промолчали? Какое мне дело? *Разве я сторож брату моему?*

Мы все думаем только о себе; вопрос о ближнем нас не интересует; и в результате нравственное зло, как зараза, как гангрена, распространяется, увлекая новые жертвы. И в этом виноваты все мы. Что мы делаем, чтобы остановить порок? Употребляем ли какие-нибудь усилия, чтобы спасти погибающих братьев?

Мало мы предпринимаем добрых усилий. Повсюду черствость, равнодушие. Но черствость всегда вызывает озлобление, а порок, к которому мы так позорно равнодушны, падет когда-нибудь на нашу голову.

* * *

Сострадание и любовь — вот христианские мотивы всякого истинно великого дела. Величие каждой личности и каждого дела измеряется тем, насколько сильно и полно проникнуты они этими мотивами. От этого же зависит в значительной степени и долговечность великого дела. То дело, цель которого — удовлетворить мелкое самолюбие своего автора, никогда не бывает прочным и, несмотря на порой головокружительные успехи, скоро рассыпается, как ярко вспыхнувшая ракета, оставляя за собой лишь копоть и чад дымящейся гильзы. Даже если человек руководствуется в своей деятельности, по-видимому, альтруистическими мотивами, то есть заботой о ближних, но не берет за основу учение Господа Иисуса Христа, то обыкновенно его деятельность не создает истинного счастья для людей, влечет множество разочарований и никогда не выдерживает того страшного испытания, которое ожидает каждого человека и его дела на будущем Суде Божием. Поистине *никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11).

Великие христианские цели требуют для своего осуществления и христианских средств. Православное христианство не знает принципа «цель оправдывает средства». Честные цели достигаются только честными средствами, и если для осуществления высоких целей и великих планов человек допускает обман, ложь, насилие, то можно уверенно сказать, что ничего великого или просто хорошего из его деятельности не выйдет. Или он опозорит свое дело в глазах людей, когда откроется его обман и дело разрушится, как бы хорошо оно ни было по замыслу, или же его ложь родит лишь новую ложь, не заключающую в себе ничего высокого, и насилие вызовет лишь ответное насилие. Напрасно некоторые наивные христианские деятели думают, что для достижения высших духовных целей можно прибегнуть иногда к лукавой уловке, хитрости, «невинному обману», как его называют. В Божием деле это совершенно недопустимо. Заповеди Божии обязательны всегда и при всяких условиях, и если Господь ставит перед вами какую-либо задачу в общем порядке построения Царства Божия, то это означает, что для выполнения ее имеются и средства, согласные с Его заповедями, ибо требовать от человека противоречащей им деятельности Он не может. Не следует забывать слов премудрого Иисуса, сына Сирахова: *Не говори: «Ради Господа я отступил», ибо, что Он ненавидит, того ты не должен делать. Не говори: «Он ввел меня в заблуждение», ибо Он не имеет надобности в муже грешном* (Сир. 15, 11—12).

В жизни и делах Господа Иисуса Христа нет ни тени обмана, или вероломства, или лукавого заигрывания с людьми с целью привлечь их к Себе. Не видим этого и в совершенном Им чуде. Все делается просто, открыто. *Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо* (то есть совершив внутреннюю молитву.— *Авт.*), *благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали* (Мк. 6, 41). Молитва и призывание благословения Божия — вот источник силы и главные средства для выполнения великого дела в христианском духе.

Итак, если самолюбивые мечты туманят вам голову, если вы хотите быть блестящим героем на подмостках истории, в опьяняющей атмосфере преклонения раболепствующей толпы, то никогда ничего истинно великого вы не совершите. Выбросьте это из головы. Если даже вы и достигнете временного успеха, то все же сознание мелочности ваших целей постепенно будет для вас все яснее, и радость успеха скоро померкнет пред горечью мысли, что свои силы и таланты вы растратили на пустяки. Только издали кажется, что за облаками успеха и славы кроется непременно нечто подлинно великое. Подойдя ближе и проверив на опыте, вы почти всегда найдете, что это не более как оптический обман. Безнадежны также и заранее обречены на более или менее скорый провал все попытки создать что-нибудь великое и долговечное, порвав всякие связи с Господом Иисусом Христом и Его Евангелием, ибо устройство Царства Божия, составляющее суть всего мирового процесса, совершается непосредственно силою Бога Слова по законам, изложенным в Евангелии, и потому перед вами всегда стоит альтернатива: или принять участие в этой постройке под руководством Господа Иисуса Христа и при свете Его учения — и тогда вы вносите долю своего труда в вечное будущее, или действовать самовольно, вразрез с этим Божиим планом будущего устройства Вселенной — и тогда ваши труды будут неизбежно стерты в пыль этим непреодолимым процессом — созиданием Царства Божия.

Епископ ВАСИЛИЙ (Преображенский; † 1947)

Беседы о Божественной литургии

1. Где же Бог?

Где же Бог? Так вопрошает себя ныне человеческий разум и совесть перед лицом совершающегося в мире. Если Бог есть, то как Им попускается зло? Если Он любовь, то как же Он не сжалится над родом человеческим? Если Он всемогущ, то почему Он этого зла не упраздняет Своей властью? Если премудр, то почему не укажет выход из тупика, в который забрело человечество? Мы остаемся одиноки перед ужасом жизни без Бога. И нет ответа на наши вопросы, как будто и Его нет или же Ему нечего на них ответить. Если же Он есть, то остается, подобно Иову, состязаться с Богом о мире Его, который как будто является страшной ошибкой Творца. Или же следует признать, что такое состояние мира свидетельствует и о Его бессилии?!

Так мы совопросничаем злорадно и безнадежно, в сознании сомнительного своего на то права и своей правоты. Однако спросим себя, почему мы только теперь, перед лицом всех этих ужасов войны и всей лжи в мире, забеспокоились о бытии Божием, так что стали о нем вопрошать? Почему мы оставались равнодушны к Нему, пока жизнь наша катилась по ровной дороге, без опасных толчков и ухабов? Были ли тогда мы столь близки к Богу, почему не рождались в нас нынешние недоуменные вопрошания и все казалось понятнее в мире, нежели теперь. Или, напротив, тогда мы забывали о Боге, просто не думали о своем отношении к Нему, пребывали в беззаботном и несознательном безбожии. Да, именно так это и было для многих из нас, если только не для всех, по крайней мере в известные времена жизни. А потому не стали ли мы именно теперь больше хотя бы думать, вспоминать о Нем? Перед нами властно встали эти вопросы о мире, о нашей жизни, о добре и зле — обо всем, о чем мятется ныне душа наша, мучается и изнемогает. В уши наши как будто ворвался звон с высоты. Мы мечемся, внемля этому звону, еще не понимая, куда и к чему он зовет, о чем говорит. Однако все же силимся понять этот зов. Но где же нам искать ответа, как не у Учителя, который Сам есть Путь, Истина и Жизнь в словах Своих и делах: как же Он Сам в Своей земной жизни изживал страшное в мире, подобное чему и мы теперь изживаем? Его жизнь была исполнена богообщения и молитвы к Отцу, Он искал лишь творить Его волю, быть с Ним воедино. Перед Его боговедением бессильна была злоба мира сего. Однако и в Его жизни наступило время, когда Он молчал, не отвечая на предъявляемые Ему вопросы, даже к удивлению вопрошающих (Мф. 26, 63; 27, 14). А после сего молчания возопил велиим гласом, умирая на кресте: *Илй, Илй! Лама савахфани! — Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46) — и с этим воплем испустил дух. И ему дано было вместе с приближением смерти испытать безответственность, молчание неба. И для Него жизнь предстала в богооставленности своей, в которой, возможно, явились смерть и положение во гроб. Однако, на этом не останавливаясь, учит нас далее наша вера: смертию попрал Он смерть, чтобы, воскреснув, вознестись на небо.

Однако так ли это? О каком же оставлении Им нашего мира можно думать, когда Он Сам, уходя от нас, нас уверил: *Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 20). Значит, Он с нами и теперь в этом братоубийственном человеческом безумии. С нами и о нас страждет, но с нами и о нас молится Отцу. Нет, мы не оставлены Им, не одиноки на земле. Земное Он навеки воссоединил с небесным. Он пребывает на престоле славы, не оставляя и нашей юдоли смерти. Если же это так, тогда ничто уже не страшно последним страхом, ничто не скорбно скорбью безутешной. Он знал о них, потому что Сам сказал, уходя от нас: *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте... Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе* (Ин. 14, 1, 3). Придет, чтобы взять нас. И не только в грядущем придет, но и здесь не оставляет: всегда, ныне и присно и во веки веков.

Но это значит, что так и может быть почувствована и опознана наша встреча с Ним уже здесь и теперь. Она и совершается подвигом веры нашей, нашим к Нему устремлением. Он отвечает на него пришествием Своим. Для сего повелел Он творить Его «воспоминание» в Божественной Евхаристии. В ней приходит к нам Христос и мы — к Нему. Она и есть обетованная встреча и Его пребывание с нами.

Но для этого в жизни нам прежде всего надо понять и усвоить, что содержит Божественная Евхаристия, что значит она, мимо чего в неведении и в непостижении мы рассеянно мимоходим. Чем именно является, вернее, чем должна для нас являться Божественная Евхаристия как наша молитва и богослужение, как наша жизнь во Христе и со Христом. Об этом должны мы спросить себя, чтобы внять зову и обетованию Христа, данному Им через учеников Своих Церкви. Аминь.

2. Всегда с вами есмь

Когда Христос был на земле, Он ходил по стране Иудейской, *уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях* (Мф. 9, 35), и следовало за Ним множество народа. В эти блаженные дни жизни мира всякий, кто хотел, мог Его видеть и слышать. Об этом и Сам Господь говорил ученикам: *Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали* (Мф. 13, 16—17; ср.: Лк. 10, 23—24). Не вспоминают ли о том невольно и многие из нас в эти дни мировой скорби: «О, если бы и мы могли Его видеть и знали, где Его встретить! С какой радостью и упованием присоединились бы и мы ко всем за Ним следующим!»

Однако этими словами Господь не хотел умалить пророков и праведников, а, напротив, возвеличить их. Они, и не видя, и не слыша Его на земле, зрят ныне в небесах, Кого предзрели в дни жизни своей, уча о Нем и пророчествуя еще прежде Его пришествия в мир. Но, подобно им, и мы также не лишены Его близости и после Его отшествия от мира. Ибо, отходя, Он Сам это подтвердил: «Вот Я с вами во все дни до скончания века», а если всегда, то, значит, и теперь.

Как можем мы ощутить Его присутствие, где Его искать? Конечно, Его нельзя уже познать внешними чувствами, но по воле Своей Господь может и теперь явиться, подобно Савлу, который услышал голос с неба: *Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?* (Деян. 9, 4). Будем чаять, что некогда услышат Его и другие Савлы, ныне Его гонящие. Однако не только к явлению суда и гнева относится обетование о радостном с Ним общении.

Где же Его искать? Не в храме ли? Даже в ветхозаветном храме, который при освящении его наполнила во облаке Слава Божия (3 Цар. 8, 10), молился Соломон: *Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: «Мое Имя будет там»* (3 Цар. 8, 29). *И сказал ему Господь: Я услышал молитву твою и прошение твое... Я освятил сей храм... чтобы пребывать имени Моему там вовек; и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни* (3 Цар. 9, 3). Но то, что сказано о храме ветхозаветном, имеет еще большую силу в отношении к новозаветному. И не только во храме рукотворном, но и во храме сердца нашего совершается наша молитвенная встреча с Богом силой имени Божия, сладчайшего имени Иисусова. По свидетельству делателей Молитвы Иисусовой, Христос посещает сердце наше, и Имя Его есть как бы место Его духовного присутствия*.

Но Он нам обетовал даже и большее — прямое Свое присутствие, пребывание в мире через «воспоминание», не только умственное или душевное, но жизненное, исполненное силы действительности. Именно таково и есть Его пребывание во Святых Тайнах. Перед Чашей Христовой исповедуют веру к ней приступающие: «Яко воистину еси Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир»... Пусть наши сердце и разум вместят всю силу этого исповедания и правду его. Разве не имеем мы здесь исполнение нашего сокровенного и пламенного желания — встречи со Христом и соединения с Ним? Правда, эта встреча есть не явная, но таинственная, доступная лишь очам веры. Однако ее действительность является не меньшей, нежели пребывание Христа на земле, до Своего воскресения и после него.

Таинство Евхаристии в том, что хлеб и вино здесь силою преложения суть Тело и Кровь Христовы, в них пребывает Христос в полноте Своего боговоплощения и вочеловечения. Это чудо любви Божией совершается на Божественной литургии, которая через это и становится местом пребывания Христа на земле. И перед Чашей не соединяемся ли мы во Христе? О первохристианской Церкви, образ которой является руководящим, так говорится: *Они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах* (Деян. 2, 42). Об их единодушии и взаимной любви даже сказано: *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32), и: *Из посторонних же никто не смел пристать к ним* (Деян. 5, 13). И наше общение в Евхаристии должно также иметь следствием внутреннее сближение, в котором преодолевается взаимная отчужденность. Если нами утеряно чувство такого единения, то к нему все-таки ведет нас литургийное общение. Сердце наше невольно расширяется через участие в жертвоприношении «о всех и за вся», как в широте его беспредельной, так и в определенном устремлении, в памяти любящего сердца о живых и отшедших. Отблеск радости такого единства подается и нам во дни общего причащения, в недели Великого поста, в Великий Четверток, в день самого установления Христом святейшего Таинства. Эти чувства должны в нас воспитываться непрестанно, возрастая вместе с разумением всей силы великого Таинства. Аминь.

3. «Мир вам!»

Тьма сгущается над миром, и на сердце ложится черная тоска. Таков вопль беззвучный, который стелется над землей, такова слезная жалоба, плач человека о самом себе перед лицом происходящих бедствий. И кажется ему, что совершающееся в судьбах мира происходит нежданно, по чьей-то ошибке и злобе. Пусть это в частных случаях будет даже и так, но не забывается ли общее предварение Христово, обращенное без обозначения времени ко всем, по крайней мере указующее такую возможность. Господь так говорил ученикам на горе Елеонской о «кончине века», иначе сказать, о всех временах человеческой жизни без ограничения, до самого ее окончания: *Услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это — начало болезней* (Мф. 24, 6 — 8). Главным же бедствием будет оскудение любви в людях: *и возненавидят друг друга... и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф. 24, 10, 12).

Что значит «надлежит сему быть»? Надлежит быть тому, от чего стынет сердце и опустошается душа? О какой неотвратимости всего этого, как бы предустановленности его, говорит Господь? Но на это Сам Он не дал ответа, оставляя его на наше уразумение. Только одно лишь прибавил: *Претерпевший же до конца спасется... и тогда придет конец* (Мф. 24, 13, 14) — конец как некая полнота земного свершения, после которой *будет пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 27).

Этим Господь заранее отвечает и на жалобы, и на изнеможение. Он призывает к мужеству терпения. Какого же терпения хочет от нас Господь? Есть ли оно рабское, бессильное оцепенение в испуге и унынии, безнадежности и отчаянии пред тем и от того, от чего по-человечески, может быть, нельзя и не отчаиваться? Или же оно есть нечто совсем иное, есть приятие судьбины Божией во Христе и со Христом, Который ее пророкал и Сам именно так ее принимал от Отца Своего: *Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты?* (Мф. 26, 39). И трижды повторил Он Сам эту молитву о терпении в борении гефсиманском. Он подъял тогда бремя скорби всего мира в человечестве Своем, Он принял ее за все времена и народы, судьбу которых пророкал на горе Елеонской, и в человечестве Своем с нами ее разделяет. Ибо это именно и значило Его прорицание. Он не прорицал бы, если бы Сам не изведал, не принял, не сделал Своим всякое человеческое страдание чрез Свое сострадание с ним. Но как мы можем

* Это место можно считать указанием на приверженность отца Сергия имясловию. Однако возможно и другое понимание: имя Христово, по свидетельству опытных делателей Молитвы Иисусовой, благодатью Духа освящает место, где непрерывно совершается молитва, то есть сердце, и оно становится вместилищем Духа, местом пребывания Господа.— *Прим. ред.*

приблизить к себе Его сострадание, Его близость, Его любовь, Его спасительную помощь? Он Сам же и указал к этому путь: «Сие творите в Мое воспоминание», в котором Он пребудет с нами во все дни до скончания века. Это же «воспоминание» есть Его собственное присутствие во святых Его Дарах, в Божественной Евхаристии. Мы должны знать, что мы приближаемся через нее к Самому со-страждущему с нами Христу. Мы не оставлены Им в Его вознесении на небо, Он пребывает с нами со-человечным, как и был на земле. Его гефсиманская скорбь и спасительная страсть как бы продолжаются в мире, и, Седящий одесную Отца, Он с нами — Богочеловек, но и со-человек с человеками.

Мы приближаемся к Нему подобно тому, как приближались тогда толпы народные, теснившиеся около Него, каждый со своей мукой, со своим искушением и немощью. Он знает всякого, кто к Нему прикасается, как почувствовал Он жену кровоточивую, прикоснувшуюся к Нему и в этом прикосновении приявшую силу и исцеление. Но оно не должно оставаться как бы случайным и только телесным касанием теснящейся толпы, но вольным движением веры и упования, нашим внутренним устремлением ко Христу. Мы должны искать встречи со Христом, ее жаждать. И если мы остаемся холодны и безразличны во дни благополучия, то сердца наши открываются страданием и согреваются со-страданием со Христом. Господь слышит вопль нашего сердца, а мы можем слышать это Его слышание даже во всякой молитве через призывание Его Имени, нарочито же в Таинстве Тела и Крови, спасительного Его воплощения. Он даровал нам эту встречу как дар «воспоминания» не только чрез причащение святых Его Таин, но и в духовном приобщении, молитвенном предстоянии на Божественной литургии.

Да будут же наши мысли и скорби, недоумения и вопрошания, сомнения и изнеможения к Нему обращаемы, и буря нашего сердца, страх и смятение утишатся таинственным, неизреченным чувством Его близости, которая станет тем ощутительнее, чем настойчивей наше моление: *Господи! спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, маловерные?* (Мф, 8, 25, 26).

Одною и тою же в вечной неизменности своей остается Божественная литургия, меняются лишь человеческие волны, к ней притекающие. Но да будет ведомо, где искать божественного укрепления, мира и утешения и как его искать: исступлением веры, воплем любви, усилием упования, молитвенным созерцанием Таин Христовых.

И *пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои* (Ин. 20, 19—20). Аминь.

4. Да будет воля Твоя

Всякому человеку суждено переживать испытания, удары судьбы: несправедливость и жестокость человеческую, разлуку и скорбь, утраты и болезни, всякие иные горести. И он легко склоняется к тому, чтобы считать себя онеоправдованным (так у авт.— *Прим. ред.*) и обиженным, как жертва жестокого и непонятного жребия. Такое чувство несет он в сердце и им отравляется. Действительно, нелегко принять то, что является для нас непонятным и страшным. Не вопиял ли к Нему сам праведный Иов: *Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне* (Иов 3, 25) — и *проклял день свой* (Иов 3, 1), хотя и сам только что говорил жене своей: *Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?* (Иов 2, 10). Так тяжек был его удел, хотя и ублажает его апостол за долготерпение: *Вы слышали о терпении Иова* (Иак. 5, 11). Но и Сам Христос, восприяв полноту человеческого естества, познал до глубины и всю тягостность его испытания. И о Нем сказано, что *Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти* (Евр. 5, 7), *и был пот Его, как капли крови, падающие на землю* (Лк. 22, 44), так что явился Ему Ангел с небес, и укреплял Его, и, находясь в борении, прилежнее молился.

О чем же было борение и эта молитва? Она была такова: *Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!* (Лк. 22, 42). И учеников своих звал Он к той же молитве: *Встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Лк. 22, 46), ибо *дух бодр, плоть же немощна* (Мк. 14, 38).

Даже для Богочеловека неминуемый удел являлся таким, которому противилось святейшее человеческое естество. Однако и Сына Своего не освободил от сего удела Отец Всеблагий. Лишь пройдя борение гефсиманское, дано было Ему превозмочь немощную плоть и в полноте любви и покорности трижды рещи: *Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя* (Мф. 26, 42).

В Богочеловеке согласно соединились две воли, божеская и человеческая, нераздельно и неслиянно. Решения воли божеской не нужно было домогаться особым усилием: то была Его собственная сыновняя воля, но ей предстояло до конца склонить к согласию с собой волю человеческую, которую, «Себя умалив», вместе с плотию принял в Себя Сын Человеческий. Ей Он не противился божественным Своим всемогуществом. Последнее молчало, оставляя полную свободу самоопределения воле человеческой, доколе эта последняя сама не подклонила себя воле божественной, которая есть и Отчая воля: Я ищу *воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5, 30).

Вместе с Сыном Человеческим для каждого человека существуют та же борьба и выбор, неизбежный и спасительный: принять или же не покориться судьбе своей, в которой выражается о нас воля Отчая. Такое решение не часто совершается в краткое мгновение, но может простираться на долгие годы, иногда на всю жизнь. Решение Христа в Гефсиманском борении ожидалось Творцом и творением, небом и землей, ангельским собором и человеческим родом. Однако когда оно за всех было принято, навсегда нерушимое, теперь от каждого из нас оно так не ожидается. Но оно ждется от нас уже Самим Христом, за Себя и за всех единожды ответившим: *Да будет воля Твоя!* Теперь Он Сам склоняется Своим человечеством к нашему изнеможению. Он хочет, чтобы Его ответ сделался и нашим, Он со-страждет с нами во тьме нашей гефсиманской ночи, ожидая от нас труднейшей победы — над собой самими. *Как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь* (Евр. 2, 18). Он протягивает утопающему спасающую руку, которая им и должна быть принята. Но как? Как можем мы действительно призвать Христа, чтобы соединиться с Ним, познать Его спасающую силу? Конечно, это происходит во всяком сердечном Его призывании, однако с исключительной

силой и действенностью в спасительном «воспоминании» Его вочеловечения, в Таинстве Тела и Крови,— Божественной литургии,— в котором Он жертвоприносится «о всех и за вся». В эту ее вселенскость вмещаются наши беды и горести, борьба и изнеможение, но вместе с победой над нашей немощью.

Господь становится близок нам в причащении не только устами, но и духовно. Он ныне и присно, как бы сходя с небес, в земном пребывании с нами со-страждет, не гнушается нашей малостью. И мы с верою и дерзновением должны ответно припадать к Нему со скорбями и недоумением, сомнениями и малодушием. Незримо, неведомыми путями Он приближается к нам, посещает нашу душу, целит ее, воскрешает, дарует ей мир и небесную радость, как капли росы, ее освежающие. В нас появляются новые силы жизни, новая воля к несению своего креста за Ним и вместе с Ним. Посему, христиане, несите ко Христу, присутствующему во святых Своих Тайнах, и ко кресту Его свои собственные кресты, ищите благодатного от Него осенения и помощи в молитве, наипаче же Божественной литургии, в которой «смерть Господня возвещается, дондеже приидет» Христос, жизнь наша и радость. Аминь.

5. О всех и за вся!

В литургии приносится крестная жертва Христова, «сие творится в Его воспоминание». Это не есть только человеческая память о ней, но она сама, таинственно продолжающаяся через приношение руками священника, который в нем являет собой самого «Иерея вовек по чину Мелхиседекову», Господа Иисуса Христа. Господь есть «и приносящий, и приносимый», как говорится в тайной молитве на Херувимской.

Любовь Божия к миру и человеку, раскрывшаяся в боговоплощении, продолжает и ныне являть себя миру в этой вселенской жертве, приносимой за всех людей и о всем человеческом бытии, от лица всего творения, приявшим человеческое естество Сыном Божиим. Она одновременно есть жертва любви Его к Отцу в Вечной Жизни Святой Троицы, как и Сына Человеческого от лица человечества и всей твари. В этом смысле со Христом, в Его Богочеловечестве, и приносим мы ее Богу. Полноту этой истины и должны мы вместить в свое немощное и ограниченное сознание.

Но можем ли мы говорить о вселенской силе этого жертвоприношения, если оно является ограниченным в пространстве и времени, участвующие же в нем члены Церкви составляют лишь малую часть всего человечества? Принадлежит ли Христу вся эта Его другая часть, или же она остается Ему чуждой, неведающей или отрицающей Его? Извне может так и казаться, что это человечество не есть Христово, хочет принадлежать самому себе, а через то отдается во власть «князя мира сего», хотя внутренне и подорванную, но еще продолжающуюся. Однако вопреки этой мнимой очевидности человечество в естестве и судьбах своих остается единым. Оно безраздельно воспринято Христом в Его Богочеловечестве. Для нас является еще тайной, сокрытой в запредельности, как и когда раскроется и осуществится это единство рода человеческого, и жертва ныне приносится лишь христианами от лица Церкви. Однако сила и действенность ее распространяется на все человечество, которое и предстанет на Страшном Суде в этом своем многоединстве. И как в первородном грехе Адама все оно соединяется, так и в Боговоплощении подается ему искупление, хотя и во всем своем многообразии. Таково радостное обетование и упование нашей веры.

Но есть в нем еще и другая светлая сторона. Вместе со Христом в этом жертвоприношении участвуем и мы, с Ним его сопроносим как «мысленную и бескровную службу». И в этом одновременно выражается молитвенно наша любовь и к Богу, и к человеку. Это есть хваление и благодарение Богу, соединяемые со всяким приношением, относящимся к нашей человеческой жизни. Однако для нас является непосильным моление о мире и о всем человечестве, какова была молитва Христа во тьме Гефсиманского сада. Наше сердце ограниченно, как и наше сознание. Оно едва вмещает молитвенную память о тех немногих, которые даны нашей молитвенной любви и попечению. О них мы молимся всякою молитвою и прошением, сознавая не только всю свою ограниченность, но и всю единственность их значения. Ее приносим самому Христу, предлежащему нам во святых Своих Дарах. И эта молитва — мы опытно это знаем — особым огнем, который принес Христос на землю, зажигает наше сердце. Эта потребность запечатлеть нашу любовь в молитве выражается и внешне в поименном поминовении как живых, так и умерших, которому дается особое место в чине проскомидии. Таким образом в трепетной памяти молитвенного сердца связуется в некоторое единство вся наша жизнь во всем многобразии ее нужд и событий. Конечно, при этом нам следует различать, о чем уместно и достойно молиться, да не уподобимся *язычникам, молясь, говорящим лишнее* (ср.: Мф. 6, 7), однако своей молитвой мы питаем и любовь свою. Молитесь о близких и дальних, о любящих и враждующих, и через то соткется тайная ткань взаимной любви нашей пред лицом Господним. И эта наша любовь срастворяется с любовью к нам Господа нашего, нас ради, человек, сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого. Аминь.

Протоиерей Сергий БУЛГАКОВ

1941 год

Святитель Григорий Богослов

Мысли, писанные двустишиями

Кто полагается на преходящее и приходящее, тот вверяется потоку, который не стоит на одном месте.

Для меня равно худы и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь и другое.

Вы, на кого в сей жизни наложил свои узы честный брак, приложите ума, как бы вам больше плодов внести в небесные точила.

А вы, невесты девы, приявшие во объятия свои Слово великого Бога, старайтесь в дар Богу принести все.

Оскорбительно для веры не в сердце ее иметь, но поставлять в каком-нибудь свете. Краску нетрудно смыть, а я люблю то, что проникло в глубину.

ОБРАЩЕНИЕ
Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к молодежи

Дорогие мои!

Мне 62 года. Вам — приблизительно в три раза меньше. Очевидно, что вам придется жить в мире, который будет сильно отличаться от того мира, в котором я прошел всю свою жизнь — за исключением оставшегося и самого сложного для меня отрезка. Общество, в котором будете жить вы, будет более жестким. Я надеюсь, в нем будет меньше внешнего, государственного принуждения. Но оно само будет принуждать вас к действию, выбору, непрестанной активности, к борьбе за выживание и успех. А бремя свободы всегда жестко, всегда трудно.

Общество, в которое вы войдете (или в которое введут вас), будет небывалым в истории. Это не похвала ему. Это — предостережение вам. Дело в том, что впервые общество конкурентной экономики будет создаваться в условиях духовной разрухи. Общество рыночного хозяйствования в Европе возникло в среде строгого протестантского пуританизма, который давал моральную и религиозную оценку хозяйственной и социальной деятельности человека. В свою очередь, Католическая Церковь, вышедшая из контрреформации более сильной, нежели она вошла в нее, помогала человеку избавиться от экономической «одномерности», напоминала ему, что и он и другие прежде всего чада Божии и лишь затем предприниматели или работники. Это и много других необходимых духовных напоминаний может дать людям и наша Русская Православная Церковь. Но многие ли готовы услышать нас?

Надо ли кого-то убеждать сегодня, что даже за годы перестройки наше общество не стало в целом более духовным. Есть люди — и их, слава Богу, немало,— которые действительно смогли всерьез соприкоснуться с миром христианства и стали мягче, глубже, серьезнее. Но много ли их вы видите среди своих друзей и готовы ли вы сами всерьез прислушаться к их суждениям?

Сегодня у нашего общества, по сути, нет общенациональных ценностей, а у людей, творящих новый образ жизни, нет религиозных вдохновений. Поэтому, боюсь, тяжким катком прокатятся перемены — необходимые и неизбежные перемены — по очень и очень многим судьбам. В том числе и вашим. Дай Бог вам мужества и терпения, умения самим переносить невзгоды, а главное — дай вам Бог умение замечать, когда вы сами причиняете боль другим.

Вы будете жить в новой России. В той России, которая сейчас уходит, в России коммунистической мы не только многое теряли, но нечто и приобретали. В частности, в условиях, когда внешняя, общественная активность была опасна, когда государство обжигало холодом, люди особенно учились дорожить теплом человеческого общения, теплом семейной жизни, учились мудрому умению жить миром своей собственной души. Люди боялись открываться всем, но зато до конца раскрывались перед немногими близкими. Люди испытывали голод правды и нехватку информации, но зато всей глубиной души честно переживали каждую крупицу правды.

Как я хотел бы, чтобы честность перед самим собой, перед Истиной, а также эта человеческая душевная теплота были наследованы и вами в том мире, где будете жить вы.

Я — монах, и у меня нет семьи и нет детей. Но я знаю, ради чего я отказался от этой величайшей земной радости. Можно отказаться от любви к одному человеку и к тем, кто появляется на свет как плод этой любви, ради другой, большей любви — любви к Богу, ради призвания, ради возможности всецело посвятить себя служению всем людям. Но мне чрезвычайно горько видеть, как много молодых людей сегодня отказываются от детей ради совсем иных, абсолютно несоизмеримых целей — ради житейского благополучия. И не просто отказываются от детей, а убивают их, не дают им даже родиться, убивая их в материнском чреве... Мир, в который вы вступите, может стать миром нераскаянных убийц, убийц, которые даже не поняли, что они совершили, на что они дали согласие.

Христианство говорит, что человек приходит в мир для того, чтобы после него мир

стал хоть чуть-чуть светлее и добрее. Христианство говорит, что человек приходит в мир, чтобы дарить, а не чтобы потреблять. И прежде всего человек должен дарить самого себя. Боюсь, что сегодня человек воспитывается так, что он воспринимает самого себя как некое единое «чувствилище», услаждению которого должен служить весь окружающий мир. Я должен предупредить, что христианство иначе видит место человека в мире. Вспомните Распятого Христа, вспомните, как Он возлюбил мир. Или вспомните слова Пастернака о человеческой жизни: «Жизнь ведь тоже только миг, только растворенье нас самих во всех других как бы им в даренье».

Быть христианином трудно. Но именно христианство омолодило мир. Да, в Православии чрезвычайно много значат старцы, умудренные опытом духовные руководители. Но если кому из вас выпадет радость общения с подлинно духовным священником, со старцем, вы увидите, сколько молодости, сколько радости, света, внутренних сил и мира живет в нем. *Я пришел для того,*— сказал Христос,— *чтобы имели жизнь и имели с избытком* (Ин. 10,10). И если молодость — это символ полноты жизни, то христианство — это поистине путь молодых.

Пусть вас не смущает то, что в наших храмах больше старушек, чем молодых. В Церкви есть место и для вас. И в вашей душе, в душе каждого из вас есть место, которое создал Бог для того, чтобы Ему Самому пребывать в вас. И если это место будет заполнено Богом Живым, а не идолами, в том числе идолом самолюбия и попечения о собственном благополучии, то в вашей душе вы обретете и мужество, чтобы перенести тяготы завтрашнего дня, и милосердие, чтобы их смягчить, и любовь, чтобы не бояться людей, нуждающихся в вашей заботе. Избави вас Бог от себялюбия и дай вам Бог дух молитвы!

Я — священнослужитель. Но пусть вас не вводит в смущение то, что священники ходят в черных одеждах. Радость о Боге и о спасении человека мы носим в наших сердцах, ибо не напрасно сказано Спасителем: *Да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна... не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается* (Ин. 15,11; 14,27). Цвет наших одежд оттеняет чистоту нашей радости, ее отличие от того, чем может насытить человека обезбоженный мир.

И если в вашей жизни вы однажды почувствуете, что в глубине вашего сердца есть пустота, которую не может заполнить ничто из того, что вам встретилось в мире, вспомните, что есть Христос, что есть Церковь, которая свидетельствует о себе словами Апостола: *Нас почитают обманщиками, но мы верны, мы неизвестны, но нас узнают, нас почитают умершими, но, вот, мы живы, нас наказывают, но мы не умираем, нас огорчают, а мы всегда радуемся, мы ничего не имеем, но всем обладаем. Уста наши открыты к вам, сердце наше расширено* (11 Кор. 6, 8—10).

С любовью, надеждой и тревогой за вас

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

28 июня 1991 года

Брошенные дети — Божьи дети

Уже на первом собрании мирян, пожелавших образовать общество православного просвещения «Живой колос», зимой 1990 года обнаружилось разделение по духовным потребностям. Одни стали посещать кружок религиозного самообразования «Христианские чтения», другие предпочли деятельное милосердие. Оказалось, что у некоторых уже есть опекаемые старики и немощные инвалиды. Другие впервые перешагнули порог дома престарелых в Антавиляй, чтобы стать его постоянными посетителями.

Нина, например, стала заботиться о живущей неподалеку слепой пожилой одинокой женщине: она топит печь в промозглом полуподвальном ее жилище, помогает по дому, собирает ее белье в прачечную и думает о том, что Господь порой ослепляет очи, чтобы человек прозрел сердцем.

Своих взрослых дочерей Нина старается приучать к церкви, невольно вспоминая далеко не всегда успешные подобные усилия отца по отношению к ней самой. Сердца дочерей тронули брошенные дети, которых усилиями «Живого колоса» крестили в Вильнюсском Пречистенском кафедральном соборе. Когда Нина стала крестной матерью 6-летнего Ивана, ее взрослые дочери превратились в его заботливых сестер. Обе помогали привезти детей из детдома № 12 на рождественский утренник, устроенный народным театром «Аушра». Еще 20 ребятишек захватили из подшефного детдома № 2. Их еще весной окрестили в церкви Архангела Михаила.

С каким удивлением, с какой радостью детишки смотрели сказку про Щелкунчика, а потом водили хоровод. Подарки, которые им вручили на елке, собрали сердобольные слушатели воскресной школы Знаменской церкви и их дети. Вскоре они пригласили сирот на

свой утренник, где показали обширную программу о Рождестве Христовом с пением и стихами, с загадками, лотереей и угощением.

Вскоре после святок в Пречистенском соборе крестили еще одну группу сирот. Исполнившись сочувствием к брошенным детям, прихожане Знаменской церкви вызвались быть восприемниками.

Маргарите достался Эдик, которому совершавший крещение настоятель собора архимандрит Давид дал имя своего святого. Приобщившийся Святых Таин новый член Церкви, маленький Эдик-Давид, нагруженный гостинцами и благословленный иконкой Пресвятой Богородицы, отправился в гости к крестной матери и ее семье.

— Это какой-то необыкновенный мальчик,— умилялась потом Маргарита.— От своих детей мы с мужем, кажется, не видели столько ласки и доброты, сколько от него.

Вот эти два важных дела стараются совместить опекуны «Живого колоса»: привести ребенка в Церковь и в свою семью.

— Когда я стою рядом с Танечкой на литургии,— рассказывала Анна Михайловна,— то чувствую, как для нее соединяются воедино понятия «мать» и «церковь». Мне кажется, теперь она навсегда поймет и запомнит, где в этой жизни можно обрести истинную любовь.

Танечка уже первоклассница. Все лето Анна Михайловна с дочерью Лейлой, воспитательницей детсада, занималась с крестницей на даче, готовила ее к школе. Девочка попала в так называемую вспомогательную школу-интернат, где содержатся заторможенные дети с «неадекватным поведением». Четырехлетнюю программу они осваивают за девять лет. «Таня — тяжелый ребенок, по глазам вижу,— сообщила новая воспитательница Анне Михайловне при первой же встрече.— Из таких выходят проститутки и наркоманки.» В шоковом состоянии Анна Михайловна покинула интернат и, когда оправилась от потрясения, решила воевать за крестницу. Потребовала в гороно, чтобы пересмотрели распределение Тани. Новая комиссия была более милостива к девочке, определив ее в школу-интернат для нормальных детей.

Уже к середине первого класса Таня научилась бегло читать и считать. Все выходные и праздники она проводит у Анны Михайловны и Лейлы. На рождественском утреннике Таня встретилась с друзьями-детдомовцами. Те не узнавали прежнюю Таню и, наверное, думали, что ее сияющий вид происходит от елочных блесток в волосах, и всем хотелось таких же...

Удочерить крестницу Анна Михайловна не решается, но, возможно, последует совету оформить опекунство. Эту свободную, но и обязывающую форму заботы о чужом ребенке собирается избрать и чета Карловых. Когда в их семью вошла четырехлетняя крестница Анюта, их единственный сын перестал просить собаку и сделался самым заботливым, любящим покровителем черноглазой проказницы. Родители, глядя с какой готовностью мальчик отказывается от своих удовольствий ради Анечки, лучше поняли сказанное в Евангелии: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Вспомнили и призыв великой княгини Елизаветы Федоровны открыть свои души, чтобы божественное солнце милосердия их согрело. Вспомнили читанные где-то ее слова: «Мы живем так часто для себя, что делаемся близорукими и проходим со своими горестями мимо чужих скорбей, не понимая, что делить свое горе — это его уменьшить, а делить свою радость — это ее увеличить».

Вот наследие от Господа: дети...— говорит Псалмопевец (Пс. 126, 3). Зою Господь сподобил стать матерью близнецов, теперь уже самостоятельных взрослых людей. И надо же было такому случиться, чтобы крестниками Зои тоже оказались двойняшки. Она брала их с собой на концерт воспитанников Знаменской воскресной школы. Трудно было усидеть малышам среди публики, когда их крестная пела в хоре, а потом выступала с сольным номером, исполняя *Иже херувимы...*

Опекуны из «Живого колоса» общаются с крестниками в зависимости от своего свободного времени, свойств характера и от того, как каждый понимает свою роль восприемника. Глубоко верующие водят детей только в церковь, более светские считают, что можно ходить и в детское кафе «Никштукас», и на театральный спектакль. Одни привязываются только к одному-единственному крестнику и берут его домой регулярно, другие приглашают к себе по очереди троих ребятишек, некоторые вспоминают о детях только по праздникам. Есть и такие, кто после крещения в церкви забывает о них. Ребенок же помнит и ждет, что когда-нибудь и его осчастливят, как других.

Отношение к сиротам выделяет не только степень человеческой доброты, но и силу веры, ибо *человек оправдывается делами, а не верою только* (Иак. 2, 24). Сердобольные старушки, узнав, что в храме сироты, отрывают от жалкой пенсии рубли — на орешки детям. Они-то знают завет праведного Иоанна Кронштадтского: «Милостыня есть благодеяние прежде всего тому, кто ее подает». Благодетели из некоего кооператива привозят в детдом к Рождеству два ящика отборных яблок. Давняя прихожанка Романовской церкви передала школе-интернату 500 томов домашней библиотеки. Ученики одной вильнюсской школы, посещающие факультатив по православному вероучению, показали подготовленную к Рождеству Христову художественную программу воспитанникам детдома № 12. А какой для всех был праздник, когда священник Николай Устинов с хором церкви Архангела Михаила отслужил молебен и освятил помещения, где дети спят, обедают, играют!

Сейчас мы учимся благотворительности на примерах великой княгини Елизаветы Федоровны, матери Марии, матери Терезы, листая старые журналы. Узнаем, что в Вильнюсе с 1596 года существовало православное Свято-Духовское братство, в Каунасе — Свято-Никольское, главной задачей которых, как и всей Церкви, была благотворительность как форма жизнедеятельности каждого христианина, каждой православной общины, каждого храма. В журнале «Вестник Виленского православного братства», издававшемся в прошлом веке, можно прочесть об открытии лавки для бедных в улочке у Святых ворот, о приюте для престарелых женщин в Снипишках, о торжественном открытии на Зверинце при приходе Знаменской церкви приюта имени отца Иоанна Кронштадтского. Перед Пасхой в журнале появлялись длинные списки жертвователей на нужды убогих и сирот.

В наше время на Западе проблема покинутых детей решается путем так называемой адаптации их в нормальных семьях, которым государство выплачивает регулярные и немалые пособия. (Вряд ли их общая сумма превышает огромные средства, которые советское государство тратит на детдома и интернаты.) В Канаде проблема сирот решена именно способом адаптации. В Австрии, ФРГ, Швеции, Югославии, Венгрии, Польше и других европейских странах сироты воспитываются

в семейных детских домах, образующих целые деревни.

В Литву идею семейного детского дома привез вернувшийся из Рима монсеньор Витаутас Казлаускас. По существу он стал руководителем литовской инициативной группы «SOS — дети». Семейный детский дом возглавляет женщина, посвятившая себя чужим детям во имя Божие. Она проходит экзамен на педагогическую грамотность и духовную зрелость. 6-8 детей разного возраста живут в семье до совершеннолетия и до приобретении специальности помогают по хозяйству, нянчат малышей, как это бывает в обычных семьях. Каждые десять таких домов становятся деревней «SOS — дети» — с общими мастерскими, огородами, хозяйством и т. п. В Литве такие деревни должны появиться в Каунасском районе, Плунге, Новой Вильне.

Под Мариямполем, на хуторе Авикелю, который завещала литовским сиротам сестра монсеньора Казлаускаса монахиня Альбина, уже начал действовать детский дом нового типа. Его оборудованию и финансированию помогли городские власти, республиканский Детский фонд, общество женщин-католичек «Каритас», католическое священство, соседние земледельческие хозяйства. Сироты получат здесь религиозное воспитание и трудовые навыки. Австралийское сиротское братство хочет помочь построить в Авикелю часовню.

В Литве идет постепенный процесс преобразования прежних учреждений в дома, где не будет разрушаться личность маленького человека, не будет травмироваться его сознание. На встрече «Живого колоса» с членом литовской инициативной группы «SOS — дети», заведующей отделом Министерства просвещения Эляной Кубилене мы говорили, что в деревне «SOS — дети» могут быть и русские, и польские дома.

Сегодня благотворительность тесно сплетена не только с социальными, но и с национальными проблемами. Преобразуется детский дом № 2, где всего две русские группы — те, что опекаются «Живым колосом». «В доме должны говорить на одном языке»,— считает его директор. Судьба русских групп еще окончательно не решена. Переведут ли этих детей в другой детдом полностью или развезут по разным — неизвестно. В любом случае им предстоят перемены, лишающие их привычной обстановки и душевной привязанности к воспитателям, которых они называют «мамами». Психологи утверждают, что детское сердце не выдерживает многократных и неразборчивых замен «мам» и постепенно лишается веры в доброту человеческую, надежды на прочные чувства.

Опекуны из «Живого колоса» желали бы предотвратить катастрофу разрыва образовавшихся сердечных связей, продолжить религиозное воспитание уже нечужих им детей. Это осуществимо, если детей объединить в православном приюте нового типа, где главное внимание будет уделяться духовному развитию маленьких христиан. Анна Михайловна с Лейлой, Нина со взрослыми дочерьми, музыкант-педагог Зоя, учитель труда Владимир Николаевич и другие верующие готовы ради Бога отдать сиротам свои силы и умения, поделиться с ними любовью и душевным теплом.

«Живой колос» заключил договор с литовской группой «SOS — дети» о сотрудничестве и взаимопомощи и обратился к городским властям с просьбой предоставить помещение для православного приюта.

И. АРЕФЬЕВА

Семинар в Москве по созданию детских садов при приходах

31 мая 1991 года в помещении воскресной школы в Свято-Даниловом монастыре состоялся семинар по проблемам устройства детских садов при приходах и братствах Русской Православной Церкви. Инициаторами его проведения стали Отдел внешних церковных сношений и Отдел по религиозному образованию и катихизации Московского Патриархата. Цель семинара — подготовить рекомендации для приходов по созданию детских садов и разработать программы религиозного воспитания и просвещения детей в них. В семинаре участвовали представители детских учреждений, руководители детских садов, воспитатели, представители братства во имя равноапостольного святого князя Владимира, заведующий сектором катихизации и религиозного просвещения священник Глеб Каледа, представитель ОВЦС О. В. Ганаба. С докладом о перспективах детских садов при приходах и братствах выступил священник Глеб Каледа. Информацию об опыте работы детских садов в Католической Церкви Германии подготовила О. В. Ганаба. Представитель Свято-Владимирского братства Владимир Ященко сообщил о деятельности детского центра при московском Свято-Константиновском храме. Он ознакомил собравшихся с проектом устава детского сада и программой воспитания. Затем о религиозном воспитании в государственном детском саду рассказала И. В. Лисовская из Смоленска. Подводя итоги семинара, священник Глеб Каледа сформулировал дальнейшие задачи по выработке программы религиозного воспитания. Было решено при Отделе религиозного просвещения и катихизации создать группу, занимающуюся этими проблемами. Решено провести до начала общецерковной консультации по проблемам религиозного просвещения еще один подобный семинар.

Хроника

20 мая 1991 года состоялся съезд православной молодежи Калининградского благочиния Смоленской епархии. Работу съезда возглавил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. В ходе дискуссий обсуждались вопросы приобщения к Церкви детей младшего возраста, участия молодежи в служении милосердия, восстановлении храмов и памятников культуры, катихизации и духовном просвещении, других областях современной церковной жизни, а также организации паломничеств и экскурсий.

Первая за годы советской власти выставка православных церковных облачений состоялась в Харькове. Экспонаты предоставлены митрополитом Харьковским и Богодуховским Никодимом из своей коллекции, собранной в Иерусалиме, Аргентине и на Украине.

На учредительном собрании общества «Советский Союз — Южная Африка». 26 июня в Москве, в помещении МГУ, прошло собрание представителей научных, учебных и культурных учреждений, общественных и религиозных организаций, промышленных и финансовых предприятий, принявших решение создать общество «Советский Союз — Южная Африка».

Общество, согласно его уставу, намерено содействовать развитию взаимопонимания и разносторонних связей между народами Советского Союза и Южной Африки, в которой начался демонтаж режима апартеида. Общество будет действовать с учетом позиций мирового сообщества, отраженных в резолюциях ООН. Присутствовавшие на учредительном собрании выразили надежду, что их намерение развивать связи в сферах культуры, науки, экологии, экономики и информации найдет положительный отклик как в Советском Союзе, так и в Южной Африке.

На учредительном собрании присутствовал, выступил и был избран в Совет Общества заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений протоиерей Виктор Петлюченко.

Визит Предстоятеля Финляндской Церкви

С 3 по 6 мая 1991 года в Москве с официальным визитом находился Предстоятель Финляндской Автономной Православной Церкви Высокопреосвященный Архиепископ Карельский и всей Финляндии Иоанн. Это его первый официальный визит в Москву после интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, внесшего, как известно, большой вклад в развитие братских отношений с Финляндской Православной Церковью, будучи в сане митрополита на Эстонской, а затем Ленинградской кафедрах.

4 мая Святейший Патриарх Алексий принял Предстоятеля Финляндской Православной Церкви и сопровождавших его протоиереев Оли Бергмана и Вейкко Пурмонена в своей резиденции в Даниловом монастыре. Со стороны Русской Православной Церкви в беседе принял участие также епископ Истринский Арсений. Во время беседы, прошедшей в атмосфере братства и христианской любви, Святейший Патриарх Алексий, в частности, отметил:

Один из приоритетов нашей деятельности — укрепление всеправославного единства. Сегодня это, как никогда, необходимо. Некоторые из Православных Церквей переживают сейчас те или иные трудности. Но апостол Павел говорит: *страдает ли один член — страдает все тело* (1 Кор. 12, 26). Поэтому в трудностях, с которыми сегодня приходится сталкиваться в условиях экспансии католицизма и унии, а также крайних направлений протестантизма, все православные должны быть вместе.

4 мая Архиепископ Иоанн посетил также Троице-Сергиеву Лавру, совершил всенощное бдение в Троицком соборе московского Свято-Данилова монастыря. 5 мая Святейший Патриарх Алексий в сослужении Архиепископа Иоанна, епископов Филадельфийского и Восточно-Пенсильванского Германа (Американская Автокефальная Православная Церковь), Истринского Арсения, Подольского Виктора, Магаданского и Камчатского Аркадия

совершил Божественную литургию в Богоявленском патриаршем соборе. В слове после литургии Святейший Патриарх сказал:

Господь наш Иисус Христос, основавший Церковь Свою и премудро ведущий Ее сквозь века, да благословит прибытие Ваше в наш первопрестольный град. Сегодня Вы можете разделить с нами радость по случаю обновления нашей церковной жизни во всех ее сферах. Вы можете стать свидетелем открытия множества храмов, десятков монастырей, возрождения духовного образования. В то же время с глубоким прискорбием сообщаю Вашему Высокопреосвященству, нашим гостям о негативных факторах, причиняющих Русской Православной Церкви боль и нарушающих мирное течение ее жизни. К ним относятся проявившиеся в последнее время экспансия Римско-Католической Церкви, антихристианские действия униатов и автокефалистов на Украине, самоуправные и антиканонические поступки так называемой Русской Зарубежной Церкви. Мы ценим братское сочувствие Поместных Православных Церквей и глубоко благодарны за поддержку и понимание наших проблем, которые стали общеправославными.

Ныне, как никогда, важно всеправославное единство. Мы убеждены, что встреча предстоятелей Поместных Православных Церквей укрепляет наше единство во Христе, содействует нашему общехристианскому деланию.

Мы воссылаем благодарение Подателю всех благ Господу за дарование тесных уз братства и любви Финляндской и Русской Православным Церквам. Мы убеждены, что эти узы служат не только их благу, но и способствуют дальнейшему укреплению дружбы, добрососедства между нашими странами, исторические судьбы которых тесно переплетены. Мы дерзновенно верим, что вместе с нами об этих добрых отношениях молятся и святители Московские, и великие подвижники русского Севера и Карелии: преподобные Сергий и Герман Валаамские, Арсений Коневский, Трифон Печенгский, Александр Свирский и многие другие.

Пользуясь благоприятной возможностью, мне хотелось бы выразить Вашему Высокопреосвященству сердечную благодарность за отеческое отношение к церковным чадам, проживающим в Финляндии, но пребывающим в юрисдикции Московского Патриархата и являющимся живой связью между нашими Церквами.

От имени Русской Православной Церкви, предстоящих и молящихся в этом святом соборе я с любовию приветствую Ваше Высокопреосвященство с предстоящим днем Вашего тезоименитства, от души желаю Вам доброго здравия, спасительного служения Церкви Божией и на духовную память прошу принять Вас пасхальное яйцо как символ жизни, а также панагию и крест.

Ответное слово произнес Архиепископ Иоанн:

Ваше Святейшество, дорогой во Христе Брат! Дорогие во Христе братья и сестры, Христос воскресе! Я привез вам сердечное привет-

ствие от ваших братьев — христиан Финляндской Православной Церкви. Нас объединяет очень многое, и прежде всего наша общая вера: границы разделяют, а она объединяет. Святые отцы говорили о «мосте молитвы», соединяющем разные островки. Наше молитвенное общение является таким же мостом. Я хочу подчеркнуть это видимым образом и преподнести Вам икону, специально написанную в Финляндии для сегодняшнего события. Я надеюсь, что молитвы преподобных Сергия и Германа Валаамских всегда будут сопутствовать Вашему Святейшеству в трудах на благо Святой Церкви и России.

Архиепископ Иоанн также вручил Святейшему Патриарху Алексию награду Финляндской Православной Церкви — орден Святого Агнца.

После Божественной литургии Патриарх Алексий дал в честь гостей обед, за которым в приветственном слове высоко оценил отношения между Финляндской и Русской Православными Церквами. Обращаясь к Архиепископу Иоанну, Патриарх, в частности, сказал:

Ваше Высокопреосвященство! Воистину исполнились слова, произносимые во время Божественной литургии: «Христос посреде нас! — И есть и будет!» Как хорошо и как приятно жить братии в мире! Благодарим в Троице славимого и поклоняемого Господа, сподобившего нас сотворить эту встречу — новое свидетельство добрых отношений между нашими Церквами и народами.

Архиепископ Иоанн, в свою очередь, подчеркнул следующее: «Российский Патриарх никогда не считался в православной Финляндии иностранцем. Начавшаяся в вашей стране перестройка дала больше возможностей для совместного сотрудничества в новых формах. Это позволило открыть новые связи между вашими епархиями и нами.

Возвращение Русской Православной Церкви Преображенского Валаамского монастыря вызвало духовный взрыв в Финляндии. Мы испытываем радость, что в эту обитель возвратились монашествующие и что они находятся в прямом подчинении Вашего Святейшества. Я думаю, что своими скромными силами мы сможем помочь возвратить монастырю былую славу».

В беседе за трапезой затрагивались также вопросы развития советско-финских отношений в области культуры и роль Церкви в этом процессе. Разговор коснулся и развития прямых контактов между финскими приходами и приходами нашей Церкви — особенно в Олонецкой и Таллиннской епархиях. 5 мая Архиепископ Иоанн встретился также с председателем Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом. 6 мая Предстоятель Финляндской Церкви и сопровождавшие его лица отбыли на родину.

* * *

Предстоятель Финляндской Православной Церкви Архиепископ Карельский и всей Финляндии Иоанн согласился ответить на несколько вопросов корреспондента «Журнала Московской Патриархии»:

— Ваше Высокопреосвященство! Не могли бы Вы рассказать о целях Вашего первого официального визита в Москву?

— В Православных Церквах есть обычай, согласно которому, если в одной из них вступает в права новый Предстоятель, Главы других поместных Церквей прибывают к нему с визитом, чтобы обменяться приветствиями и еще раз засвидетельствовать продолжение добрых братских отношений. В этом и состоит причина моего визита. Самое главное — подтвердить, что между нашими Церквами будут продолжаться и укрепляться такие добрососедские отношения.

— Как бы Вы могли оценить сегодняшнее состояние отношений между Финляндской и Русской Православными Церквами? Каковы очередные задачи их дальнейшего развития?

— Отношения между нашими Церквами развиваются, безусловно, успешно. И теперь надо стремиться, на мой взгляд, к тому, чтобы впредь эти отношения ширились не только на уровне визитов Предстоятелей, но и в других сферах церковной жизни: между приходами, духовенством, например через обмен творческим опытом церковных хоров, через сотрудничество христианских молодежных групп. В этом случае отношения между нашими Церквами могли бы быть еще глубже. И я считаю, что в прошедшем 1990 году мы уже начали сотрудничество именно на этих уровнях. (В 1990 году группа молодых христиан из финского Союза православной молодежи помогала в реставрации Валаамского монастыря, состоялось несколько взаимных визитов приходских хоров и тому подобное.— *Ред.*)

Долг каждого Предстоятеля Церкви — заботиться о христианском единстве, но от конкретного человека зависит, как именно это будет осуществляться. В своей речи на приеме Патриарх Алексий особо подчеркнул значимость христианского единства, поиск новых форм сотрудничества для нормального течения внутренней жизни Церкви. Об этой позиции свидетельствуют и дела, например успешное начало нашего сотрудничества в области церковного образования.

— У Финляндской и Русской Православных Церквей общее прошлое, но в XX веке их бытие протекало в различных внешних условиях. Пастве нашей Православной Церкви, безусловно, были бы интересны многие аспекты опыта социального служения Финляндской Церкви, а ей, в свою очередь, вероятно, были бы интересны те или иные аспекты опыта Русской Православной Церкви. Каковы, на Ваш взгляд, эти аспекты взаимного интереса, способные послужить полем для сотрудничества и взаимообогащения?

— Трудно сказать сразу. Хотя вы абсолютно правы в том, что в социальной работе, проводимой нашими Церквами в новых политических условиях, есть много интересных новых форм внебогослужебной деятельности. Это различные приходские кружки, молодежные (и, наоборот, «пожилые») рабочие группы, летние молодежные лагеря и тому подобное. Для финских приходов, особенно городских, все эти формы стали уже традиционными.

В Русской Православной Церкви мы видим прежде всего богатый, накопленный веками опыт молитвенной жизни, базирующийся на развитом институте монашества. В этой стороне церковной жизни мы, безусловно, нуждаемся. Финские монастыри невелики, возникли сравнительно недавно в трудных внешних условиях, и им в известном смысле сложнее претендовать на роль «университетов благочестия», чем обителям в России, существующим давно и накопившим большой духовный опыт. Таким образом, мы нуждаемся в определенной духовной поддержке для своего собственного возраста-

ния, а ее мы можем получить в Русской Православной Церкви, в ее веками намоленных монастырях.

— Что бы Вы могли сказать о проблеме сохранения церковного единства, вставшей с новой остротой из-за антиканонических действий Русской Зарубежной Церкви, а также униатской и «автокефальной» Церквей на Украине?

— В данном случае эта проблема возникла на политической, а не вероучительной почве, а значит, и для ее разрешения придется сделать гораздо больше, чем просто найти догматические объяснения и аргументы: к ним нужно добавить историко-политический подход. Униатский вопрос не принадлежит к числу разрешающихся усилиями какой-либо одной стороны за одну неделю или за две, ведь эта проблема существует уже несколько столетий. Предпринимая те или иные усилия, стоит об этом помнить.

Проблемы одной Поместной Церкви, безусловно, являются проблемами и всех остальных братских Церквей, всего православного мира. Но среди них есть значительная группа, к которой относятся те проблемы, которые разрешаются только в результате смены местных условий и на которые не может повлиять каким-нибудь образом международное церковное общественное мнение. Добрая воля всех участвующих в конфликте сторон — только она может положительно повлиять на разрешение спорных вопросов в этих случаях. И конечно, нельзя использовать ни в каких формах силовые методы преодоления конфликтов.

Е. ВИКТОРОВ

Богословско-практические семинары СИНДЕСМОСа

В рамках двусторонних русско-американских отношений по линии СИНДЕСМОСа — Всемирного братства православной молодежи — 10—11 мая 1991 года в Ленинградской Духовной Академии состоялись богословско-практические семинары по вопросам религиозно-нравственного образования молодежи, успешно завершившие большую подготовительную работу.

Группа из 16 активных членов Лиги греческой православной молодежи США во главе с вице-президентом СИНДЕСМОСа архимандритом Никитой (Лулиасом) прибыла в Ленинград, чтобы рассказать о своей деятельности в области религиозного образования, организации воскресных приходских школ и работы с молодежью, а также поделиться своим опытом православной катихизаторской деятельности и евангелизации.

Участников семинара никто не выбирал и не назначал: на семинар приглашались все интересующиеся и желающие. В его работе приняли участие студенты и преподаватели Ленинградских Духовных школ — члены СИНДЕСМОСа, а также преподаватели, руководители и координаторы воскресных приходских школ городских приходов Ленинградской митрополии, еще не вступившие во Всемирное братство православной молодежи.

На семинарах обсуждались следующие темы: «Религиозное образование детей», «Религиозное образование взрослых», «Религиозное образование молодежи», «Подготовка молодежи к браку и семейной жизни», «Секты», «Служение священника больным», «Служение заключенным в тюрьмах». Сообщения сопровождались активными дискуссиями участников семинара.

В ходе работы гости из Америки использовали привезенные с собой в большом количестве православные богословские и религиозно-нравственного содержания книги на русском языке, материалы, наглядные пособия, учебники, методические разработки по православному религиозному образованию.

Сообщения на тему «Религиозное образование детей» представили Барбара Паппас, автор книг по религиозному образованию детей и член нескольких епархиальных комиссий, связанных с вопросами религиозного образования молодежи, и Амелия Саллас, директор приходской школы и член епархиальной комиссии по религиозному образованию.

Исходя из реалий жизни в США, одной из характерных особенностей которой является окружение инославного большинства, авторы утверждают, что юный член Православной Церкви в Америке должен как можно раньше определиться и утвердиться в своей православности. В соответствии с этим одной из основных целей обучения в религиозных школах является, во-первых, раннее усвоение основ вероучения и, во-вторых, сознательное участие в богослужении.

Изучение церковной жизни, знание и понимание храма, священных предметов, сосудов, священнических одеяний, основных моментов богослужения осуществляются с помощью комплектов наглядных пособий, продуманно и ярко оформленных.

В своем докладе на тему «Подготовка молодежи к браку и семейной жизни» протоиерей Георгий Скулас, автор особой программы «Подготовка к браку», сделал попытку проанализировать данный вопрос с разных сторон.

Отметив, что число разводов в США составляет 40—50 % от числа ежегодно заключаемых браков и превышает уровень разводов в 40-х годах, автор указал на две главные, по его мнению, причины этого явления: большие и быстрые перемены, постоянно происходящие в жизни американцев, а также то, что 80 % заключаемых браков — это смешанные браки или браки, в которых один из супругов неверующий.

Учитывая эти факторы, автор проводит большую и серьезную работу с вступающими в брак молодыми прихожанами. В течение года священник встречается с парами несколько раз. Каждую неделю Великого поста, кроме первой и Страстной, отец Георгий проводит пять встреч, во время которых читаются Священное Писание и сочинения отцов Церкви. Раскрывая им учение Церкви о браке, он подчеркивает мысль о том, что люди, являясь носителями образа Божия, должны сохранять эту святость и стремиться сделать свою жизнь жизнью во Христе, возможной только в Православной Церкви, ибо она ведет единственно правильным путем к осуществлению полноты брака в православном его понимании.

Некоторые из вступающих в брак никогда не присутствовали при совершении Таинства Брака, поэтому священник просматривает с ними видеофильм о венчании, прочитывает и комментирует все молитвы чина венчания и объясняет содержание и смысл Таинства Брака, обсуж-

дает вопросы, связанные с совершением венчания и организацией свадебного торжества.

Во время этих бесед священник выясняет мотивы вступления в брак, старается донести до каждой из сторон их ответственность перед Богом и Церковью, обществом, будущими детьми.

На нескольких последних встречах вступающие в брак обсуждают вопросы семейной жизни с прихожанами, состоящими в браке 20, 30, 40 и больше лет. Супружеские пары с большим стажем совместной жизни делятся своим опытом, дают советы, рекомендации о том, как устроить жизнь семьи наилучшим образом и избежать многих опасностей и искушений в семейной жизни.

После бракосочетания священник продолжает с молодоженами пастырскую работу. Он встречается с ними не реже раза в месяц в семейной обстановке, и разговор идет о христианском воспитании детей, о том, как сделать совершеннее христианскую жизнь.

В результате проводимой отцом Георгием работы на его приходе 99 % пар, вступивших в брак, создают крепкие, счастливые православные семьи.

Сообщение о работе с бездомными и нуждающимися сделал архимандрит Никита (Лулиас). Во введении к своему докладу автор обозначил круг текущих социальных проблем, главной из которой назвал бездомность. Бездомные переживают духовный кризис, отражающий множество серьезных проблем.

При рассмотрении вопроса христианской филантропии автор обозначил Церковь как больницу, всецело исцеляющую человека. При таком подходе важнейшая задача — восстановление образа Божия.

Осознавая свою ответственность, Церковь дает православный ответ. Указав на примеры служения Древней Церкви голодным, больным и нуждающимся, отец Никита подчеркнул, что Русская Церковь имеет святого Иоанна Кронштадтского, жившего в начале XX века, чей пример должен вдохновлять православных людей в России продолжать это служение сегодня. Докладчик считает это служение особенно важным в настоящее время, ибо существует опасность, что широкая благотворительная деятельность инославных, приезжающих в разные страны с гуманитарной помощью, может повлечь за собой и экспансию инославия. Затем архимандрит Никита рассказал о работе, проводимой православными прихожанами Чикагской епархии, многие из которых приносят в храм продукты, медикаменты, одежду из дома для нуждающихся. Высоко оценивая роль благотворительной больницы имени блаженной Ксении (пам. 6 февраля) в Ленинграде, архимандрит Никита выразил уверенность в том, что следующий дом, который создаст Русская Церковь, будет домом для бездомных и голодающих.

Протоиерей Евагорас Константинидес, один из активнейших ветеранов епархиального отдела религиозного образования, сделал сообщение о взаимоотношениях священника с больными.

Докладчик начал свой рассказ с описания психологического состояния человека, попавшего в больницу. Заболевший человек, особенно занимающий высокое положение в обществе, в больнице начинает задавать себе вопрос, что же он сделал неправильно, почему Бог оставил его. Не находя ответа, больной может упасть духом. Священник, навещая его, должен побеседовать с ним, узнать его образ мыслей, духовное состояние. Если больной ропщет на Бога, то пастырь обязан объяснить, что виновник болезни не Бог, но причина ее — в самом болящем. Особенно остро встает подобный вопрос, если тяжелой болезнью заболевает маленький ребенок. На вопрос родителей священник объясняет, что Бог не наказывает ребенка: причиной болезни может быть первородный грех. Грех как непослушание воле Божией онтологически связан со смертью, начало которой есть болезнь. Но Господь любит каждого человека, каждого больного и желает его исцеления. Исцелению тела могут помочь врачи и медсестры, долг священника помочь понять причину заболевания, разъяснить больному, почему тот оказался в таком состоянии, попытаться исцелить его душу и тем самым положить начало выздоровлению.

Священник, идя к больному, представляет в своем лице Церковь. Причиной его посещения должно быть не столько пастырское чувство долга, сколько истинно христианская любовь к страждущим. До своей болезни эти люди по-разному могли относиться к Церкви и ее служителям, и священник должен проявить к больному такую же любовь, какую проявлял к больным сам Господь Иисус Христос.

В беседе могут выявиться многие беспокоящие больного проблемы. Участие священника морально поддержит. Больной, веря в Бога, начинает верить в себя и постепенно преодолевает свой страх, у него появляется надежда на избавление от любой болезни. Докладчик упомянул, что в Византии и Древней Руси очень часто больницы устраивались при храмах и лечение являлось духовным и физическим одновременно. Он привел несколько примеров из своей практики, когда сердечное участие и беседы с тяжелобольными, совместные молитвы и чтение Священного Писания останавливали кровотечения, способствовали физическому выздоровлению.

Докладчик уделил также внимание работе священника с инвалидами детства. Люди, ухаживающие за такими больными, часто теряются, будучи не в состоянии найти слов утешения и ответить на основной вопрос таких людей: кто виновник их мучений и страданий? Отмечая, что вина может лежать на родителях и предках, автор подчеркнул важность того, чтобы инвалиды не вспоминали чужие грехи, а занялись какой-либо деятельностью, и привел пример, когда парализованный человек писал картины, держа кисть во рту.

Сообщение о работе с православной молодежью США сделал отец Димитрий Гордон, директор молодежного отдела Чикагской епархии. Процесс обучения проходит в четырех возрастных группах. В первой группе детям от года до пяти лет преподаются общие понятия о Боге, Церкви, о нравственном поведении. Во второй группе детей 5—10 лет привлекают к церковноприходской жизни. В третьей группе дети 11—13 лет приобретают навыки оказания помощи нуждающимся (больным, бедным, безработным, бездомным, наркоманам и др.). В четвертой группе подростков 14—18 лет подготавливают к устройству жизни в обществе после окончания школы. Старшеклассники обсуждают вопросы и проблемы правильного выбора своего жизненного пути, пытаются осмыслить эти вопросы с христианской точки зрения, ведут дискуссии о нравственных проблемах молодежи: алкоголизме, наркомании, добрачных связях, абортах. Молодежь призывают к участию в делах милосердия и благотворительности.

В процессе обучения детям и молодым людям постоянно напоминают о четырех основных понятиях — состояниях христианской жизни: деятельности, служении, свидетельстве, общении — и о том, как нужно воплощать и выражать эти состояния в приходской и общественной жизни. При этом в каждой группе учителя стараются приучить каждого ученика к мысли о необходимости поддерживать дружеские отношения и

общение со своими православными сверстниками на приходе и в школе для того, чтобы сохранить свою православную тождественность в окружении протестантского большинства.

Разнообразие подходов к вопросу образования молодежи отображается в различных молодежных программах. Для молодых людей от 18 лет и старше организуются клубы православных студентов при университетах (Православное студенческое движение), создаются группы подготовки к миссионерскому служению в разных странах и преподавателей воскресных приходских школ, кружки помощников своему приходскому священнику.

В целях профилактики правонарушений и снижения роста детской и подростковой преступности Православная Церковь работает в тесном повседневном и неформальном контакте с молодежными и другими общественными организациями. В поле зрения — группы риска (наркоманы и алкоголики, молодые автолюбители и др.). Формы и методы самые разные: это и обмен визитами, распространение литературы, беседы, дискуссии, фотовыставки, стенды, театральные представления. Учитывается особенность американских семей рано предоставлять самостоятельность подросткам, им доверяют, полагаясь на их самодисциплину и самоконтроль. В этих условиях Церковь учит молодежь чувству ответственности не только перед людьми, совестью, но главное — перед Богом.

В группе по религиозному образованию взрослых сообщения сделали протоиерей Георгий Никозисин, бывший национальный директор Отдела религиозного образования Греческой Архиепископии Северной и Южной Америки, профессор богословской школы Святого Креста, автор богословских книг, и протоиерей Василий Чиганос, директор специальной программы религиозного образования «АМНОС». В сообщении было отмечено, что методические подходы остаются традиционными, они не меняются так часто, как у протестантов, римо-католиков в связи со сменой Папы, руководства и других обстоятельств.

Отметив, что религиозное образование — это попытка дать ответ на шесть основных вопросов, которые встают при начале занятий: почему, как, что, где, когда, кто, автор указал, что Иисус Христос повелел Своим ученикам просвещать людей: *Идите, научите все народы...* (Мф. 28, 19). Надо учить и родителей, и восприемников. Заботясь о духовном образовании детей, родители должны очень внимательно и ответственно выбирать восприемников для своих детей, и большую помощь в этом может оказать приходской священник.

Священное Писание изучается на основе истории, традиции, культуры, науки с учетом этнических особенностей аудитории. Православные греки не замыкаются в своих общинах. В ходе занятий постоянно приводится мысль о том, что путь к спасению труден, длится от рождения до смерти, но только он и есть высокий смысл бытия. Просвещение учитывает возрастные, профессиональные, бытовые условия семьи и отдельного человека. Православные греки делают все возможное, чтобы помочь формированию потребности в катихизации.

Был сделан краткий обзор истории и основ религиозного образования на примерах палестинского и эллинистического иудаизма, христианского образования во время земной жизни Христа и Нового Завета от первых веков христианства и до наших дней. Отмечая беспрецедентную роль православного религиозного образования в Америке, автор видит отличие православных от инославных не в превосходстве, не в высокомерии, а в том, что он называет православной христанской фронимой (от греч. Φρονημα — воззрение, убеждение, самосознание).

Православная христианская фронима не является чем-то новым. Это путь ранней Церкви, выраженный ее богословием задолго до того, как догматическое учение, символы и каноны были провозглашены и приняты на Соборах.

Когда православные прибыли на берега Американского континента, они в своем большинстве не имели с собой богословских книг и даже Библии, но у них была православная христианская фронима — наследие Священных Писания, Предания, догматического учения и истории, которое они получали как завещание одного поколения другому. Этот патристический термин в трактовке докладчика обозначает позицию, отношение или положение, которое отражает определенный, особый дух, богословское чувство или склад ума. И тогда православная христианская фронима в христианском образовании есть программа, которая утверждает особый дух Священного Писания, Священного Предания, догматического учения и истории, постулирует чувство или склад ума, которые отражаются и осуществляются в литургической жизни человека как в Церкви, так и вне ее. Выделяя во фрониме две стороны: созерцательную, или интеллектуальную, и практическую, или деятельную, автор утверждает, что если в интеллектуальном смысле почти всегда можно дать ответ, то в области практической нужно постоянно осуществлять поиск и делание.

По мнению протоиерея Георгия, религиозное образование может иметь два уровня: один — для семинаристов, другой — для мирян. Для обучения мирян нужны люди, методологически хорошо подготовленные для этой цели, использующие методы Христа, прежде всего притчи и образы. Личность преподавателя может выступать в нескольких ипостасях: мирянин — священник — отец детей — учитель. Учитель не только тот, кто доносит информацию и сообщает знания, учитель — тот, кто, способствуя процессу возрастания, и сам возрастает в Православии вместе со своими учениками.

При религиозном обучении взрослых, считает докладчик, нужно использовать концептуальный подход, то есть вместо передачи содержания учения по частям для различных возрастных групп необходимо давать по возможности полный объем знаний на таком уровне, который соответствовал бы уровню развития каждой группы. В частности, возрастная особенность подростков и выпускников школ характеризуется тем, что для них это период вопросов и сомнений. Замыкаясь в себе, подросток часто предпочитает облегченное понимание религиозной веры, свойственное более раннему возрасту. Считая такой процесс совершенно нормальным, отец Георгий подчеркивает важность определения для подростков правильного направления развития, чтобы помочь им выработать верные оценочные суждения. Большое значение при изучении вопросов творения мира, первого человека приобретают данные геологии, археологии, которые своими последними открытиями подтверждают, что Библия остается достоверным историческим источником.

Сообщение на тему «Служение в тюрьмах» сделали совместно протоиереи Димитрий Гордон, Василий Чиганос и Георгий Скулас.

Господь через Священное Писание призывает людей служить заключенным, гонимым, угнетенным, вдовам, сиротам, слабым; у пророка Исаии (Ис. 1, 10) и евангелиста Матфея (Мф. 25) эти призывы выражены осо-

бенно сильно. Священники часто говорят об этом служении от имени Церкви, но не совершают его серьезно и последовательно. Особенно тяжело приходится заключенным, поскольку каждый из них, как потерянная овца, чрезвычайно одинок, безнадежен, испытывает стыд, бессилие. Священник, призванный продолжить дело Христа, должен прийти к заключенному, чтобы восстановить в нем надежду, привести его к сознанию себя как носителя образа Божия, который в очах Божиих ценнее, чем вся Вселенная. И можно согласиться с Ф. М. Достоевским, который сказал, что о степени цивилизованности нации судят по его отношению к изгнанникам.

Свое служение авторы сообщения осуществляют в нескольких тюрьмах, расположенных неподалеку от их приходов. Обычно среди заключенных очень мало православных, но это обстоятельство не снижает активности православных священников.

Вся обстановка тюрьмы: камеры, решетки, замки, охрана, ограничения передвижения — психологически угнетает заключенных. Поэтому прежде всего священник обязан объяснить, что христианин свободен во Христе и этой свободы не может у него отнять никто. Христианская свобода — это не просто возможность делать выбор, христианская свобода — это свобода делать добро во Имя Божие. Для заключенного священник является посланником Бога, и служение священника состоит в том, чтобы пробудить в человеке совесть, привести его к осознанию своей виновности, духовно поддержать его, удержать от уныния и отчаяния. Для достижения этих целей священник читает совместно с заключенным Библию, раскрывает содержание прочитанного, совершает Таинства Исповеди, Причащения, вместе молится.

Один из авторов доклада — протоиерей Василий начал несколько лет назад особое служение. Он записывает на магнитофонную пленку свои проповеди, духовные беседы и затем рассылает их в тюрьмы заключенным. Через некоторое время отец Василий стал получать письма, в которых заключенные, выражая ему благодарность, просили ответить на некоторые вопросы, прислать православные книги. География и объем переписки возрастали — все большее число заключенных почувствовали реальную заботу и любовь к себе, обеспокоенность их судьбой. В переписку включались неправославные, нехристиане, неверующие заключенные, некоторые из которых изъявили желание стать православными и приняли крещение в тюрьме.

На своем приходе отец Василий подготовил группу молодых людей, начавших посещать тюрьмы и вести с заключенными беседы религиозно-нравственного содержания. Через некоторое время заключенные начинали испытывать потребность участвовать в литургии и Таинстве Евхаристии. К ним приходил священник совершать богослужения и учить. Некоторые заключенные настолько изменились к лучшему, что были досрочно освобождены из тюрьмы. И только тогда священник и его помощники осознали, что главная работа с бывшими заключенными начинается после их освобождения. Основная проблема для освободившихся людей — заново устроить свою жизнь и стать полноценным членом общества. При решении этого вопроса освободившиеся люди ощущают, как по-разному к ним относятся члены церковной общины и члены секулярного общества. Если Церковь проявляет к ним максимальную любовь и заботу, понимая, что Господь принял их искреннее раскаяние и простил их грехи, то общество подходит к ним юридически, не принимая их покаяние, а рассматривая их как бывших преступников, которые должны нести перед ним ответственность.

На заключительном пленарном заседании состоялась дискуссия по темам семинаров, однако разговор вышел далеко за рамки упомянутых тем и выступавшие затронули широкий круг вопросов, волнующих сегодня активных православных людей: экология, общественная нравственность, религиозный синкретизм, допустимость использования видеофильмов в процессе религиозного образования молодежи, расширяющаяся гуманитарная помощь инославных благотворительных организаций гражданам нашей страны. Выступавшие отмечали необходимость для православных более глубокого и свободного знания Священного Писания и святоотеческого наследия. Дискуссия показала, что существуют общие проблемы для православных как в Америке, так и в России.

При закрытии семинаров гости передали в дар приходской школе при Ленинградских Духовных школах свыше ста названий книг, брошюр, учебных материалов, разработок, пособий, методических программ, а также много книг в академическую библиотеку и в библиотеки воскресных школ городских приходов.

На встречах с митрополитом Ленинградским и Ладожским Иоанном и ректором ЛДАиС профессором протоиереем Владимиром Сорокиным гости сделали валютный взнос на нужды митрополии и обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества между православной молодежью в рамках двусторонних отношений по линии СИНДЕСМОСа, совместные благотворительные проекты, нужды церковной больницы имени святой Ксении блаженной, для которой они во время ее посещения передали большое количество медикаментов. Участники встреч предложили проводить подобные семинары ежегодно. Особо обсуждался вопрос издания большим тиражом специальной брошюры о Православии.

Гости смогли ознакомиться с православными святынями Ленинграда, а также осмотрели памятники истории и культуры города. 13 мая в Новгороде гости участвовали в совершении литургии в день памяти святого Никиты Новгородского, посетили Николо-Вяжецкий женский монастырь и другие памятники храмового искусства и культуры.

Для оценки проведенных семинаров, состоявшихся на них дискуссий, да и вообще всей встречи в целом можно привести высказывание главы американской группы архимандрита Никиты, который сказал: «Американские члены СИНДЕСМОСа, каждый из которых участвует у себя дома в работе с православной молодежью, прибыли к своим братьям и сестрам в России, чтобы духовно поддержать их в трудное для них время, поделиться своими знаниями и опытом в области катихизации и евангелизации, объединить совместные усилия в решении обших проблем, оказать материальную помощь митрополии, библиотекам семинарии и приходских школ, церковной больнице. Увидеть нужды Церкви в России для более эффективного продолжения своего служения братьям по вере, чтобы через все это достаточно свидетельствовать единство нашей общей веры, Святого Православия. И СИНДЕСМОС — Всемирное братство православной молодежи — продолжает сохранять свое важное и особое значение как единственная организация в деле устройства и координации всеправославной молодежной работы во всем мире и в служении всеправославному единству и межправославному сотрудничеству».

Священник Сергий РАССКАЗОВСКИЙ,
вице-президент СИНДЕСМОСа

Заседание Координационного комитета Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Поместными Православными Церквами и Римско-Католической Церковью

С 10 по 15 июня 1991 года в Ариччe (Рим) проходило заседание Координационного комитета Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Поместными Православными Церквами и Римско-Католической Церковью.

Основная задача комитета заключалась в том, чтобы на основе трех документов, подготовленных в течение года тремя подкомиссиями, заседавшими: первая — в Риме в декабре 1990 года, вторая — в Риме в марте 1991 года и третья — в Вене в апреле 1991 года, разработать единый. Составленный таким образом текст носит название «Уния как метод единения в прошлом и нынешний поиск полного общения». Речь идет о сложной в историческом разрезе проблеме, возникшей в результате настоящего положения Восточных Церквей, состоящих в общении с Римом. Эта проблема получила новое развитие в связи с политическими событиями, глубоко изменившими ситуацию в Восточной и Центральной Европе. Сложность этого вопроса заключается не только в одном его аспекте — тугом узле богословских проблем, но равно и в очень конкретных жизненных ситуациях. Задача Координационного комитета заключалась в том, чтобы рассмотреть в срочном порядке этот вопрос, дабы диалог между двумя Церквами продолжался в спокойной обстановке и тем самым была подготовлена почва для полного общения между двумя Церквами.

Разработанный в Ариччe документ будет предложен на рассмотрение ближайшего пленарного заседания комиссии, намеченного на 17—26 июня 1992 года. Он состоит из двух частей. В первой изложены попытки определения причин и истоков сложившейся ситуации. Во второй даются предложения, касающиеся как верующих обеих Церквей, так и их Священноначалия.

Основой данного рабочего документа послужило изменение экклезиологии, происшедшее после всеправославных конференций и II Ватиканского Собора, на которых был сделан переход от самоутверждения каждой из Церквей, что именно она является единственной хранительницей спасения, к убеждению, что обе Церкви — Церкви-Сестры. Подобное изменение позиций открыло путь к диалогу любви, правды и искренности.

Заседание возглавили архиепископ Австралийский Стилиан (Константинопольский Патриархат) и кардинал Эдвард Идрис Кассиди, председатель Папского Совета по содействию христианскому единству. От Русской Православной Церкви в работе заседания участвовал игумен Нестор, помощник председателя Отдела внешних церковных сношений. Заседание проходило в духе братского взаимопонимания, давшего его участникам надежду на диалог в будущем.

Ниже публикуется текст рабочего документа, выработанного на заседании.

Униатство как метод единения в прошлом и нынешний поиск полного общения

Начав обсуждать проблему униатства в Вене и Фрайзинге, мы углубили изучение этого вопроса в настоящем документе.

1. Разделение между Восточной и Западной Церквами не только никогда не подавляло желание единства, которого хотел Христос, но часто ситуация, противная природе Церкви, становилась для многих поводом к более живому осознанию необходимости воплощать единство, чтобы быть верными заповеди Господней.

2. На протяжении столетий предпринимались разные попытки восстановления единства. Они были направлены на достижение этой цели разными, в том числе соборными, путями в зависимости от политической, исторической, богословской и духовной ситуации каждой эпохи. К сожалению, ни одно из этих усилий не восстановило полного общения между Западной Церковью и Церковью Восточной, а порой наблюдалось даже ожесточение противостояния.

3. За четыре последних столетия в некоторых регионах Востока инициативы, предпринимаемые изнутри или извне по восстановлению общения между Церковью Востока и Церковью Запада, привели к их частичному сближению, но в то же время к нарушению единства Восточной Церкви, при этом не без вмешательства внецерковных сил. Так родились Восточные Католические Церкви. Отсюда возникла ситуация, ставшая источником конфликта и страданий прежде всего для православных, но также и для католиков.

4. Какими бы ни были намерения и искренность желания оставаться верными заповеди Христа *да будут все едино*, выраженного в попытках единения, необходимо констатировать, что восстановление единства между Церквами Востока и Запада не было достигнуто и сохраняется разделение, ожесточенное данными попытками.

5. Возникшая таким образом ситуация действительно порождает напряжение и противостояние. Постепенно в течение десятилетий, последовавших вслед за этими объединениями, миссионерская деятельность стремилась

вписать в число своих приоритетов усилия по обращению — индивидуальному или групповому — других христиан, чтобы «возвратить» их в Католическую Церковь. Чтобы узаконить эту тенденцию, окрашенную прозелитизмом, развилось — сначала со стороны католиков, а затем в силу реакции со стороны православных — богословское видение, согласно которому каждая из двух Церквей считала себя единственной хранительницей спасения. Постепенно обращение других в свою Церковь стали считать необходимостью спасения. Чтобы обеспечить спасение «разделенных братьев», порой предавались забвению требования религиозной свободы людей и их проявления веры, а к такой перспективе эта эпоха была мало восприимчива, как это явствует из попыток некоторых гражданских властей возвратить восточных католиков в Церковь их отцов. Для достижения этой цели без колебаний использовались не вполне евангельские средства, если такая возможность возникала.

6. Такая форма «миссионерского апостолата», именуемая униатством, не может более допускаться как метод и модель в силу нового типа взаимовосприятия католиками и православными впредь в их отношении к тайне Церкви.

7. Действительно, в особенности после всеправославных конференций и II Ватиканского Собора восприятие Церкви как общения католиками и православными радикально изменило перспективы. С обеих сторон признается, что вверенное Христом Церкви исповедание апостольской веры, участие в одних и тех же Таинствах, в особенности в едином священстве при совершении единственной жертвы Христовой, и апостольская преемственность пастырей не могут считаться исключительной привилегией одной из Церквей.

8. В такой перспективе Католическая и Православная Церкви признают друг друга Церквами-Сестрами, которые сообща несут ответственность за поддержание Церкви Божией в верности Божественному замыслу, в особенности в том, что касается единства. Согласно словам Папы Иоанна Павла II, экуменические усилия Церквей-Сестер Востока и Запада на основе диалога и молитвы стремятся к полному и совершенному общению, которое не будет ни поглощением, ни слиянием, но встречей в истине и любви (ср.: Славорум апостоли, № 27).

9. В результате стремление восстановить единство уже не предполагает обращения одной Церкви к другой ради обеспечения спасения, ибо твердо сохраняются нерушимость свободы личности и обязательство следовать требованиям совести. Речь идет о том, чтобы сообща претворять в жизнь замысел Отца в отношении Его Церкви путем совместного поиска Церквами полного согласия в отношении содержания веры и его воздействия. Это усилие осуществляется в нынешнем богословском диалоге. Объектом нынешнего исследования является необходимый этап этого диалога. Важные вопросы все еще должны быть решены. Когда они будут решены, Католическая и Православная Церкви восстановят полное общение и тем самым будут окончательно искоренены трудности, чинимые Восточными Католическими Церквами Православной Церкви. Рекомендации, которые будут предложены, указывают на путь, коего следует придерживаться ради решения проблем, начиная с настоящего момента, в нынешних конкретных обстоятельствах. Диалог действительно является единственным путем для достижения этой цели. Он может развиваться лишь в рамках диалога любви, который должен осуществляться как на местном, так и на всеобщем уровне и включать Церкви, которые еще находились на нелегальном положении, когда диалог начинался. Поэтому необходимо восстановить подлинную братскую любовь и взаимное доверие.

10. В этой связи Папа Иоанн Павел II напомнил, усвоив слова Папы Павла VI, что «Главам Церквей, их иерархии подобает вести Церкви по пути к полному восстановленному общению. Они должны это делать, признавая друг друга и уважая друг друга как пастыри части паствы Христовой, которая им вверена, заботясь о сплоченности и возрастании народа Божия и избегая смешения в его рядах» (Иоанн Павел II. Послание к епископам Европейского континента об отношениях между католиками и православными в новой ситуации в Центральной и Восточной Европе, 31 мая 1991 года). В таком духе Папа Иоанн Павел II и Патриарх Вселенский Димитрий I сообща уточнили: «Мы отвергаем всякую форму прозелитизма, всякое отношение, которое было бы или не могло бы восприниматься как отсутствие уважения» (7 декабря 1987 года).

Рекомендации

Взаимное уважение Церквей, пребывающих в сложных ситуациях, возросло бы значительно в той мере, в какой они приняли бы к сведению следующие рекомендации.

11. Наши соображения не разрешат проблем, являющихся для нас предметом озабоченности, если у каждой стороны нет прежде всего воли к прощению на основе Евангелия и в рамках постоянных усилий по обновлению живого желания полного общения, существовавшего на протяжении тысячелетия между нашими Церквами. Именно здесь должен проявляться с постоянно обновляемой интенсивностью и упорством диалог любви, который только и может преодолеть препятствия, представляющиеся непреодолимыми.

12. Предварительным условием является прекращение всего того, что вызывает несогласие, презрение, ненависть между Церквами. Католической Церкви подобает сделать все возможное, и при этом на самом высоком уровне, чтобы помочь Восточным Католическим Церквам и их общинам также внести свой вклад в то, чего требует полное общение между двумя Церквами-Сестрами. Она должна справиться с чрезвычайно сложной ситуацией, возникшей в Центральной и Восточной Европе, в духе любви и справедливости перед лицом тех, кто считает себя принадлежащим к ней, и перед Православными Церквами.

13. Со своей стороны Православная Церковь должна принять заверения Католической Церкви в том, что, заботясь о судьбе этих общин, она никоим образом не желает распространяться в ущерб православному Востоку. Следует признать, что фактически порывая со всяким прозелитизмом и отказываясь считать православных объектом миссии, Католическая Церковь, заботящаяся о благе этих общин, всегда лишь остается верной своей пастырской задаче. В такой перспективе не будет места недоверию и подозрительности.

14. Важно учитывать истоки Восточных Католических Церквей и их историческое развитие вплоть до наших дней, отмеченное преследованиями и взаимными страданиями, чтобы осудить всякий триумфализм, противный евангельскому отношению, и избежать использования реальных или предполагаемых затруднений другой Церкви в пропагандистских целях.

15. Пастырям обеих сторон следовало бы скрупулезно учитывать религиозную свободу верующих, которые

должны иметь возможность свободно выражать свое мнение, когда с ними консультируются, и организовывать самих себя в этих целях. Действительно, религиозная свобода требует, чтобы, в частности, в конфликтных ситуациях верующие могли формулировать свой выбор и без давления извне принимать решения, если они хотят быть в общении как с Католической, так и с Православной Церковью. Религиозная свобода подверглась бы нарушению, если бы под прикрытием финансовой помощи привлекались верующие другой Церкви, которым обещано образование и материальные преимущества, отсутствующие в их Церкви. Следовало бы организовать социальную помощь с общего согласия, равно как и всякую филантропическую деятельность, чтобы избежать возникновения новой подозрительности.

16. Тем не менее необходимое уважение христианской свободы — одного из самых ценных даров, полученных от Христа,— не должно превращаться в повод для произвольных и односторонних действий. Не только всякое давление любого типа должно быть исключено, но и уважение совести, движимой подлинными мотивами веры, является одним из принципов осуществления пастырского попечительства ответственных лиц обеих Церквей и должно стать объектом консультаций с ними.

17. Поэтому следует стремиться к диалогу и участвовать в нем прежде всего между руководителями Церквей. Пастыри каждой из заинтересованных общин создадут паритетные комиссии или сделают эффективными существующие, чтобы подыскать решения конкретных проблем и применить эти решения в духе любви, справедливости и мира (ср.: Гал. 5, 22).

18. Недоверие исчезло бы быстрее, если бы обе стороны осудили насилие там, где общины выступают против общин Церкви-Сестры. Как этого требует Святейший Папа Иоанн Павел II в своем послании от 31 мая 1991 года, следует непременно избегать всякого насилия и всякого давления, чтобы уважать свободу совести и право каждого на членство в Церкви по его выбору (ср. п. 5). В этом пункте пастыри обеих Церквей обязаны призывать свои общины не только к избежанию насилия, физического или словесного, но и всего того, что может привести к презрению других христиан и глумлению над деянием спасения, каковым является примирение во Христе.

19. Евангельская этика требует уважать богослужения другой Церкви. Этой этике противоречит не только применение насилия для захвата другого богослужебного места, но она сама предполагает, что в некоторых обстоятельствах необходимо облегчить совершение богослужения, предоставляя собственную церковь в их распоряжение на основе соглашения, позволяющего совершать богослужения попеременно в разное время в одном и том же храме. Нарушение богослужения другой Церкви приводит к сомнению относительно глубокого смысла собственного богослужения. Более того, эта евангельская этика требует воздержания от заявлений и проявлений, которые могли бы усугубить конфликтное состояние и повредить диалогу. Разве святой апостол Павел не призывал нас принимать друг друга: *как и Христос принял вас во славу Божию?* (Рим. 15, 7).

20. Однако пастыри обязаны уважать авторитет, дарованный Святым Духом пастырям другой Церкви, и избегать вмешательства в духовную жизнь этой Церкви. Когда возникает необходимость в сотрудничестве ради их блага, требуется согласие между Церквами, создание ясных основ этой взаимопомощи, которые были бы известны всем, и затем откровенные и ясные действия при уважении таинственной дисциплины другой Церкви. Точно так же, видимо, необходимы взаимные консультации Церквей перед тем, как взять на себя важную пастырскую инициативу в регионах, где одна из них традиционно укоренена, и избежание параллельной миссионерской деятельности, которая рискует быстро превратиться в соперничество.

21. Чтобы подготовить будущее отношений между двумя Церквами, преодолевая ошибочную экклезиологию, особое внимание следует уделить воспитанию будущих пастырей, которое должно быть позитивным в отношении другой Церкви. Честное и всеобъемлющее знание истории, основанное на общей историографии, поможет рассеять предрассудки и избежать его использования в полемических целях; оно поможет осознать, что вина принадлежит обеим сторонам.

22. Следует вспомнить об обращении святого апостола Павла к коринфянам (1 Кор. 6, 1—7), где он рекомендовал христианам разрешать между собой свои трудности посредством братского диалога, не допуская вмешательства гражданских властей в практическое решение проблем, возникающих между Поместными Церквами или общинами. Это прежде всего касается церковной собственности. Церкви не должны опираться исключительно на прошлые ситуации или же на общие юридические принципы, но также должны принимать к сведению сложность нынешней пастырской деятельности и местные обстоятельства.

23. Церкви должны объединиться, чтобы явить признание и уважение ко всем известным и неизвестным, пастырям и верующим, православным, восточным и латинским католикам, которые выстрадали, исповедали свою веру и засвидетельствовали свою верность Церкви и в целом всем христианам без исключения, которые подвергались преследованиям. Их страдания призывают нас к единству и совместному свидетельству, чтобы ответить на молитву Христову: *да будут все едино... да уверует мир* (Ин. 17, 21).

24. Мы надеемся на Господа, что следование этим рекомендациям придаст новый порыв диалогу любви и позволит продолжить наш богословский диалог в спокойной атмосфере, которая необходима для приближения к восстановлению полного общения между нашими Церквами.

Аричча, Рим, 15 июня 1991 года

ХРОНИКА

Визит Ганса Германа Генриха. 1 июля ОВЦС посетил Ганс Герман Генрих, директор епископской Академии Аахенской диоцезии из Германии. В беседе с референтом Сектора по связям с Римско-Католической Церковью диаконом Георгием Зяблицевым были затронуты различные стороны взаимоотношений между Римско-Католической и Русской Православной Церквами. Гость проинформировал о мнении Германской Епископской Конференции по данным проблемам. Диакон Георгий Зяблицев по просьбе гостя рассказал о современном положении и проблемах немецких католических общин в СССР.

Визит заместителя министра внутренних дел ФРГ. 2 июля г-н Хорст Ваффеншмидт, заместитель министра внутренних дел ФРГ, посетил Отдел внешних церковных сношений, где имел встречу с председателем ОВЦС митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом и заместителем председателя Отдела протоиереем Виктором Петлюченко. В ходе состоявшейся беседы были затронуты вопросы роли Русской Православной Церкви в общественной жизни страны, проблемы взаимоотношений религиозных объединений СССР с деловыми кругами ФРГ, ряд других вопросов, представляющих взаимный интерес.

Литургическое богословие

Богословская мысль XX века в значительной степени коснулась литургического богословия. Достаточно вспомнить имена составителя «Толкового типикона» профессора Киевской Духовной Академии М. Скабалановича, труды профессора Ленинградской Духовной Академии Н. Д. Успенского, протопресвитера Александра Шмемана, священника Павла Флоренского и других, чтобы понять, какие выдающиеся ученые разрабатывали проблемы современного литургического богословия. Можно сказать, что богословие нашего века наиболее зорко вглядывалось, наряду с антропологией, и в литургику. Это было вызвано кризисом в понимании православными верующими и исследователями места и достоинства Православия в современном мире. Пристальное внимание богословов и ученых-историков к православному богослужению связано и с тем, что оно содержит в себе много таинственных моментов, требующих аскетического и вероучительного подвига от участвующих в нем. Понимание богослужения зависит от знания языка, символики богословия и истории Церкви, что обязывает верующего к тщательной и кропотливой работе. Этой задаче и посвящена книга архимандрита Киприана (Керна), главы из которой мы предлагаем читателям наряду с другими исследователями православной литургики.

Архимандрит ***КИПРИАН (Керн)***

Евхаристия

Главы из книги

От автора

Настоящая книга обобщает курс лекций студентам и священнослужителям, обучающимся в Православном богословском институте имени Преподобного Сергия в Париже. Предлагаемый труд представляет собой историческое, богословское и практическое истолкование Божественной литургии.

После вышедшей еще в начале прошлого столетия книги И. Дмитревского православная богословская литература не имела такого руководства для объяснения литургии, которое могло бы быть полезным как для пастыря, так и для рядового верующего. На Западе и у католиков, и у англикан, и у протестантов существует немало исследований и толкований подобного рода, и эти конфессии постоянно продолжают усовершенствовать такие издания. Потребность православного истолкования литургии ощущается давно. С одной стороны, богатая символизмом православная литургия не во всем понятна верующему, с другой — большое количество специальных вопросов требует своего исторического и богословского обоснования и объяснения. В основу богословских и символических объяснений легли толкования преподобного Максима Исповедника, святителей Германа Константинопольского, Николая Кавасилы и Симеона Солунского, равно как и вся вообще патристическая литература. Для разрешения спорных научных вопросов мы старались искать ответ в трудах всех литургических и исторических авторитетов. Литература вопроса безгранична, и, разумеется, нельзя исчерпать океана библиографии, но все доступное в библиотеках Парижа и других центров было нами использовано.

Настоящая книга не исследование. Это компилятивный труд, как и всякий курс лекций. Цель его — удовлетворить потребности в церковных знаниях разных слоев православных читателей. Хотелось бы верить, что и священник, и мирянин, равно как и начинающий студент, и специалист в литургике, найдут в ней для себя что-нибудь полезное.

Париж, август 1946 года,
Сергиевское подворье

Происхождение и история литургии

Воплощение Сына Божия, *таинство, от века утаенное и Ангелом несведомое*, обновляется в литургической жизни христиан ежедневно в евхаристическом священнодействии. Евхаристия была, есть и будет центральным нервом христианской жизни. Если в наше время евхаристическая жизнь ослабела настолько, что мы почти утратили подобающее евхаристическое сознание, и относимся к совершающейся в храмах Божественной литургии как к одному из обрядов, и почитаем служение благодарственного молебствия или акафиста чуть ли не более важным в богослужении, то во времена подлинной церковной жизни было не так. Евхаристия в сознании древних византийцев и москвитян до XV—XVI веков была основой и завершением всей богослужебной жизни. Последующая жизнь докончила постепенно совершавшийся процесс расцерковления быта. Все то, что концентрировалось около Евхаристии как центра богослужебной жизни, все таинства, молитвословия и чинопоследования Православной Церкви постепенно превратились в сознании христиан в частные требы, стали частным делом данного человека, данной семьи, до которого соборному сознанию общины, казалось

бы, нет и дела. Между тем как во времена древнейшие, апостольские, так и в период роста и расцвета церковного сознания в Византии, да и в Древней Руси дело обстояло не так. Все совершавшееся в церковной и храмовой жизни христиан концентрировалось около литургии, связывалось с ней, включалось в ее состав.

Действительно, уже во времена седой древности христианства крещение оглашенных совершалось во время литургии, во дни, особо для того предназначенные, как-то: Пасха, Рождество, Богоявление и некоторые другие. О таких «крещальных литургиях» говорят писатели II и последующих веков (святой мученик Иустин Философ, Сильвия Аквитанка и другие). Брак и Елеосвящение также включались в состав литургии; венчание совершалось до Евхаристического канона, вероятно во время литургии оглашенных, приблизительно до чтения Апостола и Евангелия, и потом молодые причащались Святых Таин; Елеосвящение, претерпевшее столь сложную эволюцию своего чина, также было вставлено в рамки литургии: освящение елея совершалось во время проскомидии, а помазание — после заамвонной молитвы. Миро и теперь освящается во время литургии, сразу же после освящения Даров в Великий Четверток. Священство неотделимо от литургии. Кроме того, все то, что схоластическая наука почему-то не называет таинством, но в сознании отцов и писателей было и есть таинство, как-то: освящение храма, освящение антиминса, великое освящение воды, пострижение в монашество — так или иначе приурочивается ко времени литургии или же введено в ее состав. Даже отпевание усопших обычно предваряется заупокойной литургией. Только впоследствии под влиянием процесса обмирщения жизни и ее расцерковления эта органическая связь прервалась, и все таинства в сознании верующего народа превратились в требы, а некоторые из них стали почитаться просто обрядами, и сама Евхаристия перестала быть духовным насущным хлебом.

У святых отцов и учителей Церкви находим немало подтверждений сказанному. Так, псевдо-Дионисий («De eccl. hier», III, 1) называет Евхаристию «Таинством Таинств» и считает, что «каждое из иерархических священнодействий как незавершительное не совершает окончательно приобщения нашего». Соответствующая схолия преподобного Максима Исповедника объясняет: «... незавершительное означает, что никакое таинство не бывает совершенно без причастия»[1]. Святитель Григорий Палама в своем «Исповедании Православной веры» говорит: «... мы любим все церковные предания, записанные и незаписанные, и прежде всего таинственное и всесвятое священнодействие, причащение и молитвенное собрание, в котором совершаются и другие священнодействия»[2]. Симеон Солунский учит, что «завершение всякого священнодействия и печать всякого божественного таинства есть священное причащение»[3].

Кроме того, надо помнить, что природа самой Церкви евхаристична. Церковь есть Тело Христово. Евхаристия есть также Тело Христово. Поэтому без Евхаристии нет церковности, нет и не может быть оцерковления жизни. Также и Евхаристия немыслима вне Церкви. Вне Церкви можно лишь представлять Сионскую Вечерю, символизировать ее, но не совершать евхаристического жертвоприношения. Вне Церкви она безблагодатна. Евхаристия, как и вообще таинственная жизнь, не может быть без освящающей силы Святого Духа.

Нельзя ограничивать понятие Церкви одним только классическим определением катихизиса: «Церковь есть общество верующих, объединенных общей верой...» и т. д. Церковь не может быть сведена только к этим канонически-административным рамкам. Числиться в списках прихода и участвовать в приходских собраниях не значит еще само по себе жить в Церкви. Нельзя, по мысли Ю. Ф. Самарина, только относиться к Церкви или числиться в ней, надо в ней (то есть ею) жить. Надо живо, реально, конкретно участвовать в жизни Церкви, то есть в жизни мистического Тела Христа. Надо быть живой частью этого Тела. Преподобный Максим Исповедник учил в своем «Тайноводстве»: «Святая Церковь является как образ Первообраза, совершающею в отношении к нам действия, подобные делам Божиим. Ибо, как ни велико, почти неисчетно число мужей, жен и детей, отделяющихся друг от друга и весьма значительно различающихся между собою родом, внешним видом, поколением, языком, равно как и образом жизни, возрастом и понятиями, привычками, нравами и родом занятий, способностями, познаниями, личными достоинствами и внешним положением, характером и настроением души, как ни велико число и как ни разнообразен вид возрождаемых ею и через нее воссозидаемых и обновляемых духом, Церковь всем равно сообщает и дарует один образ и наименование»[4]. Церковь есть то Тело, Глава Коему — Христос.

С неменьшей определенностью учит о нас как о членах мистического Тела Христова один из лучших толкователей нашей литургии—Николай Кавасила (XIV в.). Церковь для него не символически обозначается в Таинстве Евхаристии, но «как в сердце уже заключены члены тела, или в корне дерева его ветви, или в виноградной лозе ее грозди». «Ибо здесь,— говорит он,— не только общность наименования или аналогия сходства, но реальное (прагматическое) тождество». «В действительности это Таинство есть Тело и Кровь Христовы и для Церкви Христовой они суть истинная пища и питие. Церковь, причастная им, не их превращает в человеческое тело, как это случается с обычной пищей, но сама претворяется в них, где высшее (божественное) побеждает тварное. Железо, прикоснувшееся к огню, само становится огнем (раскаляется), а не допускает огню превратиться в железо. И подобно тому, как раскаленное железо не представляется нашему взору железом, но огнем, так как свойства железа как будто бы поглощены огнем, точно так же, если бы можно было видеть Христову Церковь, поскольку она соединена с Ним и причастна Его плоти, мы не увидели бы ничего иного, кроме Тела Господня». Ссылаясь дальше на апостола Павла (1 Кор. 12, 27), мы *Тело Христово, а порознь — члены*, это надо понимать не гиперболически, не в переносном смысле, как мы говорим о членах семейства, но совершенно конкретно и реально. «Ибо это значит, что верующие уже теперь живут благодаря этой Крови Христовой жизнью во Христе, подлинно завися от Главы этого Тела, Христа, и облечены этой Плотью Христовой. Таким вот образом Церковь является в Таинстве евхаристического Причащения»[5].

Наше мировоззрение должно быть евхаристично, и жить надо в евхаристической настроенности.

Церковь приносит в литургии благодарение Господу *о всех благодеяниях, на нас бывших, явленных и неявленных, о всех и за вся.* Священнодействующий иерей приносит жертву *о своих грехах и о людских невежествиях,* или, как сказано в молитве святого Амвросия Медиоланского, он «приносит Господу скорби людей, плененных воздыхания, страдания убогих, нужды путешествующих, немощных скорби, старых немощи, рыдания младенцев, обеты дев, молитвы вдов и сирот умиление...».

Иерей, а с ним и все молитвенное собрание и всякий верующий должен в Евхаристии сосредоточить всю свою молитвенную жизнь. К евхаристической чаше приносится всякая скорбь и всякая радость, они должны растворяться в ней. Евхаристия должна обнимать и освящать всю жизнь христианина, его творчество, его дела и порывы.

Поэтому литургия и евхаристическая жизнь не могут быть ограничены подачей записок о здравии и упокоении. Евхаристическая жизнь не просто стояние в церкви и присутствование при совершающемся в храме чинопоследовании. Евхаристическая жизнь не слушание церковных песнопений. Мирянин не присутствует, а активно, молитвенно переживает совершающуюся литургическую, голгофскую драму и причащается.

В единой Церкви не может не быть единой Евхаристии. Но этому вовсе не противоречит тот факт, что при многочисленности Поместных Церквей, разнообразии входящих в них многих племен и народов, различных исторических наслоений, традиций и прочего существует огромное количество разных типов евхаристических молитв, или анафор. Единство Церкви и единство Евхаристии вовсе не требуют одинаковости в богослужебном ритуале; варианты, местные особенности не только терпимы, но и важны как доказательство соборной природы Церкви.

Поэтому от одной Сионской Вечери Господней и от более или менее единообразной апостольской вечери за всю историю образовалось огромное количество разных типов евхаристических молитв. Так, Ренодо знал при состоянии науки в его время 50 анафор у одних только яковитов и маронитов; у эфиопов нам известны до 15 литургий. Более унифицированная в целом западная месса знает варианты отдельных молитв одного и того же евхаристического типа. Литургисты знают, что римская месса в древности насчитывала свыше 240 молитв «praefatio» (префаций — начальная молитва мессы). Амвросианская литургия меняла «praefatio» почти каждый день года. Мозарабская литургия была тоже очень богата вариантами. Кодекс епископа Порфирия (может быть, древнейший из известных рукописных формуляров византийской группы литургий), названный самим владельцем «сапфиром синайским», знает многообразные заамвонные молитвы, не читающиеся теперь, но в древности менявшиеся во дни великих праздников.

Наука классифицировала все это многообразие и все варианты в несколько групп (литургических фамилий) и подробно изучила происхождение, эволюцию и историю всех их. Поэтому перед пытливым сознанием церковного христианина стоит вопрос о необходимости всестороннего изучения важнейшего христианского Таинства. Это изучение должно вестись в разных направлениях, и нашему истолкованию Божественной литургии следует придать характер как литургико-исторический, так и богословский. Иными словами, нам предстоит изучать не только историю чина, но и его богословское содержание. Ибо никогда нельзя забывать, что для христианского церковного сознания богослужение есть живая и жизненная философия Православия, а не только обряд, как его понимает неоцерковленное сознание. Или, по словам святителя Иринея Лионского, «наше учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия, в свою очередь, подтверждает учение»[6].

Предвечный смысл Евхаристии

Таинство Евхаристии установлено Спасителем на Его последней Вечери с учениками при произнесении Им слов *приимите, ядите... пейте из нее все... сие творите в Мое воспоминание* (Мф. 26, 26—27; Лк. 22, 19). Но еще задолго до этой таинственной трапезы Спаситель раскрыл апостолам мистический смысл причащения Его Тела и Крови. В самом деле, сразу же после первого чудесного насыщения пяти тысяч человек пятью хлебами, то есть еще задолго до Преображения и до Его входа в Иерусалим, точнее, в период между первой и второй пасхой Своего общественного служения[7] Господь Иисус Христос произнес в капернаумской синагоге Свою проповедь о Хлебе Жизни. Тут, среди этих стройных колонн классического греческого стиля, украшенных, однако, и еврейскими религиозными эмблемами — семисвечниками, гранатовыми яблоками, шестиконечными звездами, в этом, ныне вполне уже раскопанном и очищенном дивном портике этой синагоги с видом на Тивериадское море, Спасителем было предложено Его учение о Небесном Вечном Хлебе (Ин. 6, 24—66).

В сущности, эта проповедь естественно распадается на две части: предварительную, в которой Он говорит больше о ветхозаветном прообразе Евхаристии (стихи 26—47), и самое учение о Небесном Хлебе Жизни (48—66).

Обратиться к ветхозаветному символу Евхаристии побудили Спасителя сами же ученики, вспомнив по поводу бывшего накануне чудесного насыщения пяти тысяч людей ветхозаветное чудо с падавшей с неба манною: *Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть* (Исх. 16, 15; Пс. 77, 24; Ин. 6, 31). Господь должен был, как часто и в других случаях, иметь перед Собой узкую иудейскую национальную психологию и их известную косность, неспособность подняться над уровнем исторического и буквального понимания библейских фактов. Надо было им показать, что манна была только прообразом истинного Небесного Хлеба. Но это все же никак не значило бы, что она является опять-таки только единичным историческим фактом, простым эпизодом иудейской истории. Манна была символом Вечного Хлеба. Это данное историческое событие было и служит прообразом, «типом» вечной реальности, от века установленной евхаристической трапезы. Но только прообразом, и потому неполным и несовершенным. Манна была чудесной пищей, падавшей с неба, тогда как Евхаристия есть самое истинное Тело Христово; манна падала только в известное время, а Евхаристия установлена на бесконечные времена, *всегда, ныне и присно и во веки веков.* Манна питала только тело, тогда как Небесный Хлеб питает всецелого человека и проходит *во уды, во вся составы, во утробу, в сердце.*

Он сообщает человеку бессмертие, которое не в состоянии была дать манна.

Святитель Кирилл Александрийский в своем толковании на Евангелие от Иоанна (кн. III, гл. 6) так объясняет эту связь: «Манна питала в пустыне один только народ иудейский, тогда как во вселенной существуют бесчисленные другие народы. Истинный Хлеб Жизни, сошедший с неба, имеет силу питать всю Вселенную и давать ей совершенную жизнь»[8].

Псалмопевец воспринял эту ветхозаветную манну как *хлеб небесный и хлеб ангельский* (Пс. 77, 24—25). По этому поводу тот же святитель Кирилл говорит, что, хотя Ангелы и не могут вкушать грубой пищи, «но ничего не воспрещает думать, что если они суть духи, то и могут нуждаться в таковой же пище, очевидно духовной и умственной». И несколько дальше: «... Христос есть Хлеб и самих Ангелов»[9]. И святой Амвросий Медиоланский учит: «...Тобою (то есть Хлебом Небесным) питаются преизобильно Ангелы на небе»[10].

Но обратимся к более существенной части той же Капернаумской беседы Господа. Не манна есть истинная и Вечная Жизнь, а Христос — *Хлеб, сшедший с небес* (Ин. 6, 41). В этом учении Христа важны две главные мысли, а именно: Евхаристия воскрешает вкушающих от Нее (Ин. 6, 48—54) и Евхаристия есть соборное единство всех ее причастников, членов таинственного Тела Христова (6, 56).

В самом деле, если прообраз Евхаристии — манна могла только напитать человеческие физические силы странствующих в пустыне иудеев и имела, таким образом, только временное значение, то вечный смысл Евхаристии есть воскрешение и Вечная Жизнь. *Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет* (Ин. 6, 48—50). Этот Хлеб, то есть Плоть Господа, дается за жизнь мира, и ядущий его *будет жить вовек* (Ин. 6, 51), а тот, кто не будет есть плоти Сына Человеческого и пить кровь Его, не будет *иметь в себе жизни* (6, 53). *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет Жизнь Вечную, и Я воскрешу Его в последний день* (Ин. 6, 54).

Святитель Кирилл Александрийский, толкуя стих 51, так догматизирует по этому поводу: «Поскольку Животворящее Слово Божие вселилось в плоти, Оно преобразовало Его (то есть тело) в собственное качество, то есть жизнь, и, всецело соединившись с ним неизреченным образом единения, сделало его животворным, каково и Само Оно есть по природе. Поэтому тело Христа животворит тех, которые становятся причастниками Его, так как оно изгоняет смерть, когда является между умирающими и удаляет тление, нося в себе Слово, совершенно уничтожающее тление»[11]. И несколько далее святитель продолжает говорить о границах этой воскрешающей мощи Тела Христова: «Оживет всякая плоть, ибо пророческое слово предвозвещает, что восстанут мертвые» (ср.: Ис. 26, 19). Мы думаем, что следствия Таинства Воскресения Христова простираются на все человечество. А Златоуст учит: «в Ветхом Завете было обещание долговечности и многолетия, но теперь обещается не просто долговечность, но жизнь, конца не имеющая»[12]. Таким образом, Евхаристия есть единая существенная связь наша с умершими. Причащаясь Тела и Крови Христовой, мы входим в теснейшее общение и с усопшими причастниками их. В византийском же чине проскомидии это общение с миром усопших становится особенно ясным благодаря молитвенному поминовению имен живых и усопших при вынимании частиц из просфор и потом при погружении их в Чашу со Святой Кровью с произнесением слов: «Омый, Господи, грехи всех поминавшихся Честною Твоею Кровию и молитвами святых Твоих». Православная литургия византийского чина являет, таким образом, особенно ясное литургическое исповедание общения со святыми и соборного единства церковного.

Из этого следует и другое: Капернаумская беседа раскрывает и экклезиологический смысл Евхаристии. Спаситель говорит: *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6, 56). Каждый, причащаясь Таин Господних, становится членом Его мистического Тела, то есть Церкви. Евхаристия есть Тело Христово, и Церковь, по апостолу Павлу, также есть тоже соборное Тело Христово (Еф. 14, 15—16; Кол. 1, 24). Другими словами, природа Церкви евхаристична. Евхаристии нет вне Церкви, ибо нет тела вне Тела, и Церковь не может быть без Евхаристии. Нельзя поэтому быть членом Церкви, но не причащаться Того, Что есть Тело Христово, или Сама Церковь. Евхаристия — знак церковности.

Вот что читаем мы у Златоуста: «Чтобы не любовию только, но и самим делом быть нам членами плоти Христовой, будем соединяться с этой плотию. А это бывает через пищу, которую Христос даровал, чтобы выразить Свою великую любовь к нам. Для того Он смесил Самого Себя с нами и растворил тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это есть знак самой сильной любви... Чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание»[13].

Вот каков этот таинственный Хлеб жизни, Хлеб небесный. Сам Христос, сошедший с небес и родившийся от Пречистой Девы в граде Вифлееме, в «Доме хлеба», так как (bēṯ lĕḥĕm — бэт лехем) значит именно Дом хлеба; Он внесен по прошествии 40 дней, когда настало *время сотворити Господеви*, в храм и принят там праведным Симеоном, словно приношение Хлеба для Тайной евхаристической Вечери. Предназначенный еще от вечности к причастию верных, к их освящению и обожению, как от вечности же, *прежде создания мира* предназначен к закланию и Агнец Божий (1 Пет. 1, 20).

В дивной молитве святого Амвросия Медиоланского, положенной Церковью для чтения иереем перед совершением литургии, так сказано об этом хлебе: *Хлеб сладчайший... Хлеб чистейший, всякие сладости и благовония исполненный, Хлебе, имже питаются преизобильно Ангели на небеси... Хлебе святый, Хлебе живый, Хлебе вожделенный, сходяй с небесе и даяй мирови жизнь*[14]. Хлеб, стало быть, вечного бессмертия, Хлеб соборного единения в Церкви.

Все в этом учении Спасителя полно тайны и не поддается анализу рассудка. Таинственность Хлеба Вечной Жизни обнаруживается и в самом библейском прообразе его, то есть в этой необычайной ветхозаветной манне. «Иудеи,— говорит толкователь священного текста,— видя падающую манну, спрашивали друг друга: «Что есть это?», ибо не знали, что

это было... Эти слова «что это», выраженные в виде вопроса, и делают они наименованием предмета и на сирском языке называют его «манна», то есть «это что» (man hū)[15].

Недоумение древнего иудея при виде необычайной небесной манны повторилось, правда, гораздо резче, и при Капернаумской проповеди Господа. Тут лишний раз в истории человеческого религиозного сознания подтвердился факт мучительной апории, безвыходного тупика.

В самом деле, иудейско-языческое сознание стремилось отделить мир от Бога, углубить пропасть между ними, подчеркнуть непреодолимую трансцендентность Бога для мира. Поэтому христианский догмат о воплощении Слова, о вочеловечении Бога, то есть исповедание веры в имманентность Божества при Его видимой трансцендентности, является для не-христианства столь неприемлемым и невероятным. Вот почему докетизм, манихейство, эвионитство, арианство так упорно сопротивлялись Православию и находили большое число сторонников среди образованных и в то же время благочестивых людей своего времени. Непросвещенный светом христианского учения ум искал в языческой философии и находил в ней доводы против такого, казалось бы, дерзновенного умаления Бога, кенозиса, так как обнищание Бога, Его снисхождение казалось безумием, а безумие было неприемлемо.

«По мнению языческих мыслителей,— по словам В. Несмелова,— все несчастье человеческой жизни заключается в связи бессмертного духа и смертного тела, потому что этой связью необходимо создается роковое противоречие в человеческой природе и жизни... Они признавали связь духа и тела в человеческой природе за связь неестественную, и это признание определило собой все дальнейшее построение их сотериологических воззрений»[16]. И раз уже человеческий ум не может удовлетвориться ни системой материалистического монизма, ни системой монизма спиритуалистического или идеалистического, то естественно остается единоприемлемым миропонимание дуалистическое. Но если из дуалистического миропонимания (то есть из признания наличности двух начал в человеке, духа и тела) легко вытекает соблазн окказионализма, который никак не в состоянии обосновать и осмыслить самое бытие духа в чуждом ему теле, то, следовательно, надо искать чего-то другого, иного, чем окказионализм, подхода к телу и духу. Надо оправдать тело перед лицом духовного начала, надо уверовать в возможность его одухотворенности. Вот почему православная богословская мысль путем долгих и мучительных исканий, споров, богословских дерзновенных вопрошаний и, конечно, при участии многовекового мистического и аскетического опыта пришла к вере и учению об обоженной плоти, что у мистиков Востока выразилось в учении о «богоподобной плоти» (особенно святитель Григорий Палама).

Иудеи спрашивали: *Как Он может дать нам есть Плоть Свою?* (Ин. 6, 52). По этому поводу хорошо замечает Златоуст: «Что воскрешали пророки, это апостолы знали, хотя Писание говорит об этом и не так ясно; но чтобы кто-нибудь ел плоть, о том никогда не говорил ни один из пророков»[17].

Это именно σῶμα πνευματικον (тело духовное), или ὁμοθεον σῶμα (богоравное тело), было камнем преткновения для рационализировавших капернаумских слушателей Христа и осталось таким же камнем для современных рационалистов. Спрашивали иудеи: *Как Он может дать нам есть Плоть Свою?* Слова Спасителя соблазняли даже близких Ему учеников, которые постоянно Его слушали (ср.: Ин. 6, 61). *С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним* (Ин. 6, 66).

Как это типично для всех времен, до нашего включительно! Чудеса Христовы иудеи видели и изумлялись; нравственному учению Его внимали и с благоговением принимали как самую возвышенную проповедь, и этим готовы были ограничить круг своих религиозных потребностей. Догматическое же учение о вечном бытии Сына (Ин. 8, 58) и о единосущии Его с Отцом показалось благочестивому Иудею хулою (Ин. 5, 18; 10, 30—31). А учение в капернаумском сонмище о возможности освящения тела, о причастии обоженной плоти, об обожении, таким образом, и себя и о воскресении в этом теле показалось безумием, и повергло в скорбь иудейского рационалиста, и оттолкнуло от Спасителя даже близких Ему учеников. Разве не то же мы видим и теперь? Разве не тот же дух рационализма и скепсиса томит наш разум? Разве не хотим мы в Тайной Вечери видеть только «трогательную» сцену прощальной трапезы с учениками, а вслед за тем в литургии — только символическое воспоминание этой Вечери? Разве многие в наши дни не отходят от Христа и от Церкви подобно соблазнившимся ученикам Господа?

Как многие в наше время готовы принять в Евангелии только «исключительно высокую нравственную проповедь» и вслед за Ренаном и Л. Толстым видеть в Христе только «совершенного учителя морали»! Как многие не понимают, что Евхаристия есть центральная точка христианской религиозной жизни, что без нее нет Церкви, нет и самого Вечного Богочеловека!

Существуют люди, которые воздыхают о духовных благах, говорит Лагранж, которые ищут их около Господа Иисуса Христа, но Евхаристия их отвращает, они приемлют ее только как воспоминание прошлого. Но тогда Иисус перестает присутствовать среди них. В таком случае Он лишен божественного свойства быть везде и всегда со своими. Он отдан определенному моменту истории... И они говорят: «Как может этот человек дать нам есть Свою плоть?»[18]

Потому-то Спаситель и предложил эту Свою проповедь о Небесном Хлебе задолго до Тайной Вечери, чтобы приготовить Своих апостолов к принятию этой мысли, приучить к ней. Рационалистическое же сознание среднего религиозного обывателя не может принять этой слишком дерзновенной, головокружительной мысли. Она, по-видимому, останется «юродством» для многих и еще на многие века. Принять Евхаристию, принять учение об обоженной плоти, о вочеловечении Бога, может быть, гораздо труднее, чем согласиться с мыслью о существовании Бога.

Установление Евхаристии на Тайной Вечери

Для полноты исторического разбора и правильности анализа евхаристического богослужения надо начать исследование с возможно более древних евхаристических молитв. Божественная литургия, как и всякое церковное таинодействие, имеет свое обоснование в Священном Писании. Таинство Тела и Крови установлено Самим Господом на Его прощальной

Вечери с учениками. По Его заповеди апостолы и их преемники продолжали совершать то же тайнодействие и передали это последующим поколениям как воспоминание о Господе, о Его земной жизни, искуплении, Тайной Вечери, страдании и смерти, воскресении и вознесении на Небо.

Поэтому перед литургистом встает в первую очередь вопрос о самой Вечери Господней с учениками, то есть о времени ее совершения, ее порядке и некоторых подробностях.

Время совершения Спасителем Его прощальной Вечери представляется неясным при сопоставлении указаний синоптиков. Выходит, что Пасха и день опресночный отождествляются (Мф.: *в первый день опресночный;* Мк.: то же; Лк.: *настал день опресноков, в который надлежало закалать пасхального агнца).* Между тем это не так. Пасха совершалась вечером 14 нисана, первый день опресноков — 15 нисана, и опресноки длились до 21-го. Евангелисты же пользуются позднейшей терминологией — времен Иосифа Флавия и Талмуда. Талмуд знает «Пасху египетскую» и «Пасху последующих родов», каковая совершалась не один день, а семь. По этой терминологии, Пасха присоединялась к дням опресночным, и их, следовательно, было не 7, а 8. Тогда старейшина семьи уже вечером 13 нисана со светильником обходил жилище, устранял все квасное, которое и сжигалось утром 14-го. Спаситель совершал пасху иудейскую, а не новозаветную. Он ее совершал в законный день и час: ὅτε ἐγένετο ἡ ὥρα (когда настал час) (Лк. 22, 14).

Но тогда непонятны слова: *прежде праздника Пасхи* (πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς, τοῦπάσχα εἰδώς) (Ин. 13, 1). По профессору Дм. Богдашевскому (впоследствии архиепископ Каневский Василий († 1933), последний ректор Киевской Духовной Академии), πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς нужно относить не к εἰδώς (зная, что пришел час Его), а к ἀγαπήσας (возлюбив) и к ἠγάπησεν (возлюбил...), то есть что прежде Пасхи и прежде Вечери Спаситель возлюбил... явил любовь к ученикам и указал добрейший путь смирения[19].

Вечеря должна была быть Тайной, только в обществе учеников. Поэтому и не называется подробно домохозяин, а только ученики посылаются πρὸς τὸν δεῖνα (к такому-то). Стечение паломников в Святой Град могло быть огромным, Иосиф Флавий говорит о более чем 250 000 агнцах, закалавшихся в тот день[20]. В комнатах могло помещаться по нескольку фратрий (вечерь), каждая не менее чем из 10 человек. Но Спаситель хочет провести Вечерю только в кругу Своих близких учеников. Поэтому текст Мк. 14, 14 в некоторых рукописных кодексах (Cod. 124) имеет уточнение места совершения Вечери: κατάλυμά μου — Моя Горница.

Приготовление к Вечери совершалось 14-го же. Между 3-м и 6-м часом апостолы купили во дворе храма пасхального агнца, сами его заклали; дома испекли его законным образом, то есть на вертеле, приготовили опресноки, горькое зелье, «харосэт» и вино.

Евхаристия апостольского времени

Скудость сведений не позволяет совершенно реконструировать порядок апостольских евхаристических собраний. В этом отношении надо быть чрезвычайно осторожным, чтобы не стилизовать в желательном для себя направлении то, что не договорено писателями новозаветных книг. Надо иметь в виду следующее.

Во-первых, проявившийся сразу после сошествия Святого Духа харизматический порыв в первохристианской общине придал всему строю и быту апостольскому характер экстатичности и исключительной подвижности. Ни о каких записях молитв не могло быть и речи. Сами молитвы, имевшие своим образцом молитвы, произнесенные Спасителем во время Вечери, не были отступлением от привычных благодарений евреев.

И, во-вторых, эта еврейская традиция сразу же определила характер христианского богослужения. Надо помнить, что с храмом не было порвано сразу же после основания новозаветной Церкви. Традиции храмовая и синагогальная поддерживались. Правда, наряду с этим сразу же вошло в обычай «преломление хлеба по домам». Но для этой κλάσις τοῦ ἄρτου (преломление хлеба) ритуал был более простой, чем чин пасхальной вечери, совершенной Спасителем. Вечеря совершалась, самое большое, субботняя, в конце которой по примеру Спасителя присоединялся евхаристический чин[21].

Ясно, что прототипом для апостольской Евхаристии была *Вечеря Господня* (κυριακὸν δεῖπνον) (1 Кор. 11, 20), которая сама была построена по типу еврейской вечери. Следовательно, на апостольскую анафору влияет прежде всего еврейский ритуал. Иерусалимская община повторяла пусть и не ту же пасхальную, но все же еврейскую Вечерю. Тут были и чаша благословения, и хлеб преломления (ср.: 1 Кор. 10, 16). Но из повествования апостола Павла совершенно правильный вывод делает епископ Фрир[22], когда замечает, что апостол имел дело не с одним только иудейским влиянием Иерусалимской общины, но и с обычаями и идеями языческими. Раннее и непосредственное соприкосновение с языческим миром не могло не наложить своего отпечатка на быт и строй богослужебной жизни апостолов. Язычники принесли с собой свой опыт, свои привычки и взгляды. И тут важны два момента. Во-первых, церковное жертвоприношение есть противовес жертвоприношениям языческим. В каждом отдельном случае это есть реальное причащение или Богу, или бесам (1 Кор. 10, 21). Во-вторых, преломление хлеба рассматривалось как регулярное богослужение Господнего дня (1 Кор. 11, 18—34). Благословлялся хлеб, и все причащались. После Вечери благословлялась чаша, и опять-таки все причащались. Слова Спасителя об установлении Таинства были существенно важны. Вечеря есть воспоминание смерти Господней. Потому-то слова эти и вошли в состав всех анафор. Потому-то и молитва воспоминания — «анамнезис» также составляет существенную часть Евхаристического канона. Всякое совершение Евхаристии апостолами связано тесно с их чаянием близкого прихода Спасителя.

Евхаристия первых веков соединяет в себе элементы еврейского пасхального или субботнего ритуала с характерными чертами античного культа. Духоносность эллинистических форм приобретает в рамках раннего христианского евхаристического обихода ярко выраженный отпечаток того символического реализма, который все сильней и сильней будет развиваться и обосновываться в святоотеческой литературе и в позднейшей христианской литургике. Евхаристия переживается первохристианством исключительно конкретно; евхаристическая драма

действует в рамках указанного символизма. В первохристианском быту Евхаристия есть гораздо больше действие (doing), как замечает Г. Дикс (Gr. Dix)[23], чем слова, говорение (saying). За символическим актом, совершаемым теургом, стоят реальное воплощение, страдание и смерть Спасителя. «Анамнезис» для первых христиан была конкретность, реальность, что-то мистически-осязаемое, а совсем не одно только воспоминание, как мы его понимаем, когда говорим или творим воспоминание смерти какого-нибудь исторического деятеля, поэта или художника. В анамнезисе Христовых страданий творится самое действие страстей Господних. Поэтому прав Одо Казель, говоря, что христианский древний культ был продолжением и облагораживанием духа древности, а никак не отрицанием его. Совершение Евхаристии на хлебе и воде (вместо вина) имело, правда, свое историческое подтверждение у так называемых аквариев и подало повод к созданию Гарнаком целой гипотезы, не поддержанной в науке.

Оценка этих историко-библейских предположений сделана в статье Эдуарда Швейцера в базельском «Богословском журнале», где и приведена большая библиография[24]. Вывод, к которому приходит автор, таков: Вечеря Господня есть радостная трапеза, в которой живое присутствие Господа, есть плод Его жертвенной смерти, предварительный дар того окончательного исполнения, которое будет иметь место в Царствии Божием. Совершается это в возвещение смерти Господа, *доколе Он придет* (1 Кор. 11, 26). Таким образом, «едят и пьют в промежутке времени, оглядываясь на Крест и вглядываясь в будущее пришествие Господа в последний день»[25].

То немногое, что еще можно почерпнуть из апостольских писаний, сводится к следующему. Судя по Деяниям апостольским (2, 42), верующие постоянно пребывали в учении (διδαχῇ) апостолов, в общении (κοινωνία), преломлении хлеба (κλάσει τοῦ ἄρτου) и в молитвах (προσευχαῖς). Несколько ниже дееписатель дополняет свой рассказ: *единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца* (ст. 46). Характерно именно это сопоставление, а может быть, и противопоставление храма, места иудейского религиозного ритуала, и домов, в которых совершалось христианское преломление хлеба, иудеям неприемлемое.

Если с этим богослужением первых дней, первого года жизни христианской Церкви сопоставить одно свидетельство из более позднего времени, то есть именно факт пребывания апостола Павла в Троаде при возвращении его из третьего путешествия, то картина получится такая. В первый день недели (τῇ μία τῶν σαββάτων), то есть в день недельный, воскресный, в день Господень, собираются христиане вкупе для преломления хлеба. Павел беседует, слово его затянулось за полночь. В горнице было много светильников. После падения юноши Евтиха с окна третьего этажа и его исцеления апостолом Павлом этот последний преломляет хлеб, вкушает и беседует еще до рассвета (Деян. 20, 7—11). Те же элементы апостольской Евхаристии налицо: учение (διδαχή), собрание всех вкупе (κοινωνία), преломление хлеба (κλάσις τοῦ ἄρτον). Не упоминается только молитва, но она сама собой разумеется.

Скудость источников этого периода не позволяет сказать ничего больше о чине и структуре апостольской Евхаристии. Если стоять на точке зрения буквального понимания текста и текстуальной критики, то действительно ничего другого и не найти. Памятники, подобные «Дидахе», не содержат ничего, кроме нескольких отрывков из харизматических молитв. Именно эта харизматичность и не давала возможности и основания для запечатления молитв, формул и действий. Поэтому те ученые, которые следуют буквально этой текстуальной критике и на основании только сохранившихся форм стараются реконструировать апостольскую анафору, остаются беспомощными и не могут удовлетворить свою научную любознательность.

Пробст, Биккель, Кестлин, Гольц, а за ними и русский ученый Карабинов в искании формальной объективности должны были на ряд вопросов ответить не только молчанием, но и отрицанием некоторых подробностей в апостольском ритуале, возникновение которых впоследствии, если их не было раньше, является просто непонятным. Таков вопрос об образовании и развитии всей анафоры, в частности вопрос о происхождении эпиклезиса.

Поэтому особенно велика научная заслуга тех ученых, которые, освободившись от своего критического буквализма, стараются на основании церковного предания восстановить оборванную нить органического развития той или иной молитвы.

Здесь следует упомянуть снова уже цитированного нами англиканского епископа Фрира. Он подходит к вопросу не только с точки зрения формальной критики, наличия тех или иных выражений в памятниках и их грамматической формы, а с точки зрения непрерывности церковного предания. Он не только анализирует, разлагает текст на его составные элементы, но и ищет синтеза, органически объединяющего начала в процессе роста.

В вопросе о возникновении и развитии самой евхаристической молитвы он встал на совершенно правильную и церковную позицию. Евхаристическая молитва всех времен, поскольку она зафиксирована в памятниках и поскольку она доступна нашему историческому анализу, представляет собой молитву, обращенную ко всей Святой Троице. И эту тринитарную молитву Фрир изучает в связи с развитием тринитарного славословия апостольского времени[26]. Для него важно, что, во-первых, во времена апостольские действующей силой в Крещении признавался Святой Дух. *Все мы одним Духом крестились в одно тело* (1 Кор. 12, 13). *Когда же они вышли из воды, Дух Святый сошел на евнуха* (Деян. 8, 39). Во-вторых, доксологическая формула дана нам уже ясно во 2 Кор. 13, 13: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и общение Святаго Духа.* Эта же формула вошла почти во все анафоры. И наконец, в-третьих, апокалиптическое видение четырех животных, взывающих: *свят, свят, свят* (Апок. 4, 8), в связи с видением пророка Исаии (Ис. 6) также очень рано входит в состав евхаристической молитвы.

Дополняя эти данные новозаветных книг более поздними свидетельствами святых Иустина Философа, Иринея Лионского, Игнатия Богоносца, а также апостольского символа, Фрир приходит к выводу чрезвычайно ценному, а именно что древнейшая анафора была тринитарной молитвой. Поэтому историко-литургическое исследование этого вопроса должно вестись именно так, параллельно, с изучением развития тринитарной доктрины и тринитарных формул. Евхаристический канон есть раскрытое

литургическое истолкование догмата о Святой Троице, творении, искуплении и освящении. Все доступные нашему изучению памятники подтверждают это. К временам более древним надо искать тот же подход. В литургике, как в живой и жизненной философии Православия, догматика находит свое раскрытие и молитвенное переживание. Если бы когда-то верили по-другому, то и молитвенное истолкование этой веры было бы иным. Нужно искать то, что скрыто и еще не выявлено, ибо невозможно предположить изменение догматического сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] PG, 4, col. 136A.
[2] PG, 150, col. 766D—767A.
[3] PG, 155, col. 512D.
[4] PG, 91, col. 665C—668B.
[5] PG, 150, col. 452C—453A.
[6] «Adv. haeres», IV, 18,5.
[7] Lagrange. L' evangile de Jesus Christi., 1939, p. 210.
[8] PG, 73, col. 500D—501A.
[9] PG, 2, col. 561B—561D.
[10] PL, 17, col. 754D.
[11] PG, 73, col. 580A—581D.
[12] PG, 59, col. 264A—264D.
[13] PG, 59, col. 260A—260A.
[14] PL, 17, col. 754A.
[15] PG, 155, col. 509D—512A.
[16] Несмелов В. Наука о человеке. СПб., Б. г, т. II, с. 37.
[17] PG, 59, col. 260A.
[18] Lagrange. Op. cit, p. 224.
[19] Ibid, p. 494.
[20] Иосиф Флавий. Иудейская война, VI, с. 3.
[21] Карабинов И. Евхаристическая молитва. СПб., 1908, с. 12.
[22] Цит. соч., с. 13—14.
[23] Dix G. The shape of the liturgy. London, 1945, p. 12—15.
[24] Schweizer E. Das Abendmahl eine Verqeqenwartiqunq des Todes Jesu oder ein eschatoloqisches Freidenmahl? // Theoloqishe Zeitschift. Basel, 1946, N 3, p. 81—107.
[25] Ibid, p. 94—95.
[26] Ibid, p. 19—23.

(Печатается по изд.: Архимандрит Киприан. Евхаристия. Париж, 1947, с. 21—47, с незначительной стилистической правкой)

Протопресвитер Александр ШМЕМАН

Символ Царствия

Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие (Мк. 1, 15)

Выражение «богатая символика православного богослужения» является столь употребительным, что оно уже стало — как для православных, так и для неправославных — чем-то вроде привычного словосочетания, самоочевидного и не требующего дальнейших разъяснений; или же, скорее, это разъяснение также считается самоочевидным. Символ отождествляется с «иллюстрацией», с актом, который напоминает нам о чем-то другом: о событии из прошлого, об идее, о догмате. Так, говорится, что малый вход на литургии «символизирует» выход Спасителя на проповедь Евангелия, Великий вход — Его погребение, но также и Его вход в Иерусалим и т. п. Такого рода «иллюстративный символизм» вообще в ходу ныне по отношению к богослужению — как к богослужению в целом, так и к его отдельным частям. А поскольку такое толкование «символизма» (которое берет свое начало еще в византийские времена) проистекает — сомнений нет — из самых благочестивых чувств, то мало кому приходит в голову, что оно не только не соответствует основополагающему и первоначальному понятию о христианском богослужении, но, более того, извращает его и представляет собой одну из причин современного его упадка.

Действительно, под «символом» здесь понимается нечто не просто отличное от реальности, но даже просто противное ей. Так, например, специфически западный, характерный для Римско-Католической Церкви акцент на «реальном присутствии» Христа в Евхаристических Дарах проистек именно из страха «унизить» это присутствие до «символического». Но такое может быть только тогда, когда слово «символ» перестает обозначать что бы то ни было реальное и становится, по сути дела, антонимом для слова «реальность»: если ты имеешь дело с реальностью, то нет нужды в символе и, наоборот, где есть символ, там заведомо нет реальности. Отсюда и восприятие литургического символа как иллюстрации, необходимой именно в такой мере, в какой то, что представляется этой иллюстрацией, не есть реальность. Так, две тысячи лет назад Спаситель реально вышел на проповедь Евангелия, а ныне мы символически иллюстрируем этот акт, чтобы уяснить себе смысл этого события, его значение для нас и т. д.

Здесь налицо — я снова готов повторить это — намерения сами по себе благочестивые и вполне законные. Все же символизм такого рода, не говоря уже о том, что он часто используется весьма произвольно и искусственно — например, вход на литургии становится символом выхода на проповедь, сводит, по сути дела, девяносто процентов нашего обряда к дидактической драматизации, и в результате обряды лишаются своей внутренней необходимости,

От редакции. Во вступлении автор высказывает свою точку зрения по вопросу о символике богослужения, не всегда совпадающую с нашей традиционной позицией. Мы считаем полезным ознакомить читателя с мнением известного богослова и литургиста протопресвитера Александра Шмемана.

своей связи с реальностью богослужения. Они становятся «символическим» обрамлением, простой декорацией двух или трех актов, которые одни лишь и придают, так сказать, реальность литургии. Наглядным подтверждением тому является наше схоластическое богословие, которое, по сути дела, давно уже упустило из поля зрения последование Евхаристии в его целом и сосредоточилось лишь на отдельных актах, отдельных сакраментальных формулах. Другим подтверждением (как бы странно это ни выглядело с первого взгляда) является само наше благочестие. Не случайно, конечно, что всевозрастающее число верующих находят, что это нагромождение символических представлений и изъяснений просто мешает их молитве, отвлекая их от той духовной реальности, прикосновение к которой составляет самую суть молитвы. Иллюстративный символизм, ненужный для богослова, не нужен и тому, кто по-настоящему верит и молится.

Поэтому-то очень важно подчеркнуть, что этот иллюстративный символизм, который мало-помалу стал единственным ключом к толкованию литургии, возник в результате распада первоначального понимания символа, распада, который привел к многочисленным (и далеко еще не полностью осознанным) последствиям для всего христианского мира. Но сейчас, ограничивая себя тем только, что имеет к нашей теме прямое отношение, скажем лишь, что это первоначальное значение символа никоим образом не тождественно иллюстрации. В самом деле символ может вообще не иллюстрировать, то есть быть лишенным всякого внешнего сходства с тем, что он символизирует. История религии показывает нам, что, чем символ древнее, глубже, органичнее, тем меньше в нем иллюстративных качеств. Причина в том, что назначение символа не иллюстрировать (это преполагало бы отсутствие иллюстрируемого), но, скорее, явить то, что символизируется, и приобщить к нему. Мы могли бы сказать, что символ не столько напоминает символизируемую реальность, сколько участвует в ней, и потому-то способен реально приобщать к ней. Другими словами, разница (и притом коренная) между нашим теперешним пониманием символа и первоначальным его пониманием заключается в том, что если теперь мы понимаем символ как представление (или знак) отсутствующей реальности, то в первоначальном понимании символ — это явление и присутствие иной реальности, той, которая в данных условиях не может никак иначе ни быть явлена, ни присутствовать. Это означает, что в конечном счете истинный, подлинный символ неотделим от веры, ибо вера есть *уверенность в невидимом* (Евр. 11, 1), знание того, что есть иная реальность, отличная от эмпирической, что в нее можно войти, что с ней можно общаться, что она поистине может стать реальнейшей из реальностей.

Итак, если символ предполагает веру, то и вера необходимо требует символа. Ибо в отличие от убеждений, философских точек зрения и т. п. вера, конечно же, есть соприкосновение и жажда соприкосновения, соединение и жажда соединения; вера — это явление, присутствие, действие одной реальности внутри другой. Все это и есть символ (от греческого συμβαλλω — «объединять, совмещать»). В нем — в отличие от простой «иллюстрации», от простого знака и даже от Таинства в его схоластически-рационалистической интерпретации — эмпирическое (или видимое) и духовное (невидимое) объединяются не логически («это замещает то»), не по аналогии («это иллюстрирует то») и не как причина и следствие («это есть средство или источник того»), но — введем новое слово — эпифанически (от ἐπιφλανω — «являть»). Одна реальность являет другую и приобщает к ней, но — и это бесконечно важно — именно в такой мере, в какой сам символ участвует в духовной реальности и способен или призван воплотить ее. Другими словами, в символе все являет духовную реальность, но не все принадлежащее к духовной реальности является воплощенным в символе. Символ всегда частичен, всегда несовершенен: *ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем* (1 Кор. 13, 9). По самой природе своей символ объединяет несоизмеримые реальности, которые всегда соотносятся одна с другой — как абсолютно иное. Сколь реальным ни был бы символ, сколь успешно ни передавал бы он нам эту другую реальность, его задача не утолить нашу жажду, но увеличить ее. *Подавай нам истее Тебе причащатися, в невечернем дни Царствия Твоего* (из Пасхального канона). Дело не в том, чтобы та или иная часть мира сего — пространство, время или материя — стала священной, но, скорее уж, в том, чтобы все в нем было увидено и понято как ожидание и жажда его совершенного одухотворения: *да будет Бог все во всем* (1 Кор. 15, 28).

Можем ли мы показать, что лишь в этом онтологическом и эпифаническом смысле приложимо слово «символ» к христианскому богослужению? Что мы должны возражать не против совершенно неоспоримого символизма нашего богослужения, но против того понимания и восприятия символа, при котором он становится своего рода синонимом чего-то не-реального, не-присутствующего, против истолкования символизма как антитезы реализму? Что мы отвергаем иллюстративный символизм не просто потому, что он был неизвестен Древней Церкви (это само по себе еще не признак ложности), и не потому, что мы предпочитаем другой ключ (быть может, более соответствующий нашей современной психологии), но потому, что такое понимание символа — делая номинальным почти все последование Евхаристии, превращая его в чреду освященных драматизаций и аллегорий — разрушает тем самым суть подлинного символизма?

Теперь уже мы можем затронуть самый главный вопрос: что символизируется Евхаристией? Какая символика объединяет в единое целое все ее обряды? Или, поставив вопрос по-другому, какая духовная реальность является нам и преподается нам в этом Таинстве Таинств?

Евхаристия как Откровение и Приобщение

Литургия начинается торжественным славословием: *Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков.* Точно так же и Сам Спаситель начинал свое служение, провозглашая приближение Царствия: *пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 14—15). И первая, важнейшая из всех христианских молитв провозглашает: *Да приидет Царствие Твое.*

Таким образом, Царствие Божие есть содержание христианской веры — цель, смысл и содержание христианской жизни. Оно есть познание Бога, любовь к Нему, единение с Ним, жизнь в Нем. Царствие Божие есть единение с Богом как источник всякой жизни — как сама жизнь. Оно есть Жизнь Вечная: *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога...* (Ин. 17, 3). И для этой-то Вечной Жизни в полноте любви, единения и знания и был создан человек: *В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков* (Ин. 1, 4). Но все это было потеряно в падении, и через человеческий грех в мире воцарились зло, страдание и смерть. Воцарился князь мира сего; Бог и Царь был отвергнут миром. Но мир — мир не был отвержен Богом: *...Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшия восставил еси паки, и не отступил еси вся творя, дондеже нас на небо возвел еси и Царство Твое даровал еси будущее.*

Ветхозаветные пророки жаждали Царствия, молились о нем, предсказывали его; оно было той целью, тем завершением, к которому была направлена вся священная история Ветхого Завета — священная не человеческой святостью (ибо она была буквально переполнена падениями, изменами и грехами), но тем, что это Сам Бог подготовлял пришествие Царствия Своего.

Ныне же *исполнилось время и приблизилось Царствие Божие.* Единородный Сын Божий стал Сыном человеческим, чтобы провозгласить и даровать человеку прощение грехов, примирение с Богом, новую жизнь. Он воцарился Своею крестною смертью и Своим воскресением из мертвых. Бог посадил Его *одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего* (Еф. 1, 20—22). *Итак, твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли* (Деян. 2, 36). Христос воцарился, и всякий верующий в Него, возрожденный водою и Духом, имеет Его в себе и принадлежит к Царствию Его. «Христос есть Господь» — таково древнейшее христианское исповедание веры, и на протяжении трех столетий мир в лице Римской империи преследовал христиан за эти слова, за их отказ признавать Господом кого бы то ни было на земле, за исключением Единого Господа и Единого Царя.

Царствие Христово принимается верой и сокрыто внутри нас самих. Сам царь приходит как слуга и воцаряется лишь через Крест. Нет на земле внешних знаков этого царствия. Оно есть Царствие грядущего века, и потому лишь в славе Второго пришествия Его признают все народы истинного Царя мира. Но для тех, кто поверил в него и принял его, это Царствие уже здесь и сейчас очевиднее, чем любая окружающая нас реальность. «Господь пришел, Господь грядет, Господь паки приидет» — это триединое значение арамейского восклицания *маранафа*! (1 Кор. 16, 22) содержит в себе всю полноту победоносной христианской веры, против которой все преследования оказались тщетными и бессильными.

С первого взгляда все это напоминает набор благочестивых банальностей. Но перечитайте еще раз то, что мы сейчас сказали, сравните это с верой и опытом подавляющего большинства христиан, и вы убедитесь в том, что Царствие Божие перестало быть центральным моментом и внутренней мотивацией христианской веры. В отличие от первых христиан христиане последующих веков утратили мало-помалу ощущение того, что *приблизилось Царствие Божие.* Оно стало пониматься как Царствие, которому лишь предстоит прийти — в конце и после конца. Мир сей и Царствие Божие, которые в Евангелии противостоят друг другу в напряженной борьбе, теперь мыслятся как сменяющие друг друга во времени; ныне — только мир, потом — только Царствие. Для первых христиан всеобъемлющая радость, воистину потрясающая новизна их веры заключались в том, что Царство *приблизилось.* Оно появилось — и хотя оно пребывало скрытым и невидимым для мира сего — оно уже присутствовало, свет его уже сиял, оно уже действовало в мире. Но постепенно, по мере того как Царствие откладывалось до скончания мира, до времен таинственных и непостижимых, христиане утрачивали это первоначальное представление о нем как о чем-то, на что ты надеешься и чего жаждешь,— радостное и вожделенное исполнение всех надежд и желаний, самой жизни — все то, что древняя Церковь включала в слова *Да приидет Царствие Твое.* Показательно, что наши учебники догматического богословия, объемистые и схоластические (которые, конечно же, не могли совсем замолчать это древнее учение), говорят о Царствии очень скупо, словами скучными и даже просто надоедливыми. Эсхатология (т. е. учение о конечной судьбе мира и человека) фактически сведена здесь к учению о Боге как Судии и Мздовоздаятеле. С точки зрения благочестия, т. е. личного опыта отдельных верующих, все сводится к вопросу о их личной посмертной участи. Между тем «мир сей», о котором апостол Павел писал, что *проходит образ* его (1 Кор. 7, 31), мир, который в понимании первых христиан был проницаем для Царствия,— этот мир вновь обретает самостоятельную ценность и существование, независимое от Царствия Божия.

Это постепенное сужение — чтобы не сказать коренная метаморфоза — христианской эсхатологии, в особенности ее отрыв от темы и от опыта Царствия, оказало огромное влияние на развитие литургического сознания Церкви. Если мы вернемся к тому, что мы говорили выше о символике христианского богослужения, то мы должны будем констатировать, что церковное богослужение родилось первоначально как символ Царствия и символ Церкви как вход в Царствие. В мире сем Церковь есть дар, богоявление, предвкушение Царствия. Совершенная новизна и уникальность христианского культа заключались в его эсхатологической природе: присутствии будущего здесь и сейчас, явлении того, что должно прийти, общении с будущим веком. Как написано в «Введении в литургическое богословие», именно благодаря этому эсхатологическому опыту и появился день Господень — как символ Царствия, т. е. явление его здесь и сейчас. Именно этот опыт и предопределил христианское восприятие иудейских празднеств Пасхи и Пятидесятницы как праздников перехода от нынешнего эона к грядущему и тем самым как символов Царствия Божия.

Но, конечно же, символом Царствия par exellence, символом — исполнением всех прочих символов: Дня Господня, Крещения, Пасхи и т. п., равно как и исполнением вообще всей христианской жизни, *сокрытой со Христом в Боге* (Кол. 3, 3), была Евха-

ристия — таинство прихода воскресшего Господа, таинство встречи с Ним и общения с Ним *за трапезою Его в Царстве Его* (Лк. 22, 30). Тайно, невидимая для мира, Церковь — это *малое стадо*, которому *Отец благоволил дать Царство* (Лк. 12, 32),— восходила в Евхаристии к свету, радости и триумфу этого Царствия. Без малейшего преувеличения можно сказать, что именно в этом совершенно уникальном и ни с чем не сравнимом опыте — символа полностью осуществленного — и берет свое начало lex orandi древней Церкви. Используя те слова, которые являются названием этой главы, мы можем сказать: Евхаристия, будучи конечным осуществлением этого символа, является отнюдь не иллюстрацией чего-то, но скорее откровением всего и приобщением ко всему.

Православный опыт Царствия

Как же случилось, что с началом ослабления и упадка изначальной христианской эсхатологии литургическая символика Царствия мало-помалу заросла сорной травой вторичных объяснений, аллегорических комментариев, всего того иллюстративного символизма, который — как я пытался показать выше — означает, по сути дела, распад символа? С течением времени первоначальная символика Царствия забывалась все больше — поскольку же литургия, как отдельные ее моменты, так и весь чин в целом, уже существовала (и притом воспринималась как неприкосновенная часть традиции), то для нее потребовалось новое истолкование — в новом ключе. Это было началом все более и более глубокого проникновения иллюстративного символизма в истолкование службы.

Процесс этот, без сомнения, был долгим и сложным — отнюдь не какой-то внезапной метаморфозой. Надо отметить также, что, несмотря на свою внешнюю победу, иллюстративный символизм так и не смог никогда полностью вытеснить первоначальную, эсхатологическую символику литургии. Как бы далеко ни заходило, скажем в Византии, развитие богослужения в сторону того, что во «Введении в литургическое богословие» называется «внешней торжественностью», как бы ни переполнялась служба аллегорическими и декоративными деталями, помпой, заимствованной из императорского культа, терминологией мистериологического священства, все равно для богослужения в целом (равно как и для интуитивного понимания его самими верующими) определяющей остается символика Царствия Божия. Лучшим тому свидетельством является православный опыт храма и иконы — опыт, который откристаллизовался как раз в византийский период и в котором Святая святых Православия выражена намного лучше, чем в навязчивой риторике символических истолкований литургии.

В храме стоя, на небеси стояти мним. Если, как нам теперь уже известно, исходной точкой для христианского храма был опыт евхаристического собрания, то тем самым идея храма изначально подразумевала идею неба на земле — ибо Евхаристия есть восхождение на небо, вход в небесное святилище. Этот опыт храма сохранялся неизменным и неослабевающим практически на всем протяжении истории Церкви, несмотря на многочисленные периоды упадка и на прерывистость аутентичных традиций церковной архитектуры и иконографии. Этот опыт — он и есть то целое, что объединяет и согласует между собой все элементы храма: пространство, форму, облик, иконы — все то, что может быть названо ритмом и строем храма.

Что касается иконы, то она есть — по самому своему существу — символ Царствия, явление новой твари, неба и земли, исполненных славой Божией; именно по этой причине каноны запрещают введение в иконографию любого символизма аллегорического или иллюстративного порядка. Ибо икона не иллюстрирует, но являет — и являет только в такой степени, в какой она сама участвует в являемом, в какой она сама есть присутствие и приобщение. Достаточно побывать хоть раз в Храме храмов — Святой Софии Константинопольской (пусть даже в теперешнем ее виде — опустошенном и уничиженном), чтобы познать всем существом своим, что как храм, так и икона были рождены и вскормлены в живом опыте неба, в причастии *мира и радости во Святом Духе*, как определяет Царство Божие апостол Павел (Рим. 14, 17).

Этот опыт неба не раз оказывался затемненным: историки христианского искусства часто говорят об упадке церковной архитектуры и иконописи. Важно отметить, что обычно этот упадок происходил вследствие того, что целое — храма, иконы — затушевывалось и терялось под растущей толщей деталей. Так, храм почти что исчезает под толстым слоем самодовлеющего декора, а в иконе — как византийской, так и русской — первоначальная целостность сменяется всевозрастающим вниманием к искусно выписанным деталям. Разве это не есть то же самое движение: от общего к частному, от опыта целого к дискурсивному разъяснению, короче говоря, от символа к «символизму»? И все же, до тех пор пока οἰκουμένη, христианский мир, родившийся благодаря видению Константина Великого, продолжает ощущать себя соотнесенным (пусть несовершенно и даже подчас лишь номинально) с Царствием Божиим, с вожделенным Отечеством, это центробежное движение не может до конца преодолеть силы центростремительной. Мы можем сказать, что первоначально — и на протяжении довольно значительного времени — иллюстративный символизм — будь то в богослужении, в иконе, в архитектуре храма — развивался внутри символики Царствия — онтологической и первоначальной. Более глубокий, поистине трагический разрыв между ними, замещение одного другим начались после того, как наступила эпоха западного пленения православного сознания, эпоха длительная и в целом ряде моментов все еще длящаяся. Отнюдь не случайно, что пышный и бесконтрольный расцвет иллюстративного символизма хронологически совпадает с триумфом западного юридизма и рационализма в православном богословии, с победой пиетизма и сентиментальности в иконописи, разукрашенного нарядного барокко в церковной архитектуре, лиризма и повышенной эмоциональности в церковной музыке. Все это симптомы одного и того же упадка, одной и той же псевдоморфозы православного сознания.

И все же даже этот упадок — каким бы глубоким и поистине трагическим он ни был бы — нельзя считать окончательным. В конечном счете в глубинах своих церковное сознание остается нетронутым. Повседневный опыт являет нам, что иллюстративный символизм чужд живой и подлинной вере Церкви точно так же, как и школьное богословие

чуждо при ближайшем рассмотрении живой церковной вере. Родная почва для иллюстративного символизма — это та суеверная, показная и рутинная церковность, где разностороннее, но поверхностное любопытство ко всякого рода символике легко принимается за религиозное чувство и за интерес к Церкви. Но там, где есть вера — живая, подлинная и простая (в лучшем смысле этого слова), там иллюстративный символизм становится ненужным, ибо вера живет не любопытством, но жаждой.

Как тысячу лет назад, так и сейчас простой верующий идет в церковь, ища в первую очередь «соприкосновения мирам иным» (Достоевский). Само богослужение в каком-то смысле не интересует его как интересует экспертов и знатоков литургических тонкостей. Богослужение как таковое не интересует его, потому что, стоя в храме, он получает все то, чего жаждет и ищет: Свет, Радость и Мир Царствия Божия, то сияние, которое, по словам агностика Чехова, исходит от лиц «стариков, вернувшихся со службы». Что пользы ему от сложных и изысканных объяснений того, что представляет тот или иной обряд? Что означает открытие или закрытие царских врат? Он не в силах быть на уровне всех этих символизмов, да и не нужны они ему, его вере. Все, что он знает,— это то, что он покинул свою повседневную жизнь и пришел туда, где все отлично от нее — и тем не менее так насущно, так вожделенно, так жизненно важно, что просвещает всю его жизнь и дает ей смысл. И точно так же знает он, что эта иная реальность делает саму жизнь стоящей того, чтобы жить, ибо все к ней тяготеет, все с ней связано, все ею будет судимо — тем Царствием Божием, которое она являет. И наконец, он знает, что (пусть даже отдельные слова или обряды ему и неясны) Само Царствие Божие дано ему в Церкви: в этом совместном действии, совместном предстоянии пред Богом — в любви и единении.

Заключение

Мы возвращаемся туда, откуда мы и начинали — откуда, впрочем, начинается и сама литургия,— мы возвращаемся к благословению Царствия Божия как к содержанию литургии, как к ее обобщающему значению. Что значит благословить Царство? Это значит признать и исповедать его как нашу высшую и последнюю ценность, как предмет нашего желания, нашей любви, нашей надежды. Это значит, что мы провозглашаем его целью того Таинства — паломничества, восхождения и вхождения, которое начинается ныне. Это значит, что мы должны сосредоточить свое внимание, свое ум, свое сердце, свою душу, т. е. всю жизнь нашу, на том, что поистине есть *единое на потребу*. И это значит, наконец, что мы утверждаем возможность приобщения Царству уже сейчас, в мире сем, возможность вхождения в его сияние, радость и истину. Всякий раз, когда христиане собираются в Церкви, они свидетельствуют перед целым миром, что Христос есть Царь и Господь, что Его Царство уже открылось и дано человеку, что началась новая, бессмертная жизнь. Вот почему литургия начинается этим торжественным исповеданием и славословием Царя — Царя, который грядет ныне, но пребывает присно и будет царствовать во веки веков.

Аминь — отвечает народ. Обычно это слово переводится «Истинно так», но на самом деле его значение сильнее: оно означает не только согласие, но и активное приятие — «да, это так, и да будет так». Этим словом предстоящие в храме завершают, так сказать, запечатлевают каждую молитву, произносимую служащим, выражая тем самым свое органическое, ответственное и сознательное участие во всех священнодействиях Церкви. «Скажи «Аминь» Тому, Чем ты являешься,— пишет блаженный Августин,— и таким образом запечатлей Его своим ответом. Ибо ты слышишь слова «Тело Христово» — и говоришь «Аминь». Будь членом Тела Христова, осуществленного через твое «Аминь»... Осуществи То, Чем ты являешься».

(Печатается по: Orthodox Synthesis: The Unity of Theological Thought.— In.: St. Vladimir's Seminary Press. N. Y., 1991, p. 35—47)

Перевод с английского М. КОЗЛОВА

ОБ АВТОРАХ

Архимандрит Киприан (Керн; † 1960) — видный православный патролог и литургист. Покинул нашу страну в двадцатые годы, преподавал в Духовной семинарии в Битоле (Сербский Патриархат), был начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. С 1937 года — преподаватель литургики, пастырского богословия и патрологии в Православном Богословском институте имени Преподобного Сергия (Париж). Основные труды: «Евхаристия» (1947), «Антропология святителя Григория Паламы» (1950) — последняя представляет собой его докторскую диссертацию, защищенную в 1945 году. Архимандрит Киприан много работал над историей богословской мысли в России, см. об этом: «Русские переводы патристических текстов. Библиографический указатель». Сост. архим. Киприан. (Шеветон, 1957. На фр. яз.). В 1952 году он положил начало традиционным литургическим неделям в Сергиевском институте, проводимым с тех пор ежегодно.

Протопресвитер Александр Шмеман († 1983) — известный православный литургист и богослов, в 1945 году окончил Православный Богословский институт имени Преподобного Сергия. В 1946 году рукоположен во пресвитера. В 1946—1951 годах — преподаватель Сергиевского института, с 1951 года — преподаватель, а с 1962 года — ректор Свято-Владимирской Православной Духовной семинарии в Нью-Йорке. Основные труды: «За жизнь мира», «Введение в литургическое богословие», «Основные проблемы», «Церковь, мир, миссия». За несколько дней до кончины отец Александр закончил фундаментальный труд о Божественной Евхаристии. Ряд его работ переведен на русский язык.

Н. Ф. Федоров и Православие

Что означает «Православие» с точки зрения языка? Это сербское и церковнославянское слово, калькирующее греческое ορθη δοξία. Этимология слова «Православие» исключительно прозрачна: правая вера, истинное вероучение, верно славящее Бога.

Не имея четких богословских критериев, некоторые критики Федорова отрицают его Православие, затем его христианство, наконец, его религиозность.

Подлинный идеал Православия — в Самом Христе, Едином, Безгрешном, Который истинно прославил Своего Небесного Отца, в Самом Христе, Который есть *путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6), *Который вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

Мы же призваны участвовать в этом прославлении, и чем более глубоко, осознанно и ответственно мы участвуем, тем более мы православные. Православие, говоря словами священномученика Павла Флоренского, не доказуется, а показуется: это живая жизнь и молитва, благочестие, подвиг служения ближнему, любви и труда.

Вероучение Православной Церкви запечатлено в евангельских заповедях, Апостольском и Никео-Цареградском Символах веры, в творениях святых отцов и церковных догматах, принятых по изволению Святого Духа Единой и Неразделенной Церковью, то есть в период, исторически завершившийся в 787 году на VII Вселенском Соборе провозглашением догмата об иконопочитании.

Давая оценку учению Федорова, принципиально важно уяснить: продолжается ли эпоха Откровения Божиего в истории и человеческом творчестве, согласно новозаветным словам *Дух дышит, где хочет* (Ин. 3, 8) и *Се творю все новое* (Откр. 21, 5), или эти слова исчерпали себя, полнота Откровения нам уже дана и ее эпилогом явился VII Вселенский Собор?

Но в таком случае не следует ли считать венцом годичного богослужебного круга не праздник праздников — Светлое Воскресение Христово и не «вторую Пасху» — Успение Пресвятой Богородицы, а праздник, установленный Константинопольской Церковью 11 марта 843 года, когда была торжественно провозглашена анафема всем еретикам?

Говоря о Богомудром утверждении иконопочитания на VII Вселенском Соборе, отец Сергий Булгаков подчеркивал, что на этом Соборе, однако, осталась догматически не разработана проблема Богочеловечества как некоего единства в двойстве, именно силы образа Божия в человеке и образа человеческого в Божестве. Вот почему VII Вселенский Собор есть как бы указательный знак, обращенный к будущему. Вселенские Соборы отнюдь не исчерпали своей проблематики. Придет время, «когда веянию Духа Божия угодно будет снова призвать к жизни мертвые кости, лежащие на поле вековой кипучей борьбы». Богословские проблемы побуждают к дальнейшему догматическому творчеству, которое продолжит живую преемственную связь между святоотеческой эпохой и современностью. Догматические формулы Семи Вселенских Соборов нельзя использовать как камни, чтобы поражать ими головы неверных. Формулы эти — «седьмочисленное созвездие» на духовном небе наших исканий, немеркнущие ориентиры, по которым следует направлять путь. Достойно сожаления, если богословие устроило из них «род догматической подушки, на которой воинствующе заснуло в позе, вызывающей ортодоксии...» (см.: На путях догмы: после Семи Вселенских Соборов.— Путь, 1933, № 37, с. 31—32, 34). Разделяя эту точку зрения, зададимся следующими вопросами.

Можно ли говорить о каком-то особом «Православии» — греческом или русском, Православии афонских подвижников или оптинских старцев? Можно ли судить о принадлежности к Православию по чисто внешним свойствам — наличию или отсутствию бороды или по таким формальным признакам, как двуперстие или трехперстие?

Это отнюдь не риторические вопросы. Такие критерии были приняты в допетровской Руси, когда Стоглавый Собор (1551) определил: «Над брадобритым ни отпевания, ни сорокоуста не творить, ни просфоры, ни свечи по нем в церковь не приносить — с неверными да причтется». Собор 1656 года осудил двуперстие как «несторианскую» ересь. И поныне ревнители старообрядчества не считают православными тех, кто не имеет длинной бороды и осеняет себя крестным знамением инако.

А неофиты из «новообрядцев» с такой же, впрочем, сектантской психологией, притязающие быть более православными, чем афонские старцы, готовы обвинять в ереси всякого, кто не разделяет их представления о Православии, даже если предмет споров лежит в сфере так называемых теологуменов — частных богословских мнений, разномыслие по которым допускается Православной Церковью именно как свидетельство ее духовной свободы и истинной соборности в духе апостольского назидания: *Подобает разномыслиям быти между вами, да откроются искуснейшие* (1 Кор. 11, 19). Другое дело — истинность правой веры, засвидетельствованная по милости Божией явным чудотворением: таинственное сошествие Благодатного Огня на Гроб Господень, совершающееся ежегодно в Великую Субботу в Иерусалиме.

Здесь будет уместно вспомнить, что Церковь не имеет догматических определений по целому ряду вопросов относительно государства, экономики, устроения социальной жизни, смысла и цели общественных задач, назначения научно-технического прогресса и т. п. И это поистине промыслительно.

Доклад на Федоровских чтениях в Институте мировой литературы, май 1991 года.

Значительнейшая часть федоровской проблематики относится именно к этой сфере допускаемого Церковью разномыслия. Нет достаточных канонических оснований, чтобы говорить с уверенностью о православии или неправославии таковых воззрений.

Заслуживает беспристрастной оценки тот факт, что, по единодушному свидетельству современников, Федоров был глубоко верующим христианином, аскетом и праведником, соблюдавшим все предписания Православной Церкви. Часто его видели молящимся в храме Христа Спасителя. Последние три года жизни он каждое лето проводил в Новом Иерусалиме под Москвой, что являлось, безусловно, паломничеством к святыне Православия.

Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что сам Федоров подчеркивал православный характер своего учения.

Субъективные же критерии и личные пристрастия в области теологуменов неизбежны. Вот почему мы наблюдаем столь широкий спектр расхождений в оценке федоровской идеологии.

Протоиерей Георгий Флоровский, Борис Парамонов (с некоторыми оговорками) и М. А. (Н. К.Гаврюшин) сурово и не без ригоризма отрицают православие и, более того, христианство Федорова.

Протоиерей Василий Зеньковский, В. Н. Ильин, отец Сергий Булгаков, Н. А. Бердяев, Оливье Клеман, Валентина Пазилова в его христианстве не сомневаются.

Корифеи федороведения Светлана Семенова и Михаил Хагемейстер говорят о критическом отношении Федорова к «официальному» Православию, имея в виду традиционную отрешенность Православия от земных проблем, неприятие мыслителем стремления лишь к индивидуальному спасению, резкую критику неделания и умозрительного догматизма, порождающего разрыв между евангельскими заповедями и действительной жизнью.

Мы полагаем, что в главных своих построениях Федоров несомненно исходил из христианской догматики, прежде всего из православной концепции Святой Троицы как учения о совершеннейшем Соборе Любви: «Троица — это Церковь бессмертных, и подобием Ей со стороны человека может быть лишь Церковь воскрешенных...»

Православие Федоров трактовал смело и даже дерзновенно, но отнюдь не дерзко. На первый взгляд он ломает все привычные каноны (точнее — трафареты), но при более внимательном рассмотрении оказывается, что мыслитель не выходит за пределы допускаемых Церковью теологуменов. Это парадокс, но не паралогизм, на что необходимо обратить особое внимание.

Учение Федорова, конечно же, не тождественно привычному, по определению В. В. Розанова, «бытовому» Православию, не совпадает оно и с традиционным христианством вообще. Едва ли возможно называть его неоправославием, но вполне допустимо считать проявлением неохристианства (нельзя путать с обновленчеством).

Не сомневаясь в истине православных догматов и церковных Таинств, Федоров переосмысливает их самым радикальным образом в духе некоей искомой эпохи, намного опередившей свое время. В этой связи вспоминается крылатая фраза Гегеля: «Истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок». Это и дает повод называть ересиархом гениального мыслителя, творческое дерзновение которого вдохновлялось богоугодным печалованием о спасении всех...

Встречались и у нас варвары, погрязшие в партийных раздорах и национальных смутах; они не имели, а их преемники не имеют морального права считать себя современниками Федорова. Вероятно, спор о христианстве Федорова решится даже не нашими потомками, а на Страшном Суде. И это будет Суд Божий над нами.

Христианство вообще и христианство Федорова в частности бесконечно дорого всем, кто отдает себе отчет в универсальности и интегральности этого учения, в неизбежной постановке тех предельных для человеческого рода задач, которые поставил мыслитель. Понимание условности апокалипсических пророчеств, учение о воскрешении мертвых по молитвам живых и подвигом труда, освященного Божественной благодатью, предполагают всеобщее примирение, спасение и преображение, то есть, выражаясь богословским языком, это идеи апокатастазиса и теозиса, которые мы встречаем еще в раннехристианскую эпоху у отцов и учителей Церкви — Оригена и святителя Григория Нисского.

Обозревая исторический путь Православия, вспомним, что до XI века вся господствующая Церковь, в отличие от отколовшихся общин, именовала себя ортодоксальной и кафолической, то есть Православной и Вселенской. После разделения Церквей на Западную — Римскую и Восточную — Константинопольскую в 1054 году наименование кафолическая (в позднейшей огласовке — католическая) закрепилось за Западной, название ортодоксальная — за Восточной (причем термины Римско-Кафолическая и Греко-Кафолическая были удержаны обеими Церквами как официальное их самоназвание). Но Церковь Христова всегда была и неизменно остается внутренне единой и неделимой, несмотря на все внешние разделения. Ведь она является не только собором верующих, но и мистическим Телом Христа; земные перегородки до Неба, к счастью, не доходят... Все это, казалось бы, дает основания говорить об условности самого противопоставления Западной и Восточной Церкви как двух крыльев одной птицы, прибегая к замечательному сравнению Вячеслава Иванова. В «Философии общего дела», однако, Н. Ф. Федоров отнюдь не стремится показать относительность различий между Православием и католицизмом, наоборот, подчеркивает глубину этих различий. Особенно раздражает его, по-видимому, догмат о папской непогрешимости, принятый Ватиканом в 1870 году.

В сфере догматики между Западной и Восточной Церковью имеются другие довольно существенные различия. Западная Церковь учит о филиокве, то есть нисхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына, признает существование не только ада и рая, но и чистилища, верует в непорочное зачатие не только Святой Девы Марии, но и Ее матери — праведной Анны.

Вот область, где «Философия общего дела» требует тщательного и серьезного изучения. Знаменательно, что здесь мы почти не находим сколько-нибудь серьезной критической аргументации в адрес католицизма. Последний же догмат — о взятии Пресвятой Богородицы в Небесную славу — принят Римско-Кафолической Церковью в 1952 году, спустя полвека после кончины Федорова, поэтому, естественно, выпадает из нашего поля зрения.

Касаясь оценки главной, наиболее самобытной идеи Федорова — нравственного долга живущих воскресить умерших, кто, положа руку на сердце, осмелится утверждать, что не к этому призывает евангельский Христос: *Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю* (Ин. 14, 12—14).

Как видим, Господь заповедует верующим в Него, то есть христианам, творить Его дела, Его чудеса, главное из которых — воскрешение. Заповедует потому, что Сам возносится на Небо... И в следовании этой заповеди усматривает условие прославления Отца, то есть торжества Православия. И дважды уверяет, что ниспошлет благодатную помощь свыше всем, кто попросит этой помощи во имя Христово. В Евангелии от Матфея об этом сказано с абсолютной ясностью: *Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8).

Не здесь ли ключ к идее синергизма, то есть к идее соработничества человека с Богом, сформулированной еще в V веке преподобным Иоанном Кассианом Римлянином и в XIX веке гениально завершенной великим русским мыслителем Н. Ф. Федоровым?

О том, соответствуют ли взгляды Федорова заповеди, исходящей из уст Самого Спасителя, думается, спорить не приходится. Новозаветный контекст не только не противоречит, но и вполне допускает федоровскую интерпретацию. Вспомним также слова святого апостола Павла из 1 Послания к Коринфянам: *Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых* (15, 21).

Здесь, пожалуй, можно было бы поставить точку. Имеющий уши да услышит. Но нельзя умолчать о серьезных критических аргументах в адрес Федорова с позиций настоящих ревнителей Православия.

Мыслителя не без оснований упрекают в мистической нечувствительности к силе зла. Действительно, он как будто полностью игнорирует иррациональное начало в мире, вмешательство падших духов в человеческую жизнь и историю, порождающее распри и войны, болезни и смерть. Отсюда, быть может, как прямое следствие недооценка необходимости трансцендентного, Божественного вмешательства — решающего фактора в деле всеобщего воскрешения.

Но не будем забывать, что Христос уже явился в мир и уже искупил род человеческий от первородного греха. Догмат искупления есть догмат основополагающий, краеугольный камень Церкви. Благодаря Крестной Жертве Спасителя силы зла связаны, ад пленен. Воскрешение Лазарево предваряет общее воскресение. *Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже,*— поется в православных храмах в Лазареву субботу.

Вменяют в вину Федорову и сугубо практическую, позитивистскую направленность его построений и его умолчания о потустороннем мире. Такие умолчания в отличие, например, от теософских спекуляций на эту тему есть проявление духовного целомудрия. К тому же надо учитывать, что Федоров был глубочайшим монистом, для него не существовало разделения мира на имманентный и трансцендентный, идея всеединства всецело владела его разумом и чувством. «Проект общего дела,— писал Федоров,— предполагает чрез возможность в начале, чрез долг в середине и чрез действительность в конце родство всех и всего — всеединство»...

Сравним эти слова с молитвой за Божественной литургией, когда совершается Святая Евхаристия, приносится Бескровная Жертва Христова «за всех и за вся». Между федоровским гуманизмом и христианством в этом аспекте, думается, можно поставить знак равенства.

Наиболее уязвимым местом в учении Федорова, его, можно сказать, «ахиллесовой пятой», является антропология. Увы, приходится признать, что «Философия общего дела» не свободна от существенных аберраций, главные из которых — механицизм и рационализм, взгляд на человека как машину, продуктом жизнедеятельности которой является сознание; отсюда и представление о сновидениях как болезненных аномалиях или проявлениях праздной жизни, отсюда и неприемлемое, на наш взгляд, представление о воскрешении: «соберите разломанную машину — и сознание возвратится к ней» (см.: Философия общего дела, т. 1, с. 288).

Между тем душа — нематериальный субстрат, как бы ее ни пытались, образно говоря, взвесить на аптекарских или электронных весах даже самой новейшей технологии.

Учение Федорова в этом плане, безусловно, требует преодоления и углубления, дальнейшего развития в духе подлинно христианской антропологии, аккумулирующей все достижения современной науки.

Николай Федоров был бы этому только рад. Не случайно его учение заметным образом эволюционировало, особенно на рубеже столетий. Между текстами, вышедшими из-под пера Федорова или продиктованными им в 60-е, 80-е и 90-е годы XIX века, и предсмертными письмами — очевидная разница. Но это уже особая тема.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что не следует смешивать подлинное учение Федорова с искажениями его лжепоследователей. Такие искажения страшны. Есть в них, безусловно, и явный привкус тоталитаризма. Не случайно Лев Троцкий был столь увлечен федоровской идеей «трудовых армий».

Нельзя не предостеречь и от увлечения монархическими крайностями в историософии Федорова, от идеализации всего русского только потому, что оно русское. Он, например, был склонен считать, что в России запустение кладбищ — простительная случайность, а в буржуазной Европе тщательный уход за могилами, чистота и порядок на кладбищах — «полицейская выправка и желание подбелить смерть». Но это отнюдь не так. Европейцы — католики и протестанты, слава Богу, сохранили и приумножили свое христианство, а вот мы, православные русские, в свое время его предали и попрали... Остается надеяться лишь на милость Божию благодаря молитвенному предстательству сонма новомучеников Российских, чему и обязаны мы нынешним духовным возрождением России.

Христианскому сознанию искони свойствен чисто федоровский пафос печалования о розни, о спасении всех, о воскресении мертвых и преображении мира. И слово Федорова поистине, как писал Владимир Николаевич Ильин (1891—1974), «растворено

подлинной христианской солью, оно от Логоса» (Евразийский сборник. Прага, 1929, кн. 6, с. 18).

Христианство Федорова, глубочайшего почитателя Лазаревой субботы,— это не условно-символическое христианство средневековых схоластов, а деятельное, творчески-активное христианство, христианство нашей эсхатологической эпохи, эпохи последних дней. Быть может, если человечество опомнится, последние дни станут началом нового, Седьмого цикла творения, к которому призваны мы все по слову Спасителя: *Дерзайте, ибо Я победил мир* (Ин. 16, 33).

И пусть нас не смущает то обстоятельство, что мысль Федорова соединяет в одном русле два мощных потока — литургику и технику. Литургия в переводе с греческого и означает «общее дело». Вот почему техника у Федорова руководится литургическим заданием, а литургика осуществляется технически. Таким образом устраняется то парадоксальное противоречие между религией и наукой, о котором писал Федоров: «Религия приняла напутственный молебен, крестное знамение, полагаемое пред началом дела, за самое дело».

Как справедливо отмечает В. Н. Ильин в своей статье «О религиозном и философском мировоззрении Н. Ф. Федорова», «нас это не должно поражать, ибо техника, чтобы быть богоугодной, должна иметь целью служение Богу и ближним, а литургика вообще осуществляется в своей материальной части через технику (храмостроение, возделывание хлеба и винограда, изготовление всевозможных принадлежностей богослужения). В центре литургики и техники в качестве объединяющей инстанции является для Федорова Воскресение — праздник Пасхи как задача, основание которой положено Воскресением Господа Иисуса Христа».

Н. Ф. Федоров очень любил «Огласительное слово» святителя Иоанна Златоуста. В этом «Слове» и в этой любви — квинтэссенция его Православия: «Где твое, смерте, жало? Где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низверглся еси. Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются Ангели. Воскресе Христос, и жизнь жительствует. Воскресе Христос, и мертвый не един во гробе: Христос бо, востав от мертвых, начаток усопших бысть. Тому слава и держава во веки веков. Аминь.»

Валентин **НИКИТИН**

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексий II,
Патриарх Московский
и всея Руси

Сборник избранных трудов к годовщине интронизации, 1990—1991.
М.: Изд. Московской Патриархии, 1991. 192 с.

10 июня 1991 года вся Полнота Русской Православной Церкви торжественно отпраздновала годовщину интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Этой исторической дате посвящен сборник избранных трудов доктора богословия Святейшего Патриарха Алексия, выпущенный Издательским отделом Московского Патриархата при техническом участии издательства «Планета».

В сборник, состоящий из десяти разделов, вошли публикации в церковной и светской периодике, а также ранее неопубликованные материалы из личного архива Первоиерарха Русской Православной Церкви.

Все они отражают огромный, поистине эпохальный размах в первосвятительской деятельности Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, направленной на созидание и укрепление Русской Православной Церкви, религиозно-нравственное возрождение народа, духовное обновление общества, развитие отечественной культуры.

1-й раздел — «Начало патриаршего пути» (с. 4—12) — включает программные речи, произнесенные новоизбранным Патриархом на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой Лавре и Свято-Даниловом монастыре 8—10 июня 1990 года. В них содержится призыв ко всем чадам Русской Церкви исполнить завещанный от Бога долг быть солью земли и светом мира, оправдать надежды широких кругов общественности, которые справедливо видят именно в Церкви источник неоскудевающей духовной силы, преобразующей жизнь всего общества, готовой содействовать возрождению Отечества. Ключ к этому — широкое и повсеместное возрождение монашества, развитие соборности, духовного образования и катихизации. «Свою первоочередную задачу, — подчеркивает Патриарх Алексий,— мы видим прежде всего в укреплении внутренней, духоносной жизни Церкви...» «В вихре совершающихся в мире перемен особенно важным представляется нам опора на вечное и незыблемое. Свое служение мы будем осуществлять, основываясь на Священном Предании, сохраняя верность догматам веры и церковным канонам...» (с. 8).

Во 2-м разделе (с. 13—21) помещены праздничные приветствия Его Святейшества, включая Рождественское и Пасхальное послания, а также особое послание в связи с возвращением Церкви святых мощей преподобного Серафима Саровского.

«Не будем забывать, что серафимовская духовная радость явилась плодом многолетнего и тяжелого подвига»,— подчеркивает Патриарх. — И серафимовский мирный дух, и его радость о Воскресении Христа Спасителя были приобретены через сораспинание Господу, через перенесение многих испытаний и скорбей» (с. 18).

3-й раздел (с. 22—38) содержит слова Его Святейшества при епископской хиротонии и вручении архиерейского жезла, обращенные к следующим епископам:

Петрозаводскому и Олонецкому Мануилу, Бельскому Петру, Бендерскому Викентию, викариям Кишиневской епархии, Таллиннскому Корнилию, Владимирскому и Суздальскому Евлогию, Чимкентскому и Целиноградскому Елевферию.

Лейтмотивом этих слов является патриарший отеческий призыв хранить и возгревать благодатный дар архиерейства истовым и благоговейным совершением церковных служб, ревностной проповедью правды Христовой, всецелой преданностью воле Божией.

Следующий раздел — «Проповедническое слово» (с. 39—69) — объединяет проповеди Патриарха Алексия II, произнесенные им за богослужениями в период с 6 июля 1990 по 25 февраля 1991 года. Проповеди дышат неборимой верой в величие и духовную силу русского народа, который «не перестал быть богоискателем» (с. 47), несмотря на тяжелые исторические испытания и постигшие его беды.

5-й раздел — «Библия и современность» (с. 70—74) — содержит два слова Патриарха.

Первое из них обращено к участникам общего собрания Синодальной библейской комиссии, второе — к участникам церемонии завершения проекта «Репринт Толковой Библии». Наиболее актуальными задачами в области библеистики Его Святейшество считает следующие:

1. Дальнейшее совершенствование русского перевода текста Священного Писания.

2. Обеспечение большей доступности имеющегося церковнославянского перевода Библии.

3. Перевод на родные языки и распространение Библии среди нерусскоязычных православных нашей страны.

В следующем разделе (с. 75—85) помещены послания Первоиерарха Русской Православной Церкви Предстоятелям Поместных Православных Церквей: Святейшему Патриарху Константинопольскому Димитрию I, Святейшему и Блаженнейшему Католикосу-Патриарху всей Грузии Илии II, а также Святейшему Папе Римскому Иоанну Павлу II.

В этом же разделе опубликовано «Заявление в связи со складывающейся ситуацией в отношениях с Католической Церковью», выражающее серьезную и глубокую обеспокоенность обострением униатской проблемы в Западной Украине.

В разделе «Церковь и православная молодежь» (с. 86—98) напечатаны три слова Патриарха Алексия: на торжественном акте в Московской Духовной Академии 14 октября 1990 года, на встрече с преподавателями Московских Духовных школ 30 ноября 1990 года, на открытии Съезда православной молодежи в Москве 25 января 1991 года.

В них подчеркнута мысль о том, что важнейшей задачей православной молодежи является достойное и адекватное свидетельствование об Истине, возможное лишь при ясном и действенном экклезиологическом сознании. Молодежь должна преодолеть инерцию заблуждения, свойственного многим типичным интеллигентам, относительно того, что они нужнее Церкви, чем она им. «Церковь — это источник всего живого и духовного, светлого и творческого», что действует в человеке (с. 95).

Далее следует специальный раздел, посвященный официальной переписке Патриарха Алексия II, народного депутата СССР, с государственными деятелями нашей страны (с. 99—135), что свидетельствует о высоком авторитете Его Святейшества и неустанном попечении о нуждах Церкви и верующих граждан нашей страны.

Заслуживает особого внимания список храмов и монастырей (более 530 наименований), о возвращении которых Патриарх Алексий II ходатайствует от имени Русской Православной Церкви перед правительством РСФСР.

9-й раздел содержит выступления Его Святейшества на церковно-общественные темы (с. 136—154). Центральное из них — «Дай Бог России найти дорогу к свету»— содержит глубокий и проникновенный анализ взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советского государства.

Патриарх Алексий выражает тревогу в связи с сугубо утилитарным отношением к Церкви, которое и сегодня оказывается «едва ли не самой живучей константой общественного сознания» (с. 137).

«Служа Богу, — подчеркивает Его Святейшество,— Церковь способствует возрастанию света и добра в людях, а рост или упадок этой внутренней возделанности человеческого сердца, в свою очередь, определяет взлеты и падения человеческого общества, то есть в конечном счете — судьбы России» (с. 138). Ибо вся глубина и жизненность Православия заключены в Евангелии. Путь России к Свету Христову лежит через «поистине молекулярную работу по освящению и христианизации мира, что, собственно, и является делом Церкви в веках» (с. 139).

Заключительный, 10-й раздел (с. 155—189) включает публикации, в том числе интервью, в светской прессе, касающиеся актуальных вопросов церковной и культурно-общественной жизни, перепечатанные со страниц газет и журналов, а также предисловие к советско-американскому изданию книги «Икона».

Публикации эти охватывают чрезвычайно широкий спектр современных проблем, включая проблемы войны и мира, социальной гармонии, экологии, преодоления межнациональной розни и многие другие.

И на каждое вопрошание собеседника, пытливого «совопросника века сего», Святейший Патриарх Алексий находит слова врачующей и умиротворяющей мудрости, пробуждающие в душе сострадание и милосердие, сочувствие и веру, надежду и уверенность в достижении общего согласия и стабилизации жизни общества.

Вот почему настоящий сборник так воодушевляет. Его выход — событие большой и, надо полагать, непреходящей церковной и общественной значимости; каждое слово Патриарха Московского и всея Руси не только дань свершениям в истории Церкви и Отечества, но и свеча, возжженная на их крестном пути, ведущем к возрождению.

В. Н.

Сдано в набор 31.07.91. Подписано в печать 02.09.91. Заказ 1118

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций
полиграфической промышленности «АСПОЛ»
142300, г. Чехов Московской области

Покровский храм на Землянке в Москве

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ